

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 15, № 6А, 2025.

С. 1-163.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

June 2025, Volume 15, Issue 6A.

Pages 1-163.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 15, № 6А, 2025

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год.

Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник **Института государства и права Российской академии наук** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, **Саратовская государственная юридическая академия** – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, **Оренбургский государственный университет** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий»**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

42934 «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Подписано к печати 15.06.2025. Печ. л. 39,99. Формат 60х90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7401.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

June 2025, Volume 15, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the **Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, **Saratov State Law Academy** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, **Orenburg State University** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":

42934 "Matters of Russian and International Law".

Contract price. Passed for printing on 15.06.2025. 39.99 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7401.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рожественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуонов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Брояка Юлия Владимировна

Особенности правового регулирования водных отношений в Закавказском крае в XIX в.5

Штефан Кирилл Александрович

Еврейские общины в Российской Империи и проекты еврейской автономии в Советском Союзе.....12

Ажиева Алина Артуровна

Интердисциплинарный подход в юридической науке: особенности, проблемы и перспективы.....20

Алескерова Камила Эльшановна

«Мягкая сила» как инструмент реализации культурной внешней политики Российской Федерации: политико-правовой анализ явления.....26

Смирнов Олег Аркадьевич

Новиков Алексей Валерьевич

Механизмы правового контроля поведения: этические и социальные последствия.....34

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Никитина Анжелика Александровна

Идельбаева Гульфия Ишбулдовна

Кочкина Екатерина Максимовна

Теоретико-методологические аспекты международного гражданского процесса41

Царапкина Дарья Романовна

Делегирование государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям: систематизация зарубежного опыта50

Частно-правовые (цивилистические) науки

Квач Сергей Сергеевич

Правовая помощь как фундамент реализации частноправовых отношений с иностранным элементом.....60

Туршук Людмила Дмитриевна

Генезис и перспективы развития наследственного законодательства в условиях цифровой трансформации общества66

Вронская Мария Владимировна

Цифровая валюта и цифровой рубль: доктринальные подходы и законодательные коллизии в России78

Скляр Богдан Петрович

Развитие правового регулирования использования земельных участков.....86

Хозерова Елена Евгеньевна

Рабочее время в эпоху цифровизации: реалии и перспективы104

Журкина Ольга Вячеславовна

Определение качества юридических услуг: проблемы стандартизации и критерии оценки.....110

Уголовно-правовые науки

Москвитина Мария Михайловна

Киселёва Юлия Юрьевна

Слабкая Диана Николаевна

К вопросу о комплексном сопровождении в УИС осужденных женщин, имеющих детей:
социально-психологический аспект116

Новиков Алексей Валерьевич

Системные ограничения реформирования пенитенциарной системы Италии125

Филиппова Елена Олеговна

Мотивы и цель преступлений, совершаемых серийными убийцами133

Смирнов Олег Аркадьевич

Новиков Алексей Валерьевич

Системные условия применения силы с летальным исходом сотрудниками
правоохранительной системы США141

Международно-правовые науки

Баклажанов Игорь Анатольевич

Туристическая миграция и риски для национальной безопасности: правовой анализ и
международный опыт реагирования147

Орлова Юлия Михайловна

Рекомендательный характер консультативных заключений ООН.....155

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Yuliya V. Broyaka

Features of Legal Regulation of Water Relations in the Transcaucasian Region in the 19th Century5

Kirill A. Shtefan

Jewish Communities in the Russian Empire and Projects of Jewish Autonomy in the Soviet Union12

Alina A. Azhieva

Interdisciplinary Approach in Legal Science: Features, Challenges, and Prospects20

Kamila E. Aleskerova

"Soft Power" as a Tool for Implementing the Cultural Foreign Policy of the Russian Federation: A Political and Legal Analysis of the Phenomenon26

Oleg A. Smirnov

Alexey V. Novikov

Mechanisms of Legal Behavior Control: Ethical and Social Consequences34

Public law (state and law) sciences

Anzhelika A. Nikitina

Gulfiya I. Idelbaeva

Ekaterina M. Kochkina

Theoretical and Methodological Aspects of International Civil Procedure41

Daria R. Tsarapkina

Delegation of State Authority to Commercial and Non-Commercial Organizations: Systematization of Foreign Experience50

Private law (civilistic) sciences

Sergey S. Kvach

Legal Assistance as the Foundation for Implementing Private Law Relations with a Foreign Element60

Lyudmila D. Turshuk

Genesis and Prospects of the Development of Inheritance Legislation in the Context of Digital Transformation of Society66

Maria V. Vronskaya

Digital Currency and Digital Ruble: Doctrinal Approaches and Legislative Collisions in Russia78

Bogdan P. Sklyar

Development of Legal Regulation of Land Use86

Working Time in the Digital Age: Realities and Prospects104

Olga V. Zhurkina

Determining the Quality of Legal Services: Standardization Problems and Evaluation Criteria110

Criminal law sciences

Maria M. Moskvitina

Yulia Y. Kiseleva

Diana N. Slabkaya

On the Issue of Comprehensive Support for Convicted Women with Children in the Penal System: Socio-Psychological Aspect116

Alexey V. Novikov	
Systemic Constraints on Reforming the Italian Penitentiary System.....	125
Elena O. Filippova	
Motives and Purpose of Crimes Committed by Serial Killers	133
Oleg A. Smirnov	
Alexey V. Novikov	
Systemic Conditions of Lethal Force by US Law Enforcement Officers	141

International legal sciences

Igor A. Baklazhanov	
Tourist Migration and National Security Risks: Legal Analysis and International Response	
Experience.....	147
Yuliya M. Orlova	
Advisory Nature of UN Advisory Opinions.....	155

УДК 34**Особенности правового регулирования водных отношений в
Закавказском крае в XIX в.****Брояка Юлия Владимировна**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: u_saratov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям правового регулирования водных отношений в Закавказском крае XIX века. Регулирование водных отношений в рассматриваемый период было основано на обычном праве и нормах местных законов, легитимированных государством. Отмечается, что большое значение для региона имело водопользование в целях орошения. Согласно обычному праву право на воду имело абсолютный, священный характер, стояло над всеми другими правами и ограничивало их. Законодательство, принятое в конце XIX в., адаптировало обычное право в области водопользования, установило основные принципы водовладения и водопользования, ввело новую систему управления, связанную с контролем и распределением водных ресурсов.

Для цитирования в научных исследованиях

Брояка Ю.В. Особенности правового регулирования водных отношений в Закавказском крае в XIX в. // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 5-11.

Ключевые слова

Закавказский край, обычай, водное законодательство, водопользование, сервитут, Свод законов Российской империи.

Введение

В историко-правовой литературе остается малоизученной тема особенностей правового регулирования водных отношений национальных регионов Российской империи в XIX в., в частности Закавказского края. Дореволюционные авторы в своих работах рассматривали: источники местного права, в том числе Закавказья (Даневский П.Н., Гуляев А.М., Шопен И. Френкель А.С.); водное законодательство Закавказья (И.Н. Миклашевский, Егиазаров С.А., Ф.С. Никольский, Е. А., Дингельштет В., Флексор Д.С.; ирригационные системы Закавказья (Вейссенгоф С., Герсеванов М., Шилкин Д.). В историографии советского периода были единичные обращения к указанной теме (Тромбачев С., Дембо Л. И.). Отдельные аспекты данной темы находили освещение в работах современных исследователей, обращавшихся к вопросам местного права национальных регионов Российской империи в XIX в.

Основное содержание

Водные отношения в Закавказском крае имели свои особенности, обусловленные географическими и климатическими условиями региона. Из-за нехватки воды дефицит восполнялся за счёт возведения и эксплуатации ирригационных сооружений. «Вся долинная и степная часть восточного Закавказья находится в условиях недостаточного увлажнения, поэтому культура долин поддерживается искусственным орошением» [Тромбачев, 1923, с.1].

С момента присоединения к Российской империи Закавказья водные отношения регулировались немногочисленными местными законами и обычаями [ПСЗ РИ, 1801]. При недостаточности местных законов регулирование происходило на основе общих российских законов, что являлось общим правилом, действовавшим на территориях Российской империи, где российская верховная власть признавала юридическую силу местных законов. Принятый в 1859 г. Указ «О замене в Закавказском крае постановлений из Уложения Царя Вахтанга общими законами империи» пролонгировал действие местных законов до издания новых [ПСЗ РИ, www].

Население, проживавшее в Закавказском крае, имело различные обычаи и писанные законы по водопользованию [Никольский, 1883, с. 149-150]. В частности, в Эриванской губернии водопользователи «естественных» вод имели равные права. Водопользователи, находившиеся выше по течению реки или находившиеся у «головы канала или ирригационного сооружения» не пользовались какими-либо преимуществами. Если указанные водопользователи претендовали на право исключительного и бесконтрольного пользования водами, то это расценивалось как «нарушение освящённого обычным правом начала равноправности».

В Тифлисской, Елисаветопольской и Бакинской губерниях были установлены другие правила. Водопользователи вышележащих селений имели преимущественное право пользования оросительной водой, но это не давало им права лишения воды водопользователей, находившихся территориально ниже. Оросительная вода распределялась между ними «пропорционально числу дымов в каждой из них или же соответственно обладаемой ими поливной земли» [Егиазаров, 1889, с. 248].

Исследователи обычного права Закавказья отмечали характерную особенность - право на воду имело абсолютный, священный характер, стояло над всеми другими правами и ограничивало их. Существовавшие в Закавказье сервитуты, ограничивали право собственности на землю в пользу права на воду. Ни один землевладелец не в праве был отказать в «пути» или

в доступе к воде; за пропуск воды через свою землю владелец не в праве был требовать денежного вознаграждения. Общество имело право пролагать новые каналы, не спрашивая согласия собственников земель [ПСЗ РИ, 1890, с. 49]. Каждый землевладелец, независимо от характера права на землю, уступая определённую полосу земли для проведения через неё канавы, имел право пользования водой. Вознаграждение за проведение воды через чужие земли в одних регионах Закавказья полагалось, в других – нет.

В крестьянском быту широко был распространён сервитут, в силу которого, каждый мог безвозмездно пользоваться чужой колодезной водой в целях питья и домашнего употребления. Если колодец находился на усадебной земле, то собственник мог запретить использовать воду, но если колодец находился вне усадебной земли, то каждый сосед мог использовать воду без разрешения его собственника [Егiazаров, 1889, с. 251].

Существовало, согласно обычному праву, и приостановление права водопользования в определённых случаях на короткое время, как чрезвычайная мера («гирдава»). Сущность «гирдава» заключалась в том, что всё имевшееся количество воды в ирригационном сооружении на 1-3 дня отводилось определённой группе водопользователей, затем вся масса воды отводилась другой группе водопользователей, и таким образом по очереди орошались земли всех водопользователей, находившиеся в бассейне водного округа. Такое же чередование происходило в отдельной общине: при «гирдаве» обыкновенный порядок чередования нарушался и воду получал более нуждающийся водопользователь. Вне этого случая право непрерывного и очередного пользования водой не может подлежать ограничению или приостановлению. «Гирдава», как исключительная мера, допускалась очень редко и на непродолжительное время. Обычное право предполагало и защиту права на воду. К способам защиты права относилось назначение органом общинного управления телесного наказания и возмещение всех убытков, причинённых правонарушителем [Гинс, 1926, с. 51].

Создание законопроектов, регулировавших водопользование в Закавказье на протяжении XIX в. велось на разных уровнях, как на уровне министерств, так и на местном уровне [Гинс, 1926, с. 54]. Принятый закон от 3.12.1890 г., вошедший впоследствии в Устав сельского хозяйства Свода законов Российской империи, регулировал водные отношения в Закавказье. В новом «Положении...» в целом за основу регулирования водных отношений были приняты местные обычаи. Воды классифицировались на «замкнутые в пределах одного владения» и «проточные». Правовому регулированию подлежали только проточные воды. Права владельца на проточные воды, ограничивались правом участия других владельцев в пользовании водой по целевому использованию [ПСЗ РИ, 1890, ст.ст. 1,26].

Право пользования оросительной водой составляло принадлежность права собственности на землю и не могло отчуждаться без земли. В ирригационных местностях вода в поливной период (во все остальное время действовало общее водное право Свода законов гражданских ч. 1 т. X Свода законов Российской империи) не являлась предметом общего пользования, она распределялась в Закавказье между определёнными лицами и на определённое время. Береговой владелец получал воду по особым, одинаковым и для других пользователей правилам и мог её совсем не получить, если русло на время высыхало [Гинс, 1926, с. 56].

Право использования оросительными водами осуществлялось на основании свидетельств, выдаваемых инспектором вод на основании решений временных окружных и главного присутствий. За правительством сохранялось право в случае необходимости изменять системы каналов для их улучшения и сохранения воды [ПСЗ РИ, 1890, ст.ст 1-5].

Порядку пользования оросительными водами был посвящён специальный отдел

Положения, согласно которому право пользования водами удостоверялось свидетельствами, которые выдавались: 1) при определении существующих прав пользования водой; 2) при отводе свободных вод.

Порядок водопользования в городах и селениях устанавливался решением схода водопользователей. Каждый пользовавшийся водами из оросительных каналов должен был участвовать в расходах по содержанию и ремонту водных сооружений и по заведованию ими; денежными взносами или личным трудом, соразмерно извлекаемым им выгодам. Вся эта организация могла быть введена в действие лишь после предварительного определения прав отдельных лиц, городов и селений на пользование водой из существующих уже оросительных каналов.

Положением была предусмотрена обязанность землевладельцев предоставлять за вознаграждение пропуск через их земли вод, как для орошения, так и для питья, домашних нужд, водопоя и для вододействующих и промышленных заведений. Обязателен был также пропуск излишка вод с орошаемых земель [ПСЗ РИ, 1890, ст.ст. 19-28].

Запрещено было продавать воду отдельно от земли, что вызывало протесты у местного населения. Против этого запрещения возражали в связи с: 1) отсутствие права продажи воды препятствовало развитию сельского хозяйства, т. к. уничтожало стимулы к улучшению ирригационных систем на средства пользователей и к экономному пользованию водой, в частности замене рисовых посевов хлопковыми; 2) запрещение продавать воду не давало возможности и купить ее; нуждающиеся в воде и те, кто мог бы извлечь из воды наибольшую пользу, оставались благодаря этому без воды [Гинс, 1926, с. 62].

Согласно Правил о порядке отвода свободных вод, целью отвода могли быть: 1) для питья, домашних нужд и водопоя; 2) для орошения; 3) для вододействующих и промышленных заведений. Прошение о предоставлении права пользования свободной водой подавалось инженер-гидравлику, который представлял его со своим заключением инспектору вод для внесения на рассмотрение ближайшего съезда инженеров-гидравликов.

Предусматривалась и ответственность за нарушение норм, установленных в «Положении о пользовании водами для орошения земель в Закавказье» (арест не свыше одного месяца, денежные взыскания не выше ста рублей) [Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1894, ст.ст. 52, 86, 152].

Заключение

Таким образом, правовое регулирование водных отношений в Закавказском крае XIX в. имело свою специфику. Отношения водопользования в рассматриваемый период основывались на нормах местных законов и обычного права, легитимированных государством. Согласно обычному праву, право на воду имело абсолютный, священный характер, стояло над всеми другими правами и ограничивало их. Воды делились на «естественные» (находившиеся в естественных границах) и «выведенные» («выведенные на поверхность земли или изъятые из их естественных водовместилищ с помощью труда и на частные средства»). Выведенная вода могла быть предметом частной собственности как частного лица, так и общины, учреждения. Вода была объектом сервитутного права. Законодательство, принятое в конце XIX в., адаптировало обычное право в области водопользования, установило основные принципы водовладения и водопользования, ввело новую систему управления, связанную с контролем и распределением водных ресурсов в Закавказье.

Библиография

1. Даневский П.Н. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России. СПб., 1857. С. 79.
2. Гуляев А. М. Право и местная юриспруденция. Киев, 1897.
3. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянского региона в эпоху его присоединения к Российской империи, Санкт-Петербург, 1852 г.
4. Френкель А.С. Предисловие // Собрание законов грузинского царя Вахтанга VI. Тифлис, 1887.
5. Микравский И.Н. Водное законодательство и юриспруденция России. М., 1895.
6. Егиазаров С.А. Исследования по истории институтов в Закавказье: ч. 1-2 / Егиазаров С.А. Сельская община: сословия. Структура, внутреннее устройство. Организация и осуществление. общины в связи с владением земель, водой и обслуживанием. налогообложение / в 2 т.; 23 с. - Казань: Тип. Университет, 1889-1891, 1889.
7. Дингельштет В. Водоснабжение и ирригация: обзор российского и зарубежного законодательства и обычаев. Управление водными ресурсами. Правовые, административные и технические вопросы ирригации. Ирригация в Закавказье, Южной Европе, Ост-Индии и некоторых других странах, расположенных за пределами Европы. Часть 1. Тифлис, 1880.
8. Никольский Ф.С. Общее употребление российского законодательства: историко-правовое исследование. СПб., 1883.
9. Флексор Д.С. Право на воду: по разъяснению Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб., 1896.
10. Флексор Д.С. Действующее законодательство по водному праву. Систематизированный сборник законодательных актов по ирригации, обводнению, дренажу, судоходству, сплаву, использованию воды в промышленных целях, рыболовству, минеральным источникам и т.д. Санкт-Петербург, 1910.
11. Вайсенгоф С. Записки Кавказского отделения Русского технического общества. Для каких нужд предпочтительнее подавать воду Кавказа / С. Вайсенгоф. - 1887.
12. Шилкин Д. Водное хозяйство. Санкт-Петербург, 1904. Обзор работ, проведенных по ирригации на Кавказе и в Закавказье до 1871 года, и дальнейшая судьба этого дела / М. Герсевичев. - Тифлис: Тип. ч. бывшего вице-короля Кавказа., 1872. - [2], 29 стр.
13. Тромбачев С. Водное хозяйство Закавказья и Крыма // Вестник ирригации. 1923. № 7-8. С. 1-36.
14. Очерк положения ирригации в Закавказье в 1882 г. / [Отв. ред.] М. Герсевичев, пред. КАВ. Отв. ред. И. Р. Техно. Фр. - Тифлис: Тип. А.А. Михельсона, 1882. - VIII, 146.
15. Дембо Л.И. Основные проблемы советского водного права. Л., 1848.
16. ПСЗ РИ - I. 1801.Т. XXVI. № 20.007.
17. Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI / Под ред. Д.З. Бакрадзе. - Тифлис: А. С. Френкель, 1887. - 439 с.
18. Псзри-2. Т. 34. Вып. 2. № 34980.
19. ПСЗ РИ - III. 1890. Т. X. № 7255.
20. Материалы для изучения хозяйственной жизни государственных крестьян Закавказского края. Т. 4. Тифлис: Тип. А. А. Михельсон, 1885-1887, 1886.-[5], 387, 388 с.
21. Право на общественные предметы. Часть 1: Основы водного права. 1926 г., часть 2: Современное водное право. 1928 г. Часть 1-2 / Гинс Г.К. - Харбин. 244 с.
22. Устав о наказаниях, назначаемых мировыми судьями. СПб., 1894. 440 с.

Features of Legal Regulation of Water Relations in the Transcaucasian Region in the 19th Century

Yuliya V. Broyaka

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of History of State and Law,
Saratov State Law Academy,
410056, 1 Volskaya St., Saratov, Russian Federation;
e-mail: u_saratov@mail.ru

Abstract

The article examines the features of the legal regulation of water relations in the Transcaucasian region in the 19th century. The regulation of water relations during this period was based on customary law and the norms of local laws legitimized by the state. It is noted that water use for irrigation was of great importance for the region. According to customary law, the right to water had an absolute, sacred character, stood above all other rights and limited them. The legislation adopted at the end of the 19th century adapted customary law in the field of water use, established the basic principles of water ownership and water use, and introduced a new management system related to the control and distribution of water resources.

For citation

Broyaka Yu.V. (2025) Osobennosti pravovogo regulirovaniya vodnykh otnosheniy v Zakavkazskom krae v XIX v. [Features of Legal Regulation of Water Relations in the Transcaucasian Region in the 19th Century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 5-11.

Keywords

Transcaucasian region, custom, water legislation, water use, servitude, Code of Laws of the Russian Empire.

References

1. Danevsky P.N. On the sources of local laws of some provinces and regions of Russia. St. Petersburg, 1857. P. 79.
2. Gulyaev A. M. The right and local law. Kyiv, 1897.
3. Chopin I. Historical monument of the state of the Armenian region in the era of its accession to the Russian Empire, St. Petersburg, 1852.
4. Frenkel A.S. Preface // Collection of laws of the Georgian king Vakhtang VI. Tiflis, 1887.
5. Mikravsky I.N. Water legislation and law of Russia. M., 1895.
6. Egiazarov S.A. Studies on the history of institutions in Transcaucasia: h 1-2 / Egiazarov S.A. Rural community: estates. Structure, inside. Org. and exercise. communities in connection with land ownership, water, and serving. taxation / 2 t.; 23. - Kazan: Type. University, 1889-1891, 1889.
7. Dingelstet V. Vodovnetics and Irrigation: Wodlming on Russian and foreign laws and customs. Water management. Legal, administrative and technical issues on irrigation. Irrigation in Transcaucasia, Southern Europe, East Indies and some other extra-European countries. Part 1. Tiflis, 1880.
8. Nikolsky F.S. General use of Russian legislation: historical and legal research. St. Petersburg, 1883.
9. Flexor D.S. The right to water: by clarification of the Civil Cassation Department of the Government Senate. SPb., 1896.
10. Flexor D.S. Current legislation on water law. A systematic collection of legalizations on irrigation, watering, drainage, shipping, alloy, use of water for industrial purposes, fishing, mineral springs, etc. St. Petersburg, 1910.
11. Weissengof S. Notes of the Caucasian branch of the Russian Technical Society. What needs should be preferable to serve the water of the Caucasus / S. Weissenhof. - 1887.
12. Shilkin D. Water farm. St. Petersburg, 1904. A review of the works carried out on irrigation in the Caucasian and Transcaucasian Territory until 1871, and the future of this case / M. Gersevanov. - Tiflis: Type. Ch. Ex. Viceroy Kavk., 1872. - [2], 29 p.
13. Trombachev S. Water economy of Transcaucasia and Crimea // Bulletin of Irrigation. 1923. No. 7-8. S. 1-36.
14. Essay on the position of irrigation in Transcaucasia in 1882 / [Op.] M. Gersevanov, before. KAV. Dep. I. R. Techno. Fr. - Tiflis: Type. A.A. Michelson, 1882. - VIII, 146.
15. Dembo L.I. The main problems of Soviet water law. L. 1848.
16. PSZ RI - I. 1801.T. XXVI. No. 20.007.
17. Collection of laws of the Georgian king Vakhtang VI / Ed.: D.Z. Bakradze. - Tiflis: A. S. Frenkel, 1887. 439 p.
18. Pszri-2. T. 34. Dep. 2. No. 34980.
19. PSZ RI - III. 1890. T. X. No. 7255.
20. Materials for studying the economic life of state peasants of the Transcaucasian Territory. T. 4. Tiflis: Type. A. A. Michelson, 1885-1887, 1886.-[5], 387, 388 p.

-
21. The right to public items. Part 1: Fundamentals of water law. 1926, part 2: Modern water law. 1928. Part 1-2 / Gins G.K. - Harbin. 244 p.
 22. Charter on punishments imposed by justice of justice. SPb., 1894. 440 p.

УДК 34.01**Еврейские общины в Российской Империи и проекты еврейской автономии в Советском Союзе****Штефан Кирилл Александрович**

Аспирант,
Московская Финансово-Юридическая Академия,
129329, Российская Федерация, Москва, ул. Веденина, 18;
e-mail: 88.kir@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена проектам создания еврейского субъекта федерации в Советском государстве, но как вводный элемент подробно изучена тема формирования еврейских общин на территории России, описаны разные группы еврейского населения жившие на территории Российской империи политико-правовое положение лиц иудейского вероисповедания на территории Российской империи, прежде всего система черты оседлости, которая запрещала постоянное проживание евреев вне этой локации, но большая часть статьи посвящена проектам создания еврейской автономии в период Советского государства, прежде всего крымского проекта, и о причинах его провала, внимание уделено причинам приоритетности для властей СССР, дальневосточного проекта, где и была создана Еврейская автономия. В статье уделено внимание, пропаганде по переселению евреев на Дальний Восток, в том числе упомянуто о небольших группах зарубежных евреев приехавших в эту автономию, на фоне, антиеврейской политики Германии при нацистах. Упомянуто о определенной конкуренции между проектами сионистского движения о воссоздании государства евреев и проекте советской еврейской республики. По итогам работы сделаны следующие основные выводы, хотя изначально власти СССР, собирались создать еврейский субъект федерации, даже рассматривая Крым как возможное место появления еврейской Республики, в силу противодействия, местного крымского татарского населения, и на фоне конфликта СССР с Японией, власти решили рассмотреть дальневосточный проект как приоритетный, в результате чего в 1934 и была создана Еврейская Автономная Область, однако, в дальнейшем ее политико-правовой статус не был повышен даже до Автономной Советской Социалистической Республики, ее еврейское население не было большим никогда, а на фоне ухудшения, отношений СССР с Израилем в 1960-е годы, конечно речь не шла о трансформации этой административной единицы в единицу более высокого уровня.

Для цитирования в научных исследованиях

Штефан К.А. Еврейские общины в Российской Империи и проекты еврейской автономии в Советском Союзе // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 12-19.

Ключевые слова

Национально-территориальная автономия, советские евреи, автономизм, административное деление СССР.

Введение

Евреи, этническая группа, которая составляла значительную часть населения Российской империи, а также Советского Союза. Актуальность написания данной статьи связана, с длительной историей евреев России, принадлежащих к разным еврейским субэтнотам, но в массе своей к ашкеназам и длительной историей антисемитизма в России, и его сохранении в определенных элементах в Советском Союзе, и тем не менее решением властей страны создать политико-правовое образование, для еврейского этноса-Еврейскую автономную область, хотя были другие более перспективные и исторически обоснованные проекты еврейской автономии в СССР, ведь Еврейская Автономная Область создана на территории, где исторически евреев не было, в отличии от запада Советского Союза например, к тому же это административно-территориальная единица имела не высокий статус- автономной области, а не автономной республики как например у Немцев Поволжья. Еврейское население в ней никогда не было преобладающим, и пройдя свой определенный максимум, к концу 80-х годов оно упало до менее чем одного процента. Современная Россия в наследие от СССР сохранила Еврейскую Автономную Область как субъект Федерации, однако постоянно дискутируются вопросы о присоединении этого образования к соседним регионам Амурской области или Хабаровскому Краю.

Основная задача данной статьи проанализировать, историю появления еврейской диаспоры на территории современной России, рассмотреть историю и культурные особенности отдельных еврейских диаспор на территории современной России. Изучить политико-правовые основы, действия в Российской империи так называемой черты оседлости в рамках политики государственного антисемитизма Российской Империи. Рассмотреть проекты создания, еврейской автономии в рамках Советского государства-крымский проект и дальневосточный. Рассмотреть причины провала крымского проекта еврейской автономии, и выбора дальневосточного проекта, в рамках которого и была создана Еврейская Автономная Область.

Использовался исторический метод, в части исследования появления еврейской диаспоры, и отдельных еврейских субэтнотам в России. Правовой метод при изучении вопроса статуса черты оседлости на территории Российской империи, а также, при изучении вопроса о создании Еврейской Автономной области.

Основное содержание

Еврей-этническая группа, восходящая к населению как минимум двух государств Древнего мира, расположенных на Ближнем Востоке-Израиля и Иудеи, которые сформировались около X века до. н.э. [Silberman, Finkelstein, 2002, С 146]

Иудея же несмотря, на то, что ее столицей был Иерусалим занимала меньшую часть ареала проживания еврейского этноса и была менее важным государством Древнего Ближнего Востока [Lemaire, 2018, с 61-80]

Еще в Античный период, начали формироваться еврейские диаспоры, вне ближневосточного региона, обычно еврейскую диаспору делят на три большие группы: сефарды (евреи с Пиренейского полуострова), мизрахи (евреи Ближнего Востока, проживающие в основном в мусульманских странах), ашкеназы (еврейская диаспора, сформировавшаяся на территории немецкоязычных стран и расселившаяся в другие регионы, в том числе на

территории современной России).

В то же время могут выделяться небольшие еврейские группы, как грузинские евреи, прибывшие на территорию современной Грузии в IV веке до н.э. Во время вавилонской оккупации их родины [Lerner, 2004, с 60] горские евреи прибывшие на Кавказ из Персии [Brook, 2006, с 224] или же китайские(кайфынские) евреи, численность последних сегодня всего две с половиной тысячи человек [Pollak, 1998, с 317-319]

Между всеми этими группами есть определенные культурные различия, выделяющие их на фоне других групп евреев.

Этническая самоидентификация евреев тесным образом связана с их религией-Иудаизмом, в Античности и Средневековье термин еврей и иудей считались синонимами, то есть еврей не исповедующий Иудаизм как бы не считался евреем. [Yee, 2005, с 102]

Исторически в средневековом Древнерусском государстве проживала небольшая еврейская диаспора, сведения о которой датируют X веком, на основе сведений сохранившихся в каирской генизе архиве сведений средневековых еврейских общин. [Клир, 2000, с 352]

В дальнейшем, когда Россия в конце XVIII в результате трех разделов Речи Посполитой, получает территории с огромным еврейским населением, речь собственно о территории Польши, Литвы части Белоруссии и Украины. При присоединении к России части современной Молдовы, Россия так же получила значительное число еврейского населения.

Еврейское население этих земель принадлежало к еврейской группе ашкеназов, которых на территории Речи Посполитой в Средние Века и Новое Время, было значительно больше нежели собственно на территории немецкоязычных регионов, ашкеназы как особая еврейская группа начали формироваться на территории немецкоязычных регионов надгосударственной Священной Римской Империи в конце первого тысячелетия н.э. [Mosk, 2013, с143]

Разговорный язык ашкеназов-идиш принадлежит к германской группе языков с заимствованиями из иврита, арамейского и славянских языков, само слово ашкеназ означает жителя немецкого региона. По мнению американского лингвиста Макса Вайнраха, евреи использующие старофранцузский и староитальянский языки, но знакомые с ивритом и арамейским языками как литургическими, из Южной Европы мигрировали в долину Рейна, сегодня этот район именуют Лотарингией, он расположен на территории Франции и Германии, там они подверглись языковому влиянию евреев, говоривших на верхненемецких и других диалектах. [Weinrech, с 336]

Устоявшееся мнение по формированию идиша подразумевает как в случаях с другими еврейскими языками, евреи выучили новые территориальные наречия и иудаизировали их. В случае идиша это сценарий рассматривается когда носители еврейско-французского языка и других еврейско-романских языков начали контактировать с верхненемецкими наречиями и их язык приобрел особенности немецкого языка [Spolsky, 2014, с 183]

Еврейская диаспора в России, так же пополнялась в период Нового время, за счет присоединения к ней части территории современной Грузии, но это была не такая большая еврейская группа в сравнении с ашкеназами из западно-российских губерний так и грузинскими евреями, чуть позже в ходе Кавказской войны 1817-1864 годов, на территории России оказались, группы горских евреев на территории Чечни, Дагестана, так же они проживали и на территории Азербайджана, используя язык иранской группы как разговорный.

При присоединении Среднеазиатских государств к России в XIX веке, на ее территории оказались бухарские евреи, использовавшие подобно горским евреям язык иранской группы как

разговорный, но это был другой язык в отличии от языка Северного Кавказа и Азербайджана.

Отдельно нужно отметить, что на территории Российской империи так же проживали группы населения близкие к иудеям, но не являющиеся таковыми, например караимы и крымчаки которые хотя и исповедовали Иудаизм, не считали себя частью еврейского этноса.[Estraih, Glaser, www, с 139-152] Эти группы населения в политико-правовом смысле имели больше привилегий в сравнении с собственно иудеями.

До конца XVIII века в России практически не проживало евреев, но после получения территорий с еврейским населением власти страны вводят антисемитские законы, одним из таких политико-правовых проявлений антисемитизма Российской империи, становиться так называемая черта оседлости, территория на западе Российской империи, существовавшая с 1791 по 1917 годы, вне пределов которой постоянное проживание евреев или их временное нахождение запрещалось, хотя были ряд ограничений. Географически эта территория включала в себя земли современных Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Польши, Молдовы, Россия(Новороссия и Крым, на этой территории разрешалось постоянное нахождение евреев, хотя исторически эта территория не была ареалом проживания еврейских диаспор, впрочем и представители других этносов осваивают эту территорию, после ее присоединения к России в конце XVIII века, которая ранее была территорией Крымского ханства, а оно вассалом Османской империи).

Черта оседлости впервые формируется как политико-правовое объединение при Екатерине Великой, в политико-социальном контексте разделов Речи Посполитой первой из которых произошел в 1772, между Россией, Австрией и Пруссией.

Черта оседлости была ликвидирована, лишь после революции 1917 года хотя фактически она перестала существовать еще в 1915, во время Первой мировой войны, когда евреи бежали с прифронтовых территорий.

Власти Советской России указывали на то, что «государственный» антисемитизм, применявшийся в России, был ошибкой. Власти СССР стали рассматривать возможность создания еврейской территориальной единицы, где евреи смогли бы сохранять свою культуру, но в хозяйственном смысле, быть такими же советскими гражданами.

Еще В.И. Ленин, высказывался о возможности и пользе создания еврейской автономии, в скором времени после революционных событий в России в 1919 году. Ранее в 1918 году в Советской России был создан Еврейский Комиссариат при Народном Комиссариате Национальностей в функции которого входил в том числе поиск пустующих земель для расселения там лиц еврейского происхождения. [Рязанский, 1992, с 160]

Для активизации еврейского движения переселенцев в 1924 году Указом Президиума Центрального Исполнительного Комитета был создан Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся. [Романова, 2001, с 253]

Идея создания еврейской автономии в СССР, так же была конкурирующей с идеями сионизма, который в начале XX века резко набрал популярность

В 1920-х годах как место создания еврейской автономии рассматривался Крым, где уже проживало значительное еврейское население, были образованы даже два еврейских района. После Второй Мировой Войны проект, несмотря на наличие уже восьмидесяти еврейских колхозов, и попытку еще в 1944 году Еврейским Антифашистским Комитетом вдохнуть жизнь в этот проект, он был свернут Сталиным, в пользу еврейской автономии на Дальнем Востоке [Батыгин, 1993, с 70].

Еще в 1919 году, сионистские организации начали подготовку еврейского населения в Крыму для ведения сельскохозяйственной деятельности, для дальнейшей эмиграции в подмандатную Палестину. Параллельно этому процессу началось переселение евреев из других регионов в Крым, для занятия сельским хозяйством, помощь в этом им оказывала международная еврейская организация Джойнт, к 1925 году в Крыму было около 20 еврейских сельскохозяйственных поселений, где проживало около 600 семей [Еврейская Электронная энциклопедия, [www](#)].

Принято считать, что идея еврейской автономии в Крыму, разработана И. Розеном главой российского отделения международной еврейской организации Джойнт. Хотя официально с такой идеей выступили руководитель Всесоюзной сельскохозяйственной выставки А. Брагин и заместитель наркома по делам национальностей Г. Бройдо. Политбюро даже создал специальную комиссию для рассмотрения этого вопроса под руководством А. Цюрупы [Костырченко, 2003, с 91-93]

Председатель Президиума Центрального Исполнительного Комитета М. Калинин, выразил поддержку южному (Крымскому) варианту создания еврейской автономии в публикации, размещенной в газете Известия в 1926 году [Агапов, [www](#), с 93]

Но сопротивление такому плану оказывали власти Крымско-Татарской Автономной Советской Социалистической Республики [Костырченко, 2003, с 95]

То, что в итоге еврейская автономия в Крыму так и не была создана, обычно объясняют тем, что к 1927 году власти страны окончательно отдали приоритет созданию еврейской автономии на Дальнем Востоке. [Костырченко, 2003, с 114]

Подтвержденных сведений о жизни евреев на российском Дальнем Востоке до середины XVIII века нет. Например, первые еврейские поселенцы в Сибири были ссыльными, а позднее к ним добавились кантонисты ушедшие в отставку. Зафиксированные сведения о евреях на российском Дальнем Востоке вообще относят только к 1875 году, притом это всего несколько десятков человек, прибывших туда нарушив правила о жизни евреев черте оседлости [Романова, 2001, с 22-24, с 33-34]

Во многом так же решение властей о создании автономии, связаны с внешнеполитическим фактором, когда Япония в начале 1930- х годов создает государство Маньчжоу-Го, которое граничило с СССР, в этих условиях возрастает стратегическое значение района вокруг города Биробиджана. В 1934 году, власти СССР принимают решение о создании еврейской автономии на Дальнем Востоке. В результате кампании число еврейских переселенцев на Дальнем востоке возросло. [Агапов, [www](#), с 270-271]

Еврейские организации даже предлагали профинансировать переселение евреев из других стран в эту автономию. Хотя в 1935 году власти СССР разрешили переселение 1000 семей зарубежных евреев, но правила принятия их в СССР были довольно тяжелыми, и в реальности в автономии смогли принять 150-200 семей евреев из Польши, Литвы и Румынии. Но в скором времени эта программа была прекращена. В итоге за период с 1931 по 1936 годы в Еврейскую Автономную Область прибыло всего 1342 иностранных гражданина, многие потом уехали обратно, а оставшиеся погибли во время репрессий 30-х годов [Костырченко, 2003, с 119-121]

Интересным моментом в политике властей СССР по отношению к еврейской автономии, является приоритет идишу, на фоне активного возрождения иврита активистами сионистского движения идиш действительно был языком евреев большей части Советского Союза, именно он стал официальным языком Еврейской Автономной Области, хотя в пределах СССР проживали

минимум еще три еврейских этноса. Отметим, что в Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республике, которая, впрочем, существовала лишь несколько месяцев, идиш один из официальных языков.

Заключение

По итогам статьи были сделаны следующие выводы: После революции 1917 года, и уравнивания в правах всех этносов России включая евреев, власти действительно рассматривали возможность создания еврейского субъекта федерации, во первых, для приобщения еврейских масс страны к крестьянскому ремеслу, а так же как определенный способ борьбы с антисемитизмом, который много веков пропагандировался в царской России и остался в сознании многих жителей России. Несмотря на большую перспективность южного проекта, власти страны по внешнеполитическим причинам выбирают дальневосточный проект в виде Еврейской Автономной Области. Но еврейское население региона никогда не было крупным. На фоне создания Израиля и началом советско-израильского дипломатического конфликта начиная с 1960-х годов, который во многом сопровождался политикой государственного антисемитизма в СССР, советские евреи все более активно были вынуждены мигрировать в другие страны, прежде всего США, Канаду, Израиль. Еврейская Автономная область, где и так проживало немного евреев, в итоге стала иметь менее одного процента лиц еврейского этноса. Сегодня в современной России эта автономия продолжает существовать, но это скорее больше административная традиция, нежели культурная, хотя идиш является на равне с русским официальным языком области, реальное число говорящих на нем не доходит даже до одного процента жителей.

Библиография

1. Агапов.М: А.Г.Брагин и проекты еврейского национального строительства в СССР.Журнал Вопросы истории.Выпуск № 2. Российская Академия Наук.-М. с 93
2. Батыгин.Г: Еврейский вопрос: Хроника сороковых (часть первая).-М.Вестник Российской Академии Наук. Том 63.№1. 1993. С 70
3. Еврейская Электронная энциклопедия.Крым
4. Клир.Д:Россия собирает своих евреев.- М. Мосты культуры.2000.с 352
5. Костырченко.Г: Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм.-М.Международные отношения.2003. с 91-93
6. Романова.В: Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений. Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Выпуск 7.Кленариум.Красноярск.2001. с 253
7. Рязанский.Ф: Еврейская автономная область. ИКАРП ДВО РАН.Биробиджан.1992.с 160
8. Brook.K: The Jews of Khazaria.Rowman and Littlefield Publishers.2006. P 224
9. Estraih.G.Glaser.A: Crimea in The Jewish imagination. An introduction. East European Jewish Affairs. 51(2-3). P 139-152
10. Lemaire.A: "Israel and Judan". The Oxford illustrated History of Holy Land. R.G. Hoyland, N.G. Willamson.Oxford University Press.2018.P 60-85
11. Lerner.B: The Wellspring of Georgian Historiography:The Early Medieval Historical Chronicle the Conversion of Katli and the Life of St.Nino, Constantine.Bennet and Bloom.London.2004.p 60
12. Mosk.C:Nationalism and economic development in modern Eurasia.Routledge.New York.2013.P 143
13. Pollak.M: Mandarins, Jews, and Missionaries: The Jewish Experience in the Chinese Empire.Weannerhill. 1998.P 317-319
14. Silberman. A, Finkelstein.I: The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the origin of Sacred Texts. Simon and Shuster. New York,London, Toronto. 2002.P146
15. Spolsky.B: The languades of Jews: A Sociolinguistic History.Cambrige Universitu Press.2014.P 183
16. Weinrech.M: History of Yiddish Languade.Yale University Press. YIVO institute for Jewish Research. P 336
17. Yee.T: Lews, Gentiles and Ethnic Reconciliation: Paul's Jewish identity and Ephesians.Cambrige University Press.2005.P 102

Jewish Communities in the Russian Empire and Projects of Jewish Autonomy in the Soviet Union

Kirill A. Shtefan

Graduate Student,
Moscow Financial and Law University,
129329, 18 Vedenina St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 88.kir@bk.ru

Abstract

The article focuses on projects to establish a Jewish federal subject within the Soviet state, but as an introductory element, the formation of Jewish communities in Russia is studied in detail. Different groups of the Jewish population living in the Russian Empire are described, along with the political and legal status of persons of Jewish faith, primarily the system of the Pale of Settlement, which prohibited Jews from permanent residence outside this designated area. However, the majority of the article is devoted to projects of Jewish autonomy during the Soviet period, especially the Crimean project, and the reasons for its failure. Attention is given to the reasons for the USSR authorities' prioritization of the Far Eastern project, where the Jewish Autonomous Region was eventually established. The article also addresses propaganda efforts to encourage Jewish resettlement to the Far East, including mentions of small groups of foreign Jews who arrived in the autonomy against the backdrop of Nazi Germany's anti-Jewish policies. The competition between Zionist projects to recreate a Jewish state and the project of a Soviet Jewish republic is also mentioned. The main conclusions of the work are as follows: although the USSR authorities initially intended to create a Jewish federal subject, even considering Crimea as a possible location for a Jewish Republic, due to opposition from the local Crimean Tatar population and against the backdrop of the USSR's conflict with Japan, the authorities decided to prioritize the Far Eastern project. As a result, the Jewish Autonomous Region was established in 1934. However, its political and legal status was never elevated to that of an Autonomous Soviet Socialist Republic, its Jewish population remained small throughout its history, and against the backdrop of deteriorating relations between the USSR and Israel in the 1960s, there was no discussion of transforming this administrative unit into a higher-level entity.

For citation

Shtefan K.A. (2025) Yevreyskiye obshchiny v Rossiyskoy Imperii i proyekty yevreyskoy avtonomii v Sovetskom Soyuze [Jewish Communities in the Russian Empire and Projects of Jewish Autonomy in the Soviet Union]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 12-19.

Keywords

National-territorial autonomy, Soviet Jews, autonomism, administrative division of the USSR.

References

1. Silberman. A, Finkelstein. I: The Bible Unearthed: Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the origin of Sacred Texts. Simon and Shuster. New York, London, Toronto. 2002. P146

2. Lemaire.A: "Israel and Judan".The Oxford illustrated History of Holy Land. R.G.Hoyland, N.G.Willamson.Oxford University Press.2018.P 60-85
3. Yee.T: Lews, Gentiles and Ethnic Reconciliation:Paul's Jewish identity and Ephesians.Cambrige University Press.2005.P 102
4. Mosk.C:Nationalism and economic development in modern Eurasia.Routlebge.New York.2013.P 143
5. Clear.D: Russia is gathering its Jews. - M. Bridges of Culture. 2000. p. 352
6. Estraih.G.Glaser.A: Crimea in The Jewish imagination. An introduction. East European Jewish Affairs. 51(2-3). P 139-152
7. Weinrech.M: History of Yiddish Language.Yale University Press. YIVO institute for Jewish Research. P 336
8. Spolsky.B: The languades of Jews: A Sociolinguistic History.Cambrige Universitu Press.2014.P 183
9. Batygin.G: The Jewish Question: Chronicle of the Forties (part one). - M. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Volume 63.No.1. 1993. p 70
10. Jewish Electronic Encyclopedia. Crimea
11. Kostyrchenko. G: Stalin's secret policy: power and anti-Semitism. - M. International relations. 2003. p 91-93
12. Pollak.M: Mandarins,Jews,and Missionaries: The Jewish Experience in the Chinese Empire.Weannerhill. 1998.P 317-319
13. Lerner.B:The Wellspring of Georgian Historiography:The Early Medieval Historical Chronicle the Conversion of Katli and the Life of St.Nino, Constantine.Bennet and Bloom.London.2004.p 60
14. Brook.K: The Jews of Khazaria.Rowman and Littlefield Publishers.2006. P 224
15. Ryazansky.F: Jewish Autonomous Region. IKARP FEB RAS.Birobidzhan.1992.p. 160
16. Romanova.V: Power and Jews in the Russian Far East: history of relationships. Jewish communities of Siberia and the Far East. Issue 7. Clenarium. Krasnoyars. 2001. p 253
17. Agapov.M: A.G. Bragin and projects of Jewish national construction in the USSR. Journal Questions of History. Issue No. 2. Russian Academy of Sciences.-M. p 93

УДК 34**Интердисциплинарный подход в юридической науке:
особенности, проблемы и перспективы****Ажиева Алина Артуровна**

Аспирант,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова,
360004, Российская Федерация, Нальчик, ул. Чернышевского, 173;
e-mail: azhieva1996@mail.ru

Аннотация

Современное право требует интегрированного анализа с учётом экономических, социологических и психологических аспектов. В статье рассмотрены методы и виды интердисциплинарных подходов, их роль в развитии юридической науки, выявлены проблемы внедрения и предложены пути их преодоления. Подчёркивается значимость синтеза знаний для адекватного отражения сложности общественных процессов и эффективного правового регулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Ажиева А.А. Интердисциплинарный подход в юридической науке: особенности, проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 20-25.

Ключевые слова

Право, интердисциплинарность, социология права, экономика, психология права, философия, исторический метод.

Введение

В современном обществе правовые проблемы становятся всё более сложными, выходя за рамки традиционного правового анализа. Юриспруденция активно интегрирует методы, категории и языки социальных, гуманитарных, экономических, психологических, философских и исторических наук, что делает междисциплинарный подход необходимым для глубокого изучения права. Такой синтез знаний позволяет по-новому взглянуть на традиционные правовые вопросы, учитывая социальную реальность, культурный и экономический контексты, и обеспечить более эффективный подход к решению возникающих проблем.

Междисциплинарность предполагает сотрудничество представителей различных научных дисциплин, проведение исследований на стыке наук и интеграцию концепций, категорий и методов. Цель междисциплинарного подхода — изучение сложных или масштабных проблем, которые трудно понять с точки зрения одного предмета. Он предполагает интеграцию знаний из разных областей для описания, понимания и объяснения аспектов реальности.

Основное содержание

Рассмотрим место междисциплинарного подхода в научной системе и его особенности:

- Право находится на стыке социальных, экономических, философских и гуманитарных дисциплин.

- Использование эмпирических и философских методов исследования: статистики, сравнительного анализа, исторической методологии, психологических экспериментов, моделирования, экспертного интервью.

- Формирование новых концепций на основе комплексного анализа различных наук (например, «правовое поведение», «правосознание», «правовая культура», «нравственные основы»).

Виды междисциплинарных связей в юриспруденции:

- Социология права: анализ взаимосвязи правовой системы и общества.

- Экономика права: анализ влияния правовых норм на экономические процессы.

- Психология права: изучение психологии правового поведения, мотивации и преступности личности.

- Философия права: анализ нравственных основ права.

- Историко-правовой анализ: анализ эволюции правовых институтов и их влияния на современность.

Практические примеры и важность интеграции различных дисциплин:

- Социологический подход: социологический анализ помогает выявить истинные причины несоблюдения закона, отношение к нему, уровень правовой грамотности и отношение общественности к различным институтам. Он значительно углубляет понимание причинно-следственных связей между законом и социальной практикой и выявляет пробелы в правовых или правоприменительных проблемах.

- Экономический анализ права: экономические теории позволяют прогнозировать последствия регулирования, определять его издержки и выгоды, а также определять эффективность инструментов регулирования. В качестве примеров можно привести оценку эффективности антимонопольного законодательства, анализ рынка труда и концепцию «юридических издержек». – Психологический подход: изучение мотивации правонарушений, специфики права, учет различных социальных слоев и анализ психологической обстановки в

ходе судебных заседаний помогают систематизировать всю юридическую и правоохранительную практику, а также совершенствовать профилактические меры.

– Философско-этические основы: философский анализ этических и моральных основ права укрепляет легитимность и обоснованность новых законов, прокладывает путь к разрешению моральных конфликтов в обществе.

– Исторический подход: история права служит источником знаний о процессе становления, эволюции базовых концепций и институтов, закономерностях изменений, а также об ошибках и успехах предыдущих реформ.

Проблемы, связанные с применением междисциплинарных исследований в области права:

– Несогласованность понятий и терминов: разные дисциплины используют разные понятия для одного и того же термина, что может затруднять коммуникацию.

– Проблемы коммуникации: необходимость разработки общего языка исследований, препятствия к пониманию и взаимодействию.

– Проблемы экспертизы: традиционные системы экспертной оценки не учитывают уникальные особенности комплексных исследований.

– Скептицизм и профессиональная изоляция: эксперты сосредоточены только на своей области, недооценивая альтернативные решения.

– Организационные барьеры: отсутствие площадок для обмена опытом, трудности в формировании междисциплинарных команд.

Конкретными примерами рисков являются:

- При разработке хозяйственного права стандарты могут не учитывать социокультурные аспекты, которые это делает невозможным исполнение ваших пожеланий.

- В гуманитарной сфере они не придерживаются правил различных учреждений и, следовательно, не могут давать рекомендации.

Возможные пути решения проблем:

1. Методологическая интеграция, а именно:

- разработка и валидация терминологии по ключевым областям и концептуальным основам;
- разработка методологических рекомендаций по проведению интегративных исследований.

2. Образовательные инициативы и программа:

- интеграция междисциплинарных программ на юридических и социальных факультетах;
- организация совместных курсов, семинаров и конференций с другими специалистами из разных дисциплин.

3. Организационные решения:

- формирование исследовательских советов и экспертных групп из специалистов разных дисциплин.

- выпуск журналов, симпозиумов и онлайн-платформ с уклоном на междисциплинарные исследования.

4. Экспертиза и оценка:

- внедрение смешанных экспертных диссертационных и рецензионных советов;
- развитие культуры публикаций, которая учитывает специфику междисциплинарный подход.

5. Задавайте пациентам вопросы о:

Привлечение практикующих юристов, экономистов, психологов и других специалистов к совместным проектам.

Разработка пилотных программ изменений, тестирование новых институтов с последующей оценкой по разным (юридическим, экономическим, социальным) специальностям.

В сфере прав человека интердисциплинарность особо актуальна. Только с опорой на знания из философии, социологии, политологии, медицины, экономики и других наук можно всесторонне анализировать проблемы дискриминации, доступности правосудия, реализации культурных и социальных прав, соблюдения принципов биоэтики, а также разрабатывать эффективные механизмы их защиты. В качестве примера можно привести исследования прав лиц с инвалидностью включают:

- правовой анализ (юридический аспект);
- понимание и восприятие людей (социальный фактор);
- исследования инфраструктурных барьеров (экономика, урбанистика);
- оценка качества жизни (психология, медицина).

Указанная комплексность невозможна без синтеза разных научных традиций.

Перспективы развития интердисциплинарных исследований в юриспруденции:

- внедрение цифровых и инновационных методов (машинное обучение и т.д.);
- развитие новых дисциплин (судебная нейробиология, биоэтика, цифровые гуманитарные науки).
- создание новых программ обучения в университете и за его пределами;
- акцент на прикладную значимость: интеграция результатов исследований изменений в законодательстве, судебную практику и подготовку профессиональных кадров.

Интердисциплинарный подход является важным инструментом развития современной науки. Его применение позволяет решать сложные юридические вопросы, разрабатывать новые законы и нормативные акты и обеспечивает прочную основу для решения текущих задач. Однако интеграция различных дисциплин — будь то вербальных, стратегических, технических или когнитивных — представляет собой серьёзную проблему. Эти проблемы могут быть решены с помощью новых методов обучения, организационных и рабочих практик, а также стратегий совершенствования.

Заключение

Таким образом, в работе определены важнейшие направления интеграции научного метода: интеграция политических и социальных наук, проведение экономического анализа при оценке последствий правовых действий, использование психологических методов в анализе права и предупреждении преступности;

- выявлены ключевые проблемы интердисциплинарных исследований: несовпадение понятий, сложности коммуникации между специалистами разного профиля, затруднения в экспертизе результатов и организационные барьеры;

- сформированы определенные стратегии развития: создание унифицированной терминологии, внедрение образовательных программ по интердисциплинарности, формирование смешанных исследовательских групп, развитие специализированных платформ для коллаборации и обмена опытом.

Вывод: интердисциплинарный подход в юридической науке — это не только инновационный подход, но и необходимое условие для эффективного решения задач нашего времени. Этот подход обеспечивает:

- всесторонний анализ и понимание сложностей общественной жизни;
- внедрение лучших практик законодательного регулирования;
- предлагать научно обоснованные и реально действующие решения для правовой и

социальной политики.

Преодоление существующих барьеров возможно через развитие образовательных, организационных и методологических инноваций, что открывает перспективы для системного обновления современного права и юриспруденции в целом.

Библиография

1. Косолапова Н.А., Борщевская И.В., Абашев Р.В. Интердисциплинарный подход в юридическом проектировании: особенности и проблемы // Электронный научный журнал «Дневник науки». — 2025. — №4. — С. 46-59. — URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/4/law/Kosolapova_Borshchevskaya_Abashev.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
2. Орлов В.А., Орлова И.В. Интердисциплинарные исследования: подходы, проблемы и методы // Вопросы труда. — М., 1925. — С. 150-176. — URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/31/1283222593/Orlov_Orlova_10-01pp150-176.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
3. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Методики работы с источниками права и научной литературой: рабочая программа дисциплины / Под ред. Ястребова О.А. — М., 2023. — 40 с. — URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Progr_Metodiki_raboty_s_istochnikami_prava_i_nauch.lit_YUYURmd09r-s_2023.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
4. Томский государственный университет. Современные проблемы юридической науки: рабочая программа дисциплины / Юридический институт. — Томск, 2023. — 60 с. — URL: <https://tsu.ru/upload/iblock/ea6/6sgmt1sjfdbk1kxgd1n384wgdsgmdc4/Sovremennye-problemy-yuridicheskoy-nauki-DO.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
5. Хлутков А.Д. Методологические основы в юриспруденции: рабочая программа научно-исследовательского семинара / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС. — Санкт-Петербург, 2023. — 45 с. — URL: https://spb.ranepa.ru/sveden/files/B1.V.19_Nauch-issled_seminar_Metodologicheskie_osnovy_v_yur.pdf (дата обращения: 08.08.2025).
6. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования / Под ред. [авторов]. — Электронный ресурс. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs-problemy-i-perspektivy-issledovaniya> (дата обращения: 08.08.2025).
7. Корнев А.В. Междисциплинарность в юридических исследованиях // Вестник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. — 2023. — №3. — С. 15-28. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/3767/mezdisciplinarnost-v-yuridiceskix-issledovaniyax> (дата обращения: 08.08.2025).
8. Заботин А.А. Современные подходы в методологии юридических исследований // Издательский дом «Среда». — Казань, 2023. — С. 1-17. — URL: <https://phsreda.com/e-articles/10312/Action10312-99691.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
9. Сафиуллин А.И. Значимость междисциплинарного подхода в обучении студентов магистратуры на примере курса «Пропаганда в информационном обществе (правовой аспект)» // Журнал «Образование и право». — 2023. — №4. — С. 46-50. — URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/234214/1/46-50.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).

Interdisciplinary Approach in Legal Science: Features, Challenges, and Prospects

Alina A. Azhieva

Graduate Student,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
360004, 173 Chernyshevskogo St., Nalchik, Russian Federation;
e-mail: azhieva1996@mail.ru

Abstract

Modern law requires integrated analysis that considers economic, sociological, and psychological aspects. The article examines methods and types of interdisciplinary approaches, their role in the development of legal science, identifies challenges in implementation, and proposes ways to overcome them. The significance of knowledge synthesis for adequately reflecting the complexity of social processes and ensuring effective legal regulation is emphasized.

For citation

Azhieva A.A. (2025) Interdistsiplinnyy podkhod v yuridicheskoy nauke: osobennosti, problemy i perspektivy [Interdisciplinary Approach in Legal Science: Features, Challenges, and Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 20-25.

Keywords

Law, interdisciplinarity, sociology of law, economics, psychology of law, philosophy, historical method.

References

1. Kosolapova N.A., Borshchevskaya I.V., Abashev R.V. Interdisciplinary approach in legal design: features and problems // Electronic scientific journal "Diary of Science". - 2025. — No. 4. — pp. 46-59. - URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/4/law/Kosolapova_Borshchevskaya_Abashev.pdf (date of reference: 08/08/2025).
2. Orlov V.A., Orlova I.V. Interdisciplinary research: approaches, problems and methods // Labor issues. — M., 1925. — pp. 150-176. — URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/31/1283222593/Orlov_Orlova_10-01pp150-176.pdf (date of request: 08/08/2025).
3. Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Methods of working with sources of law and scientific literature: the working program of the discipline / Edited by Yastrebova O.A. — M., 2023. — 40 p. — URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Progr_Metodiki_raboty_s_istochnikami_prava_i_nauch.lit_YUYURmd09r-s_2023.pdf (date of request: 08/08/2025).
4. Tomsk State University. Modern problems of legal science: the working program of the discipline / Law Institute. — Tomsk, 2023. — 60 p. — URL: <https://tsu.ru/upload/iblock/ea6/6sgmt1sjfdbk1kxgd1n384wgdsgmdc4/Sovremennye-problemy-yuridicheskoy-nauki-DO.pdf> (date of request: 08/08/2025).
5. Khlutkov A.D. Methodological foundations in jurisprudence: the work program of a research seminar / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Northwestern Institute of Management — branch of the RANEPa. — Saint Petersburg, 2023. — 45 p. — URL: https://spb.ranepa.ru/sveden/files/B1.V.19_Nauch-issled_seminar_Metodologicheskie_osnovy_v_yur.pdf (date of request: 08/08/2025).
6. Legal discourse: problems and prospects of research / Edited by [authors]. — An electronic resource. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs-problemy-i-perspektivy-issledovaniya> (date of reference: 08/08/2025).
7. Kornev A.V. Interdisciplinarity in legal research // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University. — 2023. — No. 3. — pp. 15-28. — URL: <https://lawinfo.ru/articles/3767/mezdisciplinarnost-v-yuridiceskix-issledovaniyax> (date of request: 08/08/2025).
8. Zabotin A.A. Modern approaches in the methodology of legal research // Publishing house "Wednesday". — Kazan, 2023. — pp. 1-17. — URL: <https://phsreda.com/e-articles/10312/Action10312-99691.pdf> (date of access: 08/08/2025).
9. Safiullin A.I. The importance of an interdisciplinary approach in teaching graduate students using the example of the course "Propaganda in the Information Society (legal aspect)" // Journal "Education and Law". - 2023. — No. 4. — pp. 46-50. — URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/234214/1/46-50.pdf> (date of request: 08/08/2025).

УДК 34**«Мягкая сила» как инструмент реализации культурной внешней политики Российской Федерации: политико-правовой анализ явления****Алескерова Камила Эльшановна**

Аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: dish.2018@mail.ru

Аннотация

В условиях глобальных геополитических трансформаций, важным элементом реализации национальных интересов становится использование так называемой концепции «мягкой силы». Важность исследования данного явления в отечественном дискурсе заключается в необходимости определения правовых и социально-политических приделов, содержательного наполнения данного термина, что обуславливается двойственной и неоднозначной природой подобного явления, а также наличие отечественной специфики реализации подобного концепта. С учетом того, что подобный концепт стал часто использоваться в политических кругах, рассматривая новые веяния во внешней политике России, подобный социально-культурный и дипломатических инструмент требует комплексного политико-правового анализа. Автор исследования полагает, что требование академического анализа подразумевает создание условий выверенного использования подобного концепта, с максимальной пользой для отечественной государственности и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Алескерова К.Э. «Мягкая сила» как инструмент реализации культурной внешней политики Российской Федерации: политико-правовой анализ явления // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 26-33.

Ключевые слова

Мягкая сила; публичная дипломатия; культурная дипломатия; международное культурное сотрудничество; культурная внешняя политика.

Введение

Актуальность темы исследования обуславливается возрастанием академического и политического интереса к концепту «мягкой силы». По мнению отечественного исследователя Ф. Лукьянова – концепт «мягкой силы» является одним из наиболее часто упоминаемых «политологических понятий».

Рассматривая актуальность темы исследования, отечественный исследователь Е. Борисов, являющийся редактором-составителем коллективной монографии по «мягкой силе», отмечает, что теоретико-методологическое осмысление данного концепта связано с инициированной политическими кругами обсуждения «неологизма, введенного гарвардским ученым». По его мнению, «интерес политиков к понятию soft power в наши дни вызвал всплеск активности научной сфере» [Борисов, 2020, с. 9].

Акцентируя внимание на актуальности и новаторстве данного термина Дж. Ная, отечественные специалисты склоняются к мнению об отсутствии ясности и точности концептуального и содержательного наполнения данного термина, что потенциально не дает возможность полноценно эффективно использовать данный концепт в сфере международных отношений. Комментируя данный аспект, отечественный исследователь О. Леонова отмечает, что «сегодня в научной литературе нет ясности, что же такое soft power». Подтверждая данный тезис, другой отечественный исследователь О. Красина указывает на тот факт, что «в том виде, в котором понятие «мягкой силы» представлено в работах Дж. Ная, оно охватывает практически все действия субъекта международных отношений, которые носят ненасильственный характер».

Автор исследования согласен с выводами отечественных исследователей С. Песцова и А. Быбыло о том, что концепт «мягкой силы» является инструментом «категории практики», тогда как полноценной «категорией анализа» так и стал. По их мнению, «многие из указанных противоречий и недоразумений обусловлены ... чрезмерно редуцированной содержательной трактовкой концепции «мягкая сила», что, с неизбежностью, расширяет пространство для критических замечаний и оценок предпринятых измерений мягкой силы» [Неймарк, 2021, с. 266].

Основная часть

Подтверждая тезис о том, что концепт «мягкой силы» является «категорией практики», следует обратить внимание на содержательный анализ актуализированной Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации от 31 марта 2016 года. Так, в главе II законодатель четко обозначает, что «культурная экспансия» является потенциальной угрозой национальной безопасности Российской Федерации, и страна будет принимать исчерпывающие меры для защиты своего существования. При этом, в статье 16 и 17 главы III; статье 8, 24 пункте «4», статье 30 пункте «4», статье 31 пункте «3» главы IV четко обозначены основополагающие принципы деятельности, которые хоть напрямую законодателем и не называются инструментами «мягкой силы», но исходя из содержательного наполнения данных положений, таковыми являются на практике.

Анализируя концепт «мягкой силы» Дж. Ная, отечественный исследователь П. Паршин полагает, что необходимо исходить из конструктивной критики, осознавая наличие и деструктивной. Таким образом, по его мнению, конструктивная критика строится на постулате

о том, что необходимо согласится «с фактом наличия власти над человеком всего того, к чему он привержен, и тем, что такая власть реализуется, среди прочих, также и в сфере международных отношений» [Чаевич, 2019, с. 143].

Необходимо отметить, что, рассматривая деструктивную позицию, исследователь отмечает наличие мнения о полном отрицании концепта «мягкой силы» в международных отношениях, или восприятии данного концепта как крайне негативного явления, требующего радикального противодействия.

Естественно, что, подвергая критике зарубежные определения и содержательные наполнения концепта «мягкой силы», отечественные исследователи предлагали различные самостоятельные интерпретации данной дефиниции. По мнению автора исследования, наиболее функционально наполненными представляются определения Е. Широковой, А. Бобыло, П. Песцова и П. Паршина.

По мнению отечественного исследователя Е. Широковой – «мягкая сила» — это «совокупность факторов общественного сознания, определяющих отношение общественной группы (населения страны, элиты, отдельных классов и т.п.) к какому-либо субъекту политики и таким образом усиливающих (или ослабляющих) влияние этого субъекта на данную группу».

При этом отечественные исследователи С. Песцов и А. Бобыло отказываясь от академического толкования данного концепта, предлагают развернутое функциональное понимание механизма «мягкой силы», который состоит «из 3 элементов: привлекательный субъект – стратегия изменения поведения объекта – достижение целей субъекта».

Наиболее академически обстоятельным представляется концептуальный анализ П. Паршина, который предлагает рассматривать данный концепт в качестве «метафоричного». Данный постулат исходит из постмодернистского анализа понимания процессов глобализации.

В научной работе «Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России» исследователь дает 2 определения «мягкой силы» - терминологическое и нетерминологическое: «Мягкая сила» в широком понимании – это способность достигать некоторой цели самому или через чье-либо посредство, выбирая из спектра потребных инструментов такие, относительно которых можно ожидать, что они при их применении, будут наносить относительно меньший ущерб (материальный или нематериальный) по сравнению с другими инструментами, потенциально применимыми для достижения той же цели [Чернышов, 2019, с. 120].

Также «мягкая сила» — это притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.».

Отечественные исследователи обозначают различные инструменты «мягкой силы», которые являются составной частью внешней культурной политики страны, включая репутационный менеджмент, имиджмейкинг и информационные войны. По мнению ряда исследователей информационно-коммуникативные технологии являются ключевой составной частью и катализаторами «мягкой силы». Подобные действия происходят через культурные знаки и символы.

Как отмечает в своей работе В. Капицын культурные «знаки и символы – виды информации, посредники между познающим и объектом познания. Люди не взаимодействуют напрямую с объективной реальностью, а создают символы как искусственных посредников».

Подтверждая вышеописанный тезис, другой отечественный исследователь А.П. Цыганков пишет о том, что «теория международных отношений никогда не являлась нейтрально-универсальной наукой». Тем самым, доказывая тезис о том, что «культурная экспансия»

(воздействие), которое поддерживается и направляется различными акторами международных отношений является силой способной повлиять на ход действий и мыслей иностранных государств, обществ и отдельных акторов [Неймарк, 2021, с. 221].

Исходя из данного тезиса, по мнению А.П. Цыганкова «теория международных отношений» будет развиваться по двум возможным сценариям: «1) чем сильнее давление, заставляющее заимствовать инокультурные идеи (а с ними и ценности), тем значительнее должны быть затраты на развитие потенциала «мягкой силы», сохранение интеллектуальной автономии и сопротивление идейной колонизации 2) чем своеобразнее культура, тем активнее усилия интеллектуального класса, направленные на то, чтобы создавать и развивать национальную модель «мягкой силы» и общественных наук для адаптации к условиям глобального мира».

Другой исследовательский подход предлагает Е. Панова, которая предполагает необходимость выделения в концепте «мягкой силы» инструменты краткосрочного и долгосрочного планирования (действия). К краткосрочным по мнению исследователя следует относить «месседжинг», в рамках которых осуществляется социально-культурное воздействие посредством средств массовой информации, сетевого пространства. В условиях глобализации подобный инструмент осуществляет построение «культурного» информационного пространства вокруг государства, с разъяснением идеологии, политики действий, а также созданием благоприятного имиджа. Среди таковых [Неймарк, 2021, с. 177]: «

- «Распространение печатных изданий в иностранном государстве.
- Организация телерадиовещания в иностранном государстве.
- Организация культурных выставок, форумов.
- Создание совместных культурных проектов, направленных на укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений».

При этом, к долгосрочным инструментам Панова относит исключительно международные образовательные программы. Как отмечает исследователь, «высшее образование формирует определенное мировоззрение у иностранных гостей, отражающее ценности самого принимающего государства и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем».

Автор исследования, соглашаясь с мнением о том, что международные образовательные программы являются важным инструментом «культурного воздействия на тех или иных акторов международных отношений, полагает важным дополнить, что образовательные проекты – понятие широкое, и ключевыми проводниками таковых проектов являются некоммерческие организации, которые имеют существенные силы в определении вектора внешней культурной политики любого государства.

Рассматривая концепт «мягкой силы» следует обратить внимание на наиболее детализированную теоретико-методологическую разработку, которую представили в своей работе отечественные исследователи С. Песцов и А. Бобыло.

По их мнению, существует восемь «содержательных элементов» концепта «мягкой силы», которые представляют следующий механизм [Ворочков, 2016, 57]: «

- «Источники. По мнению исследователей таковыми являются национальное достояние (то есть, социальное и культурное), актуальная дипломатия и политика.
- Механизмы. Исследователи полагают, что «сам факт наличия определенных вещей и/или действий, потенциально способных выступать в качестве ресурсов «мягкой силы», автоматически не делают их таковыми». Тем самым, необходимыми техническими

- средствами реализации такого перехода являются «культурные каналы коммуникации», финансы, инфраструктура, а также технологии (к примеру, культурные связи, брендинг, публичная дипломатия).
- Активы. Данный авторский постулат является тождественным с «валютой силы», которая определяется категориями культурологического значения.
 - Инструменты. Важнейшими инструментами по мнению исследователей является образ, имидж и присутствие. В контексте использования инструментов происходит социальная и культурное позиционирование страны в глобальном информационно-коммуникационном пространстве.
 - Промежуточные эффекты. Индикаторами в данном случае служат репутация и осведомленность, которая наступает между субъектом культурного внешнего воздействия и объектом.
 - Механизм селекции. Данный механизм определяется как «совокупность рациональных и эмоциональных, сознательных и интуитивных процедур и инструментов селекции (отбора) внешних воздействий».
 - Промежуточный результат. Данный результат достигается исключительно при выверенном планировании и использовании необходимых активов и инструментов «мягкой силы».
 - Конечный результат. Определяется необходимой реакцией реципиента. При этом, отсутствует возможность определения четкой корреляции, с учетом многогранности и сложности международных отношений (определение конкретного результата «культурного воздействия» невозможно)».

Также следует обратить внимание на концептуальную позицию отечественного исследователя Д. Медведева, который определяет воздействие «мягкой силы» исключительно с позиции конструктивного воздействия.

По его мнению, «одним из условий «привлечения другого» является его дезинтеграция как стратегического субъекта, уничтожение его субъектности (самостоятельности, независимости) как таковой. Лишенный собственных ценностей и идеалов... объект «мягкого» воздействия «примыкает» к аттрактору, который предложен ему источником «мягкого» влияния».

Концептуально продолжая теоретические выводы Д. Медведева, другой отечественной исследователь в своей научной статье «Идентификация деструктивных смыслов в противодействии «мягкой силы» пишет о данном концепте как угрозе. По его мнению, «уступка влиянию «мягкой силы», общественное согласие принятия ее даров будут означать лишь внешнее снятие культурных, идеологических, политических противоречий, но при этом они возникнут на более глубоком уровне общественного сознания. Может произойти нестыковка закладки и распаковки «культурных кодов» [Чаевич, 2019, с. 132].

Автор исследования соглашается с подобным тезисом, исходя из понимания того, что в содержательном наполнении данного концепта «коренится» деструктивных механизм смыслов, который отождествляет основополагающие принципы реализации самой «мягкой силы». Обуславливается это тем, что посредством использования «культурных кодов», механизмов социокультурного порядка производится отторжения или трансформация сознания (порой, и подсознания) объектов воздействия, в частности культурно-ценностных ориентиров, поведенческих норм, а также создание условий для осуществления усвоения иных социально-культурных норм, которые являются противоречащими устоявшимся «культурным кодам»

объектом воздействия.

С учетом того, что роль «мягкой силы» в геополитическом дискурсе продолжает возрастать, осуществляется изобретение новых технологий и методов информационно-психологического, культурологического и идеологического воздействия на международных акторов отношений, политические элиты и национальные правительства.

Являясь стержневым концептуальным механизмом американского либерализма, механизм «мягкой силы» стал ключевым элементом внешнеполитической деятельности правительства США. Посредством изменения «культурного сознания» и привнесения «чуждых элементов», США сумели достичь собственных стратегических национальных интересов в ближневосточном, африканском и западноевропейском геополитическом пространстве [Таказов, Загоскина, 2022, с. 150].

Подобные сценарии «культурной экспансии» породили новые концепции, включая «демократическая интервенция», «ответственность по защите», «человеческая безопасность» и другие, которые стали ядром «цветных революций».

Естественно, автор исследования отмечает, что измерение эффективности воздействия «мягкой силы» остается достаточно дискуссионным вопросом не только в теории международных отношений, но и в практике принятия административно-управленческих решений, что обуславливается сложностью определения степени влияния конкретных методов и инструментов на «культурную экспансию» и подведение к конкретным социокультурным или политическим итогам.

Рассматривая концептуальную наполняемость термина, «мягкая сила» автор исследования отмечает высокой уровень заимствования смысловых толкований, которые остаются в отечественном дискурсе не только непонятными, но зачастую чуждыми [Палатников, Осипова, 2023, с. 273]. В данной ситуации следует продолжить комплексную работу по академической детализации, наполняемости концепта «мягкой силы», без осуществления переноса западных шаблонов, что может негативно сказаться на практической реализации, в связи с наличием различной «культурной» и политической наполняемостью данного термина. Подобный подход особенно актуален в условиях, когда Российская Федерация вместе со стратегическими партнерами выстраивает многополярный мировой порядок [Чаевич, 2019, с. 166].

Автор исследования считает, что наличие у России своих индикаторов (маркеров) концепта «мягкой силы» является логичным продолжением основополагающих принципов, заложенных в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 31 марта 2023 года.

Рассматривая практику использования различными государствами инструмента «мягкой силы», следует обратить внимание на потенциальные возможности использования подобного концепта в качестве действенного «социокультурного щита» для отражения информационно-идеологического и агитационного воздействия недружественных государств и акторов международных отношений [Кукарцева, 2017, с. 156]. Подобный механизм уже заложен в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 года.

Заключение

Подводя итоги, автор исследования отмечает, что в отечественном академическом дискурсе присутствует негативное восприятие концепта «мягкой силы», что обуславливается

«демонизацией» данной дефиниции в публицистической среде. Исходя из данного аспекта, автор считает необходимым продолжение комплексного междисциплинарного исследования концепта «мягкой силы» как важного инструмента продвижения, реализации и формирования механизма «культурного воздействия» на иных акторов международных отношений, с целью достижения стратегических национальных интересов.

Библиография

1. Bedi H. P. India's solar soft power //Energy Research & Social Science. – 2024. – Т. 109. – С. 103396.
2. Blair R. A., Marty R., Roessler P. Foreign aid and soft power: Great power competition in Africa in the early twenty-first century //British Journal of Political Science. – 2022. – Т. 52. – №. 3. – С. 1355-1376.
3. Cull N. J. From soft power to reputational security: rethinking public diplomacy and cultural diplomacy for a dangerous age //The Routledge handbook of diplomacy and statecraft. – Routledge, 2022. – С. 409-419.
4. Gill B., Huang Y. Sources and limits of Chinese 'soft power' //Survival. – Routledge, 2023. – С. 17-35.
5. Kim Y. Introduction: Popular culture and soft power in the social media age //The soft power of the Korean wave. – Routledge, 2021. – С. 1-38.
6. Nye J. S. Get smart: Combining hard and soft power //Soft power and great-power competition: Shifting sands in the balance of power between the United States and China. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2023. – С. 63-66.
7. Nye J. S. Soft power //Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2023. – С. 3-15.
8. Nye J. S. Soft power and great-power competition: Shifting sands in the balance of power between the United States and China. – Springer Nature, 2023. – С. 208.
9. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept //Essays on evolutions in the study of political power. – Routledge, 2021. – С. 196-208.
10. Repnikova M. The balance of soft power: the American and Chinese quests to win hearts and minds //Foreign Aff. – 2022. – Т. 101. – С. 44.

"Soft Power" as a Tool for Implementing the Cultural Foreign Policy of the Russian Federation: A Political and Legal Analysis of the Phenomenon

Kamila E. Aleskerova

Graduate Student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18 Kremlyovskaya St., Kazan, Russian Federation;
e-mail: dish.2018@mail.ru

Abstract

In the context of global geopolitical transformations, the use of the so-called "soft power" concept has become an important element in advancing national interests. The significance of studying this phenomenon in the domestic discourse lies in the need to define the legal and socio-political boundaries, as well as the substantive content of this term, which is determined by the dual and ambiguous nature of such a phenomenon, along with the specific features of its implementation in Russia. Given that this concept has been frequently employed in political circles to describe new trends in Russia's foreign policy, such a socio-cultural and diplomatic tool requires comprehensive political and legal analysis. The author believes that the demand for academic analysis implies creating conditions for the precise use of this concept, maximizing benefits for national statehood and society.

For citation

Aleskerova K.E. (2025) «Myagkaya sila» kak instrument realizatsii kul'turnoy vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii: politiko-pravovoy analiz yavleniya ["Soft Power" as a Tool for Implementing the Cultural Foreign Policy of the Russian Federation: A Political and Legal Analysis of the Phenomenon]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 26-33.

Keywords

Soft power; public diplomacy; cultural diplomacy; international cultural cooperation; cultural foreign policy.

References

1. Bedi H. P. India's solar soft power //Energy Research & Social Science. – 2024. – T. 109. – C. 103396.
2. Blair R. A., Marty R., Roessler P. Foreign aid and soft power: Great power competition in Africa in the early twenty-first century //British Journal of Political Science. – 2022. – T. 52. – №. 3. – C. 1355-1376.
3. Cull N. J. From soft power to reputational security: rethinking public diplomacy and cultural diplomacy for a dangerous age //The Routledge handbook of diplomacy and statecraft. – Routledge, 2022. – C. 409-419.
4. Gill B., Huang Y. Sources and limits of Chinese 'soft power' //Survival. – Routledge, 2023. – C. 17-35.
5. Kim Y. Introduction: Popular culture and soft power in the social media age //The soft power of the Korean wave. – Routledge, 2021. – C. 1-38.
6. Nye J. S. Get smart: Combining hard and soft power //Soft power and great-power competition: Shifting sands in the balance of power between the United States and China. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2023. – C. 63-66.
7. Nye J. S. Soft power //Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2023. – C. 3-15.
8. Nye J. S. Soft power and great-power competition: Shifting sands in the balance of power between the United States and China. – Springer Nature, 2023. – C. 208.
9. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept //Essays on evolutions in the study of political power. – Routledge, 2021. – C. 196-208.
10. Repnikova M. The balance of soft power: the American and Chinese quests to win hearts and minds //Foreign Aff. – 2022. – T. 101. – C. 44.

УДК 34**Механизмы правового контроля поведения: этические и социальные последствия****Смирнов Олег Аркадьевич**

Кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра прикладной математики и информатики,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы правового контроля, такие как простое соответствие, коллатеральная мотивация, авторитет и стратегическое вмешательство. Проведён комплексный анализ их природы, особенностей функционирования и влияния на индивидуальное поведение. Авторами показано, что устойчивый правопорядок достигается благодаря сбалансированному сочетанию механизмов правового контроля. Особое внимание уделено этическим аспектам и социальным последствиям различных форм правового регулирования. Исследование предлагает новый взгляд на право как многомерный социальный институт, сочетающий функции контроля, координации и ценностного ориентирования. Редукция права к инструменту социального контроля акцентирует механизмы принуждения и авторитета. В то время как понимание права как механизма организации совместной жизни свободных индивидов выдвигает на первый план стратегическое вмешательство, создающее условия для добровольной кооперации. Идеальная правовая система представляет собой такую модель регулирования, где экстернальное принуждение постепенно уступает место интернальной мотивации, а соблюдение правовых норм становится не результатом страха или слепого подчинения, а следствием осознанного выбора в условиях правильно структурированного социального взаимодействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А. Новиков А. В. Механизмы правового контроля поведения: этические и социальные последствия // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 34-40.

Ключевые слова

Правовой контроль, механизмы правового регулирования, коллатеральная мотивация, авторитет права, стратегическое вмешательство, социальный порядок, эффективность права, легитимность.

Введение

Правовой контроль как социальный феномен представляет собой сложную многоуровневую систему взаимодействия между нормативными предписаниями и индивидуальными поведенческими актами.

Данная система не может быть редуцирована к дихотомии «норма-санкция», поскольку включает в себя качественно разнородные механизмы воздействия, каждый из которых обладает специфической природой, внутренней логикой функционирования и особым характером влияния на поведение. В современной правовой теории принято выделять четыре фундаментальных механизма правового контроля: простое соответствие, коллатеральную мотивацию, авторитет и стратегическое вмешательство. Их комплексное взаимодействие формирует устойчивую систему правового регулирования, обеспечивающую поддержание социального порядка [Шатковская, Елифанова, Вовченко, 2018]. Анализ особенностей каждого из этих механизмов, их когнитивных, мотивационных и поведенческих эффектов позволяет не только глубже понять природу права как социального института, но и разрабатывать более совершенные модели правового регулирования, учитывающие сложность взаимодействия между правовыми нормами и индивидуальным поведением.

Основное содержание

Простое соответствие как механизм правового контроля характеризуется ситуацией, когда поведенческие акты индивида совпадают с правовыми предписаниями не в силу существования последних, а благодаря внутренним детерминантам поведения - личностным убеждениям, сформировавшимся привычкам. В данном контексте правовая норма выполняет не столько регулятивную, сколько фиксативную функцию, формально закрепляя уже существующие в социуме практики [Anderson, Whitman, 1971; Grasmick, Green, 1980].

Типичным примером может служить поведение предпринимателя, поддерживающего высокие стандарты качества продукции не под угрозой санкций, а исходя из профессиональной этики и заботы о деловой репутации. Философско-правовая значимость данного механизма заключается в том, что он репрезентирует идеальную модель правового регулирования, при которой внешнее принуждение становится избыточным благодаря гармоничному соответствию между индивидуальными ценностными ориентациями и правовыми предписаниями [DeMott, 1998]. В подобных случаях право выполняет преимущественно символическую функцию, выступая формальным выражением сложившихся социальных конвенций. Однако данный механизм обладает существенными ограничениями, обусловленными его зависимостью от изменчивости индивидуальных убеждений и ценностных ориентаций. При трансформации личностных представлений о должном и допустимом поведение индивида может перестать соответствовать правовым стандартам без каких-либо экстернатальных санкций. Кроме того, данный механизм слабо поддается целенаправленному формированию со стороны

законодателя, поскольку основывается на глубинных личностных установках, формирующихся в процессе продолжительной и многоаспектной социализации [Сырых, 2005].

Коллатеральная мотивация как механизм правового контроля принципиально отличается от простого соответствия своей природой и способом воздействия. Данный механизм основан на системе экстернальных стимулов, которые могут носить как негативный (санкции за нарушение нормы), так и позитивный (поощрения за ее соблюдение) характер. Типичными примерами проявления данного механизма являются ситуации, когда гражданин пристегивается ремнем безопасности под угрозой штрафа, предприниматель оформляет трудовые договоры, опасаясь проверки контролирующих органов, или индивид участвует в переписи населения ради получения социальных льгот. Ключевой характеристикой данного механизма является его инструментальная природа: соблюдение правовой нормы происходит не в силу признания ее внутренней ценности или социальной значимости, а вследствие искусственного изменения правовой системой баланса выгод и издержек, связанных с определенными поведенческими актами [Minsky, Ungureanu, 2000].

Эмпирические исследования убедительно демонстрируют эффективность данного подхода в достижении конкретных поведенческих результатов - угроза наказания действительно оказывает существенное влияние на уровень правопослушания. Однако длительное и масштабное применение данного механизма порождает этические и социальные проблемы. Постоянное использование экстернальных стимулов приводит к постепенной эрозии интернальной мотивации - индивид перестает рефлексировать о моральном содержании своих действий, ориентируясь исключительно на возможные последствия. В результате формируется специфический тип правосознания, при котором закон воспринимается не как выражение социально значимых ценностей, а как совокупность правил, соблюдение которых определяется исключительно соотношением потенциальных выгод и потерь. Кроме того, данный механизм требует постоянного наращивания контролирующих ресурсов, поскольку его эффективность находится в прямой зависимости от вероятности обнаружения нарушения и тяжести предусмотренного наказания. Крайние формы правового принуждения нивелируют возможность осознанного выбора, трансформируя индивида в объект правового воздействия, лишенный способности к моральной рефлексии и автономному принятию решений [Bilz, Nadler, 2014].

Механизм авторитета в системе правового контроля обладает принципиально иной природой по сравнению с рассмотренными выше. В данном случае подчинение правовой норме происходит не вследствие оценки возможных последствий (как при коллатеральной мотивации), а в силу признания ее нормативной силы, исходящей от легитимного источника власти.

Типичными примерами являются поведение солдата, исполняющего приказ, или гражданина, платящего налоги из чувства гражданского долга. Ключевым аспектом данного механизма является не содержание нормы и не последствия ее нарушения, а сам факт ее исхождения от признанного источника правотворчества. Данный тип правового контроля качественно трансформирует природу морального выбора - действия, которые ранее могли быть предметом личного усмотрения, приобретают характер безусловных обязанностей, а несогласие с ними переходит из плоскости неразумности в сферу моральной неприемлемости. В современных демократических обществах данный механизм часто основывается на концепции «цепочки легитимности», где обязательная сила закона проистекает из демократических процедур его принятия.

Однако именно этот механизм наиболее уязвим для различного рода злоупотреблений, поскольку предполагает определенную степень некритичного принятия правовых установлений. Исторический опыт свидетельствует, что следование авторитету закона, оторванное от моральной рефлексии, может приводить к легитимации откровенно антигуманных практик. Более того, эффективность данного механизма находится в прямой зависимости от уровня доверия к институтам власти и восприятия справедливости существующего правопорядка, что делает его особенно уязвимым в периоды социальных кризисов и трансформаций.

Стратегическое вмешательство как механизм правового контроля занимает особое место в системе правового регулирования. Его сущность заключается в том, что закон изменяет не самих индивидов, а их ожидания относительно поведения других участников социального взаимодействия. Примером является соблюдение правил дорожного движения, когда водители следуют установленным нормам не столько из страха перед наказанием, сколько из уверенности, что другие участники движения будут вести себя аналогичным образом.

Уникальность данного механизма состоит в его способности разрешать классические социальные дилеммы, где индивидуальная рациональность вступает в противоречие с коллективными интересами. В таких сферах, как налоговая дисциплина, экологическое поведение или участие в общественно значимых инициативах, стратегическое вмешательство играет ключевую роль. В данном контексте право выступает не столько как инструмент принуждения, сколько как координационный механизм, создающий предсказуемость социальной среды и тем самым делающий кооперативное поведение рациональным выбором для каждого участника.

Особенностью данного механизма является его способность достигать социально значимых результатов при минимальном ограничении индивидуальной автономии и без требования слепого подчинения внешним предписаниям. Однако его эффективность напрямую зависит от достижения критической массы участников, готовых следовать установленным нормам, что создает существенные трудности на этапе внедрения новых правовых регуляторов.

Сравнительный анализ рассмотренных механизмов правового контроля выявляет сложную систему их взаимосвязей и взаимопереходов. Механизмы авторитета и стратегического вмешательства могут приводить к сходным результатам с точки зрения уровня правопослушания, однако достигаются эти результаты принципиально разными путями - через безусловное подчинение в первом случае и через координацию ожиданий во втором. Коллатеральная мотивация, являющаяся на первый взгляд прямой противоположностью простого соответствия, в процессе длительного применения может эволюционировать в него - как в случаях, когда первоначальное соблюдение нормы из-за страха перед санкциями постепенно трансформируется в устойчивую привычку и внутреннюю убежденность. Каждый из рассмотренных механизмов обладает специфическими ограничениями и сферами максимальной эффективности. Принуждение через систему санкций обеспечивает поведенческие изменения, но требует значительных ресурсов на контроль и порождает сопротивление. Авторитет эффективен в условиях стабильных социальных институтов, но крайне уязвим в периоды кризисов легитимности. Стратегическое вмешательство встраивается в социальные практики, но зависит от достижения критической массы участников. Простое соответствие представляет собой идеальную модель правовой гармонии, но оказывается ненадежным в условиях ценностного плюрализма и социальных изменений.

Практическая значимость предложенной классификации заключается в осознании того, что

устойчивый правопорядок не может основываться на каком-либо одном механизме - он требует их сбалансированного сочетания и взаимного дополнения. Эффективная правовая политика должна учитывать сильные и слабые стороны каждого из этих механизмов, применяя их в тех сферах, где они могут проявить максимальную эффективность. Философско-правовое осмысление данных механизмов ставит фундаментальный вопрос о природе права как социального явления. Редукция права к инструменту социального контроля акцентирует механизмы принуждения и авторитета. В то время как понимание права как механизма организации совместной жизни свободных индивидов выдвигает на первый план стратегическое вмешательство, создающее условия для добровольной кооперации. Идеальная правовая система представляет собой такую модель регулирования, где экстернальное принуждение постепенно уступает место интернальной мотивации, а соблюдение правовых норм становится не результатом страха или слепого подчинения, а следствием осознанного выбора в условиях правильно структурированного социального взаимодействия.

Заключение

Представленный анализ механизмов правового контроля демонстрирует сложную, многомерную природу взаимодействия правовых норм и индивидуального поведения. Такие механизмы как простое соответствие, коллатеральная мотивация, авторитет и стратегическое вмешательство – образуют целостную систему правового регулирования, каждый элемент которой обладает уникальными характеристиками и сферами эффективного применения.

Соответствие, основанное на гармонии правовых норм и индивидуальных ценностей, представляет собой идеальную, но трудно достижимую модель правового регулирования, где внешнее принуждение становится избыточным. Коллатеральная мотивация, опирающаяся на систему стимулов и санкций, обеспечивает быстрые поведенческие изменения, но несет в себе риск снижения внутренней мотивации и требует значительных контролирующих ресурсов. Механизм авторитета, базирующийся на признании нормативной силы закона, способен формировать устойчивые модели правопослушного поведения, но уязвим к злоупотреблениям и зависит от уровня доверия к правовой системе. Стратегическое вмешательство, изменяющее не самих индивидов, а их ожидания относительно поведения других, предлагает наиболее сбалансированный подход, минимизирующий внешнее принуждение при сохранении эффективности регулирования.

Устойчивый и эффективный правопорядок не может основываться на каком-либо одном механизме правового контроля. Его стабильность и жизнеспособность обеспечиваются именно сложным взаимодействием и взаимодополнением всех механизмов. Практическая ценность предложенной классификации состоит в возможности разработки более тонких и адресных инструментов правового регулирования, учитывающих специфику различных сфер общественной жизни и типов социальных взаимодействий.

Философско-правовое значение исследования заключается в преодолении упрощенных представлений о праве как исключительно инструменте принуждения. Право предстает как сложный социальный институт, выполняющий не только контролирующие, но и координирующие, интегративные и ценностно-формирующие функции. Перспективным направлением развития правовых систем представляется движение от моделей, основанных преимущественно на принуждении и авторитете, к более сложным формам регулирования, акцентирующемуся на стратегическом вмешательстве и создании условий для добровольного правопослушания.

Таким образом, понимание многообразия механизмов правового контроля и закономерностей их взаимодействия открывает возможности для совершенствования правового регулирования, делая его более гибким, эффективным и соответствующим принципам свободного общества. Это особенно важно в условиях современных социальных трансформаций, когда традиционные механизмы правового контроля сталкиваются с новыми вызовами, требующими инновационных подходов к правовому регулированию.

Библиография

1. Овчарова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования //Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – №. 2. – С. 137-158.
2. Сырых В. М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура //Ленинградский юридический журнал. – 2005. – №. 2. – С. 106-119.
3. Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики //Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №. 3. – С. 142-146.
4. Anderson D. C., Whitman T. L. Control of behavior through law: Theory and practice //Notre Dame Law. – 1971. – Т. 47. – С. 815.
5. Bilz K., Nadler J. Law, moral attitudes, and behavioral change //The Oxford handbook of behavioral economics and the law. – 2014. – С. 241-267.
6. Brochmann G. The mechanisms of control //Mechanisms of immigration control. – Routledge, 2020. – С. 1-27.
7. DeMott D. A. The Mechanisms of Control //Conn. J. Int'l L. – 1998. – Т. 13. – С. 233.
8. Grasmick H. G., Green D. E. Legal punishment, social disapproval and internalization as inhibitors of illegal behavior //J. Crim. L. & Criminology. – 1980. – Т. 71. – С. 325.
9. Kraakman R. H. Corporate liability strategies and the costs of legal controls //Yale LJ. – 1983. – Т. 93. – С. 857.
10. Minsky N. H., Ungureanu V. Law-governed interaction: a coordination and control mechanism for heterogeneous distributed systems //ACM Transactions on Software Engineering and Methodology (TOSEM). – 2000. – Т. 9. – №. 3. – С. 273-305.

Mechanisms of Legal Behavior Control: Ethical and Social Consequences

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Department of Applied Mathematics and Informatics,
Russian State University named after A.N. Kosygin,
115035, 52/45 Sadovnicheskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Legal Sciences, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article examines mechanisms of legal control such as simple compliance, collateral motivation, authority, and strategic intervention. A comprehensive analysis of their nature, operational features, and influence on individual behavior is conducted. The authors demonstrate that sustainable legal order is achieved through a balanced combination of legal control mechanisms. Special attention is given to ethical aspects and social consequences of various forms of legal regulation. The research offers a new perspective on law as a multidimensional social institution combining control, coordination, and value-orientation functions. Reducing law to an instrument of social control emphasizes mechanisms of coercion and authority. Meanwhile, understanding law as a mechanism for organizing collective life of free individuals brings to the forefront strategic intervention that creates conditions for voluntary cooperation. An ideal legal system represents a regulatory model where external coercion gradually gives way to internal motivation, and compliance with legal norms becomes not a result of fear or blind obedience, but a consequence of conscious choice within properly structured social interaction.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V. (2025). Mekhanizmy pravovogo kontrolya povedeniya: eticheskie i sotsialnye posledstviya [Mechanisms of Legal Behavior Control: Ethical and Social Consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 34-40.

Keywords

Legal control, legal regulation mechanisms, collateral motivation, authority of law, strategic intervention, social order, legal effectiveness, legitimacy

References

1. Ovcharova, E.V. (2019). Administrativnaia protsedura nalogovogo kontrolya v mekhanizme pravovogo regulirovaniia [Administrative procedure of tax control in the mechanism of legal regulation]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], *14*(2), 137-158.
2. Syrykh, V.M. (2005). Sotsialnyi mekhanizm pravovogo regulirovaniia: poniatie, sostav i struktura [Social mechanism of legal regulation: concept, composition and structure]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal* [Leningrad Legal Journal], (2), 106-119.
3. Shatkovskaia, T.V., Epifanova, T.V., & Vovchenko, N.G. (2018). Transformatsiia struktury mekhanizma pravovogo regulirovaniia v usloviakh tsifrovoi ekonomiki [Transformation of the structure of the legal regulation mechanism in the digital economy]. *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], (3), 142-146.
4. Anderson, D.C., & Whitman, T.L. (1971). Control of behavior through law: Theory and practice. *Notre Dame Law Review*, *47*(5), 815-834.
5. Bilz, K., & Nadler, J. (2014). Law, moral attitudes, and behavioral change. In E. Zamir & D. Teichman (Eds.), *The Oxford handbook of behavioral economics and the law* (pp. 241-267). Oxford University Press.
6. Brochmann, G. (2020). The mechanisms of control. In G. Brochmann & T. Hammar (Eds.), *Mechanisms of immigration control: A comparative analysis of European regulation policies* (pp. 1-27). Routledge.
7. DeMott, D.A. (1998). The mechanisms of control. *Connecticut Journal of International Law*, *13*, 233-267.
8. Grasmick, H.G., & Green, D.E. (1980). Legal punishment, social disapproval and internalization as inhibitors of illegal behavior. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, *71*(3), 325-335.
9. Kraakman, R.H. (1984). Corporate liability strategies and the costs of legal controls. *The Yale Law Journal*, *93*(5), 857-898. <https://doi.org/10.2307/796238>
10. Minsky, N.H., & Ungureanu, V. (2000). Law-governed interaction: a coordination and control mechanism for heterogeneous distributed systems. *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*, *9*(3), 273-305. <https://doi.org/10.1145/352591.352592>

УДК 341.9**Теоретико-методологические аспекты международного
гражданского процесса****Никитина Анжелика Александровна**

Кандидат экономических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий
450005, Российская Федерация, Уфа, ул. Достоевского 131;
e-mail: aa_nikitina@mail.ru

Идельбаева Гульфия Ишбулдовна

Кандидат юридических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий
450005, Российская Федерация, Уфа, ул. Достоевского 131;
e-mail: gylfiya_131@mail.ru

Кочкина Екатерина Максимовна

Студентка
Уфимский университет науки и технологий
450005, Российская Федерация, Уфа, ул. Достоевского 131;
e-mail: Kate1259@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается понятие международного гражданского процесса и его особенные черты. Целью работы является анализ сущности международного гражданского процесса, его характерных черт, источников права, существующих проблем его осуществления. Особенность международного гражданского процесса состоит в его объекте. Им является регулирование гражданских отношений с участием «иностранного элемента». Данная особенность может быть связана с рядом проблем. Например, это приводит к коллизии гражданского права различных государств при разрешении судебных споров. В современных реалиях большое значение имеет сотрудничество государств. В процессе такого взаимодействия могут возникать частноправовые и трансграничные споры. Они передаются на разрешение суду, который находится в одном из участвующих в споре государств. Кроме того, судебное вмешательство часто может быть необходимо и при разрешении вопросов в отсутствие спора. Например, при установлении юридического факта, признании лица безвестно отсутствующим, усыновления и так далее. В ходе исследования были изучены мнения различных ученых, позиции правовых школ, положения, озвученные спикерами на конференциях и круглых столах. По результатам исследования сделан вывод о необходимости подробного анализа имеющихся проблем международного гражданского процесса с целью их решения, так как данный вид процесса крайне важен в современном мире.

Для цитирования в научных исследованиях

Никитина А.А., Идельбаева Г.И., Кочкина Е.М. Теоретико-методологические аспекты международного гражданского процесса // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 41-49.

Ключевые слова

Международный гражданский процесс, проблемы, источники права, международное право, отрасли права, защита прав, гарантии, не дискриминация, законные интересы.

Введение

Международный гражданский процесс – это «комплексный институт международного частного права, регламентирующий взаимосвязь и взаимодействие национальных и международных процедур, определенных в процессуальных нормах, направленных на защиту и установление гражданских прав» [Николюкин, 2017, с. 13]. Такого определения придерживается большинство исследователей в данной сфере.

По нашему мнению, является возможным несколько конкретизировать данное определение, указав, что международный гражданский процесс – это процесс осуществления отправления правосудия по делам, участниками которых являются иностранные лица, регламентируемый нормами не только национального права, но и международными договорами, по спорам, обладающим экстерриториальным характером.

Методы (теоретические основы) исследования

Изучение проблемы международного гражданского процесса опиралось на методы теоретического анализа научной и методической литературы, документов и материалов периодической печати, электронных ресурсов, наблюдения, экспертной оценки, логический, а также на такие общенаучные методы как анализ, синтез, формально-логический и диалектический методы познания. В качестве специально-научных методов исследования применялись историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Научной базой исследования послужили публикации таких авторов как Г. Ю. Федосеева ; Г. Ю. Федосеева, С. В. Николюкин, Л. И. Зайцева, И. И. Лукашук ; И. И. Лукашук, Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов, В. Я. Суворова, В. С. Быстрикова, Т. К. Демидова, М. М. Утяшев, Е. О. Тулупова, Т. К. Демидова, Е. О. Тулупова, Т. К. Демидова [Тулупова, Демидова, 2023; Тулупова, Демидова, 2020, Демидова, Тулупова, 2019], Т. К. Демидова, А. А. Никитина, Е. О. Тулупова, Е. С. Баранова [Демидова, Никитина, Тулупова, Баранова, 2024] и другие.

Доказательной базой послужили нормативно-правовые документы, и электронные ресурсы международных договоров и соглашений [Верховный суд РФ на примере дела о миллиардном наследстве разъяснил, как изучать иностранный элемент, [www](#); ,Круглый стол на тему Актуальные проблемы международного гражданского процесса: параллельные разбирательства, [www](#); ,Современные проблемы и вызовы в международном правосудии обсудили на ПМЮФ, [www](#)].

Основная часть

В среде научных деятелей отсутствует единый подход относительно того, что именно следует понимать под международным гражданским процессом. Первая группа авторов

придерживается мнения, согласно которому международный гражданский процесс – это не что иное, как самостоятельная отрасль права. В то время как вторая группа ученых считает, что международный гражданский процесс является одним из институтов международного частного права. Еще ряд авторов утверждает, что международный гражданский процесс – это часть гражданского процессуального права каждого государства

Сам по себе международный гражданский процесс является «понятием доктринальным, обозначающим систему норм, регулирующих деятельность суда и других юрисдикционных органов при рассмотрении гражданско-правовых дел, осложненных иностранным элементом» [Федосеева, 2005, с. 5].

Одной из характерных черт международного гражданского процесса является то, что его вправе осуществлять различные судебные органы. Это, например, Международный суд ООН, третейские суды, международный коммерческий арбитраж, а также (в определенных ситуациях) суды общей юрисдикции и арбитражные суды всех государств.

Функции собственно Международного суда в отличие от национальных судов состоят не только в рассмотрении гражданских дел. Таким образом, Международный суд ООН, рассматривая различные категории дел, принимает во внимание интересы всего мирового сообщества, что содействует развитию международного права в целом.

В данной ситуации Международный суд, образно говоря, «работает на перспективу, устанавливая основу для дальнейшего сотрудничества между государствами и устраняя противоречия, которые могут возникнуть в будущем» [Зайцева, 2016, с. 1013-1014].

Сама по себе правовая регламентация международного гражданского судопроизводства имеет двойственный характер. Нормы права включают в себя не только непосредственно международные, но и внутригосударственные нормы, касающиеся регулирования вопросов процессуального положения иностранных граждан и организаций. Источники международного права находят свое закрепление Статуте Международного Суда ООН (статья 38). Однако данный перечень не является исчерпывающим.

Кроме того, при разрешении споров судами общей юрисдикции и арбитражными судами государств важными являются такие международные правовые акты, как Конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 года, Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 года, Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства 1968 года, Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 года, Соглашение о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств – участников Содружества 1998 года, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года.

Касательно вопроса источников международного гражданского процесса в среде деятелей науки также существует несколько принципиальных позиций. Согласно первой из них судебные решения вообще не являются источниками права, к ним авторы относят лишь договоры и обычаи. Решения судов же носят лишь вспомогательный характер. [Лукашук, 2005, с. 21]

Большую роль играет мнение А.Ю. Ключникова, согласно которому именно судебная практика имеет основополагающее значение в развитии международного права. Автор указывает, что «формируя правовые убеждения, решения международных судов представляют собой (в большей степени) материальный источник международного права («творческий источник»)» [Игнатенко, Тиунов, Суворова и др., 2021, с. 112].

Множество разнообразных мнений ученых по вышеуказанному вопросу также является

правовой проблемой наравне с такими проблемами международного гражданского процесса как, например, параллельные судебные разбирательства, исполнение судебных поручений международных судов, признание международным судом иностранных судебных решений, отсутствие единого унифицированного международного правового документа и многие другие.

При рассмотрении специфики международного гражданского процесса важно изучить алгоритм работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов, осуществляющих такое правосудие. В России регламентация международной судебной юрисдикции предусмотрена разделами V Гражданского процессуального кодекса и Арбитражного процессуального кодекса. Содержащиеся в них главы содержат нормы, регламентирующие случаи, в которых суды общей юрисдикции и арбитражные суды вправе рассматривать споры с участием иностранных лиц, а также порядок осуществления правосудия.

Так, например, суды Российской Федерации в ходе осуществления гражданского и арбитражного судопроизводства рассматривают дела, по которым организация-ответчик находится на территории Российской Федерации или гражданин-ответчик имеет место жительства в Российской Федерации; по делу о взыскании алиментов и об установлении отцовства истец имеет место жительства в Российской Федерации; по делу о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или смертью кормильца, вред причинен на территории Российской Федерации или истец имеет место жительства в Российской Федерации; по делу о расторжении брака истец имеет место жительства в Российской Федерации или хотя бы один из супругов является российским гражданином; спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации.

Споры, осложненные «иностранным элементом», рассматриваются по правилам, предусмотренными соответствующими процессуальными кодексами, однако с рядом особенностей. Например, все предоставляемые документы должны сопровождаться их заверенным переводом на русский язык, обязательное участие переводчика, необходимость использования при вынесении решения норм не только российского, но и зарубежного законодательства, обязательный учет норм международных договоров. Иностранные лица обладают процессуальными правами и обязанностями наравне с гражданами Российской Федерации.

Отдельными главами (глава 45.1 ГПК РФ и глава 33.1 АПК РФ) предусмотрены особенности участия иностранных государств. Так, предъявление иска к иностранному государству, участие иностранного государства в качестве ответчика или третьего лица осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 3 ноября 2015 года № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации». Иностранное государство пользуется процессуальными правами и выполняет процессуальные обязанности наравне с российскими гражданами и организациями, однако обладает в отношении себя и своего имущества юрисдикционным иммунитетом.

Несмотря на ряд сложностей, связанных с рассмотрением подобных дел в судах, они не являются редким явлением, в связи с чем часто складывается неоднородная судебная практика. Например, в одном из споров посольство иностранного государства предъявило исковые требования к российскому юридическому лицу. Российская фирма в свою очередь обратилась с встречным иском. Тогда посольство сослалось на международный иммунитет от судопроизводства в стране пребывания. Суд первой инстанции на данном основании отказал в принятии встречного иска. Однако суд кассационной инстанции данное решение отменил,

указав, что сам факт обращения посольства с исковым заявлением свидетельствует об его отказе от международного иммунитета, в связи с чем посольство утратило право ссылаться на иммунитет в указанной ситуации.

Верховный суд Российской Федерации не раз указывал на необходимость анализа норм права иностранных государств при разрешении споров с иностранным элементом. Так, одним из наиболее громких судебных процессов является наследственное дело миллиардера Олега Бурлакова. Находясь в Монако, он составил завещание, по которому все имущество передавалось его сестре и ее мужу. Вдова Бурлакова и его дети хотели признать завещание недействительным и обратились в суд. Спорным являлось то обстоятельство, что данный документ был оформлен согласно требованиям законодательства Монако, однако написан на русском языке.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, признав завещание действительным. Данное дело дошло до Верховного суда Российской Федерации, который в своем определении указал, что при разрешении настоящего спора «суд первой инстанции, столкнувшись с правовым вопросом, фактически самоустранился от принятия необходимых мер для уяснения содержания норм иностранного права: самостоятельно за содействием и разъяснением в компетентные органы не обратился, экспертов не привлек, доводы стороны ответчиков о необходимости обратиться в Министерство юстиции Российской Федерации и иные компетентные органы или организации для определения содержания применимых норм отклонил» [Верховный суд РФ на примере дела о миллиардном наследстве разъяснил, как изучать иностранный элемент, [www](#)].

Таким образом, высшая судебная инстанция Российской Федерации указывает на еще одну проблему международного гражданского процесса – ненадлежащее применение законодательства иностранных государств.

Рассмотрение проблем международного гражданского процесса является предметом научных конференций. Так, 27 декабря 2023 года Московским государственным институтом международных отношений был организован круглый стол на тему «Актуальные проблемы международного гражданского процесса: параллельные разбирательства». [Круглый стол на тему Актуальные проблемы международного гражданского процесса: параллельные разбирательства, [www](#)]

Например, в ходе данного мероприятия выступила доцент департамента международного права НИУ ВШЭ Филатова М.А. с докладом на тему «Подходы к предотвращению параллельных процессов в различных юрисдикциях: сравнительно-правовой взгляд», в котором провела сравнение правовых механизмов возбуждения, приостановления и прекращения гражданских разбирательств в суде романо-германских и англо-саксонских стран.

Также, профессор кафедры «Международного частного и гражданского права имени Лебедева С.Н.» Елисеев Николай Георгиевич осветил вопрос возможности рассмотрения извещений судьями международных судов потенциально заинтересованных в процессе лиц как одну из мер предотвращения параллельных разбирательств.

В рамках XII Петербургского международного юридического форума, который прошел 27 июня 2024 года, состоялась конференция, посвященная актуальным проблемам и вызовам в сфере международного правосудия. Ключевым моментом обсуждения стала важность соблюдения основополагающих принципов международного правосудия международными судами. Ученые указали, что «на сегодняшний день на международные судебные органы, в первую очередь Международный Суд ООН, оказывается беспрецедентное давление».

[Современные проблемы и вызовы в международном правосудии обсудили на ПМЮФ, [www](http://www.pmf.ru)]

Геннадий Кузьмин, являющийся представителем Российской Федерации по делам в Международном суде ООН, в ходе обсуждения указал, что «современная система международного правосудия становится ареной борьбы между странами западного лагеря и государствами многополярного мира».

Анатолий Капустин, президент Российской ассоциации международного права, указал на необходимость соблюдения основополагающих принципов международного гражданского процесса, в особенности обеспечение при рассмотрении гражданских и других дел независимости и беспристрастности Международного суда.

Каждое государство имеет свои нормативные правовые акты, которые устанавливают принципы правосудия, однако в основном международном акте, который посвящен осуществлению международного гражданского процесса в Международном суде ООН (Статут Международного суда) отсутствует закрепление тех же принципов, но не для конкретного государства, а для всего международного правосудия в целом.

По мнению Анатолия Капустина, «международное правосудие на сегодняшний день фрагментарно, что создает почву для манипуляций с целью постановления международным судом тех решений, которых нужны той или иной группе государств» [Современные проблемы и вызовы в международном правосудии обсудили на ПМЮФ, [www](http://www.pmf.ru)].

Участники отметили, что особую важность на данный момент приобретает необходимость создания в будущем международного суда, альтернативного Европейскому суду по правам человека. Например, международный суд стран БРИКС.

Таким образом, можно выделить следующие основные проблемы международного гражданского процесса:

- Отсутствие законодательно определенного понятия «международного гражданского процесса». Представляется необходимым внести в один из международных правовых актов определение данного понятия, указав, что оно включает в себя как юрисдикцию Международного суда ООН, так и судов национальных правовых систем государства.
- Отсутствие механизма использования судами законодательства иностранного государства при принятии решений с участием «иностранного элемента». Для решения данной проблемы представляется необходимым дополнение Гражданского процессуального кодекса.
- Сложности, возникающие при рассмотрении дел между государствами, связанные с неполной регламентацией международного иммунитета и возможности его применения. Для решения данной проблемы также представляется важным дополнение соответствующего законодательства положениями, устанавливающими ситуации, когда международный иммунитет не применим.
- Давление, оказываемое на международные судебные органы. Необходимо установление в международных правовых актах норм, содержащих конкретные виды ответственности для государств или отдельных лиц в случае оказания ими каким-либо образом влияния или давления на Международный суд при принятии им решений в ходе осуществления международного гражданского процесса.
- Отсутствие закрепленных в законодательстве принципов осуществления международного гражданского процесса как Международным судом, так и судами общей юрисдикции и арбитражными судами государств. Для решения данной проблемы представляется необходимым включение в Статут Международного суда отдельной статьи с подробным

изложением принципов, обязательных к применению для всех судов, осуществляющих международных гражданский процесс. Например, это могут быть такие принципы, как равенство судебных процессов всех государств и вынесенных ими решений, независимость и беспристрастность суда, процессуальное равноправие и состязательность сторон, гласность судебного разбирательства и тому подобные.

Заключение

По результатам исследования можно сделать вывод об актуальности изучения вопроса сущности международного гражданского процесса, поскольку он связан с наличием ряда проблем. Указанные проблемные аспекты являются важными, поиск их решения необходим, так как международное гражданское судопроизводство играет особую роль в международном праве. Первостепенной задачей в осуществлении международного гражданского процесса является вынесение всеми судами справедливых и объективных решений, независимых от влияния отдельных государств.

Библиография

1. Федосеева, Г. Ю. Международное частное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Г. Ю. Федосеева ; Г. Ю. Федосеева. – Изд. 4-е, перераб. и доп.. – Москва : Эксмо, 2005. – 427 с. – (Российское юридическое образование). – ISBN 5-699-12482-9
2. Николокин, С. В. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж / С. В. Николокин. – Москва : "Юстиция", 2017. – 256 с. – ISBN 978-5-4365-1089-7
3. Зайцева, Л. И. Сущность международного судебного процесса / Л. И. Зайцева // Известия Байкальского государственного университета. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 1011-1018. – DOI 10.17150/2500-2759.2016.26(6).1011-1018
4. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И. И. Лукашук ; И. И. Лукашук ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Акад. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп.. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – (Библиотека студента). – ISBN 5-466-00103-1
5. Международное право / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов, В. Я. Суворова [и др.]. – 6-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2021. – 752 с. – ISBN 978-5-91768-368-3
6. Верховный суд РФ на примере дела о миллиардном наследстве разъяснил, как изучать иностранный элемент // Официальный сайт Ассоциации юристов России [Электронный ресурс]. URL: <https://alrf.ru/news/vs-na-primere-dela-o-milliardnom-nasledstve-razyasnil-kak-izuchat-inostrannyy-element/?ysclid=m9pnmpqs2k636884463> (Дата обращения: 19.04.2025)
7. Круглый стол на тему «Актуальные проблемы международного гражданского процесса: параллельные разбирательства» // Официальный сайт Московского государственного института международных отношений [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/aktualnye-problemy-mezhdunarodnogo-grazhdanskogo-processa-parallelnye-razbiratelstva/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (Дата обращения: 08.04.2025)
8. Современные проблемы и вызовы в международном правосудии обсудили на ПМЮФ // Официальный новостной портал «Адвокатская газета» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sovremennye-problemy-i-vyzovy-v-mezhdunarodnom-pravosudii-obsudili-na-pmyuf/> (Дата обращения: 08.04.2025)
9. Быстрикова, В. С. Мирные средства разрешения международных споров / В. С. Быстрикова, Т. К. Демидова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 1-1(76). – С. 6-8. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-1-1-6-8
10. Утяшев, М. М. Права человека и правозащитная деятельность / М. М. Утяшев, Е. О. Тулупова, Т. К. Демидова. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2019. – 269 с. – ISBN 978-5-7477-5034-0
11. Тулупова, Е. О. Международное право: сложности применения на современном этапе / Е. О. Тулупова, Т. К. Демидова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12(187). – С. 43-44. – DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-43-44
12. Тулупова, Е. О. Всеобщая декларация прав человека 1948 года как цивилизованный ответ на вызовы современности / Е. О. Тулупова, Т. К. Демидова // Вестник Института права Башкирского государственного

- университета. – 2020. – № 4(8). – С. 29-33. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.8.3
13. Права человека в Китае: международно-правовые и экономические аспекты / Т. К. Демидова, А. А. Никитина, Е. О. Тулупова, Е. С. Баранова // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 10-1. – С. 380-387
14. Демидова, Т. К. Закрепление права на уважение человеческого достоинства в Основном законе Германии / Т. К. Демидова, Е. О. Тулупова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2019. – № 2(4). – С. 15-19. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2019.4.2

Theoretical and Methodological Aspects of International Civil Procedure

Anzhelika A. Nikitina

PhD in Economics, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
450005, 131 Dostoevskogo St., Ufa, Russian Federation;
e-mail: aa_nikitina@mail.ru

Gulfiya I. Idelbaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
450005, 131 Dostoevskogo St., Ufa, Russian Federation;
e-mail: gylfiya_1310@mail.ru

Ekaterina M. Kochkina

Student,
Ufa University of Science and Technology,
450005, 131 Dostoevskogo St., Ufa, Russian Federation;
e-mail: Kate1259@yandex.ru

Abstract

The article examines the concept of international civil procedure and its distinctive features. The aim of the study is to analyze the essence of international civil procedure, its characteristics, sources of law, and existing problems in its implementation. The specificity of international civil procedure lies in its object, which is the regulation of civil relations involving a "foreign element." This feature may lead to a number of issues, such as conflicts of civil laws of different states in resolving judicial disputes. In today's context, international cooperation among states is of great importance. During such interactions, private law and cross-border disputes may arise, which are referred for resolution to courts in one of the states involved in the dispute. Additionally, judicial intervention is often required even in non-contentious matters, such as establishing legal facts, declaring a person missing, adoption, etc. The study involved an analysis of opinions from various scholars, positions of legal schools, and provisions discussed by speakers at conferences and roundtables. Based on the research, it is concluded that a detailed analysis of the existing problems in international civil procedure is necessary to address them, as this type of procedure is extremely important in the modern world.

For citation

Nikitina A.A., Idelbaeva G.I., Kochkina E.M. (2025) Teoretiko-metodologicheskiye aspekty mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsessa [Theoretical and Methodological Aspects of International Civil Procedure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 41-49.

Keywords

International civil procedure, problems, sources of law, international law, branches of law, protection of rights, guarantees, non-discrimination, legitimate interests.

References

1. Fedoseeva, G. Y. International private law : textbook. for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / G. Y. Fedoseeva; G. Y. Fedoseeva. – 4th ed., revised. and add.. Moscow : Eksmo, 2005. 427 p. (Russian Law education). – ISBN 5-699-12482-9
2. Nikolyukin, S. V. International civil procedure and international commercial arbitration / S. V. Nikolyukin. Moscow : Justitia, 2017. 256 p. ISBN 978-5-4365-1089-7
3. Zaitseva, L. I. The essence of the international judicial process / L. I. Zaitseva // Proceedings of the Baikal State University. – 2016. – Vol. 26, No. 6. – pp. 1011-1018. – DOI 10.17150/2500-2759.2016.26(6) .1011-1018
4. Lukashuk, I. I. International law. General part : textbook for students of law faculties and universities / I. I. Lukashuk ; I. I. Lukashuk ; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, Academy of Law. Legal University. – 3rd ed., revised and add.. Moscow : Volters Kluwer, 2005. (Student's Library). – ISBN 5-466-00103-1
5. International law / G. V. Ignatenko, O. I. Tiunov, V. Ya. Suvorova [and others]. – 6th edition, revised and supplemented. Moscow : Norma Law Publishing House, 2021. 752 p. ISBN 978-5-91768-368-3
6. The Supreme Court of the Russian Federation, using the example of the billion-dollar inheritance case, explained how to study a foreign element // Official website of the Russian Bar Association [Electronic resource]. URL: <https://alrf.ru/news/vs-na-primere-dela-o-milliardnom-nasledstve-razyasnil-kak-izuchat-inostrannyi-element/?ysclid=m9pnmpqs2k636884463> (Accessed: 04/19/2025)
7. Round table on the topic "Actual problems of international civil procedure: parallel proceedings" // Official website of the Moscow State Institute of International Relations [Electronic resource]. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/aktualnye-problemy-mezhdunarodnogo-grazhdanskogo-processa-parallelnye-razbiratelstva/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (Accessed 08.04.2025)
8. Modern problems and challenges in international justice discussed at the SPIEF // Official news portal "Advocate Newspaper" [Electronic resource]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sovremennye-problemy-i-vyzovy-v-mezhdunarodnom-pravosudii-obsudili-na-pmyuf/> (Date of request: 04/08/2025)
9. Bystrikova, V. S. Peaceful means of resolving international disputes / V. S. Bystrikova, T. K. Demidova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 1-1(76). – Pp. 6-8. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-1-1-6-8
10. Utyashev, M. M. Human rights and human rights activities / M. M. Utyashev, E. O. Tulupova, T. K. Demidova. Ufa : Bashkir State University, 2019. 269 p. ISBN 978-5-7477-5034-0
11. Tulupova, E. O. International law: difficulties of application at the present stage / E. O. Tulupova, T. K. Demidova // Eurasian Law Journal. – 2023. – № 12(187). – Pp. 43-44. – DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-43-44
12. Tulupova, E. O. The Universal Declaration of Human Rights of 1948 as a civilized response to the challenges of our time / E. O. Tulupova, T. K. Demidova // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. – 2020. – № 4(8). – Pp. 29-33. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.8.3
13. Human rights in China: International legal and economic aspects / T. K. Demidova, A. A. Nikitina, E. O. Tulupova, E. S. Baranova // Issues of Russian and international law. - 2024. – Vol. 14, No. 10-1. – pp. 380-387
14. Demidova, T. K. The consolidation of the right to respect for human dignity in the Basic Law of Germany / T. K. Demidova, E. O. Tulupova // Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law. – 2019. – № 2(4). – Pp. 15-19. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2019.4.2

УДК 34**Делегирование государством властных полномочий
коммерческим и некоммерческим организациям: систематизация
зарубежного опыта****Царапкина Дарья Романовна**

Аспирант,
кафедры административного права и процесса,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: dary.tsarapkina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена зарубежному опыту делегирования государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям в связке с административно-правовыми режимами подотчётности и ответственности. Актуальность обусловлена расширением практик квази-публичного исполнения функций государства, цифровизацией торговли и ростом роли саморегулирования. Новизна состоит в выделении трёх устойчивых моделей делегирования (публичные корпорации; НКО/СРО; бюджетно-административное посредничество третьего сектора) и в формулировании шести административно-правовых условий их правомерности. В рамках работы описаны институциональные механизмы (статуты, аудит, раскрытие), изучены компаративные кейсы США, ЕС, Великобритании, Австралии, Индии, Казахстана и Беларуси, а также трансграничная e-commerce Китая. Особое внимание уделено антикоррупционным гарантиям и со-регуливанию в цифровых цепочках поставок. Работа ставит цель определить применимые для российской доктрины публично-правовые решения. Для её достижения используются сравнительно-правовой, формально-юридический, институциональный и кейс-подходы, контент-анализ источников. В заключении формулируются критерии законности делегирования и рекомендации для правоприменения. Статья будет полезна законодателям и практикам публичного администрирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Царапкина Д.Р. Делегирование государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям: систематизация зарубежного опыта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 50-59.

Ключевые слова

Делегирование полномочий, публично-правовые науки, государственные корпорации, саморегулируемые организации, некоммерческие организации, группы компаний, социальные облигации, трансграничная электронная коммерция, административно-правовой контроль, подотчётность.

Введение

Современные государства всё чаще распределяют исполнение публичных функций между негосударственными субъектами — от государственных корпораций и корпоративных групп до НКО/СРО и отраслевых ассоциаций. Параллельно растут цифровые рынки и трансграничная e-commerce, где необходимы совместные механизмы надзора и стандартизации. Это обостряет вопросы законности делегирования, пределов усмотрения делегата, подотчётности, ответственности и антикоррупционных гарантий в публично-правовой плоскости.

Цель — на основе компаративного анализа зарубежной практики выявить модели делегирования и выработать административно-правовые условия их правомерного применения.

Задачи исследования:

- описать институциональные модели делегирования (публичные корпорации; НКО/СРО; посредничество третьего сектора и инструментов impact-финансирования) и сопутствующие механизмы контроля;
- сопоставить режимы ответственности (уголовной, административной, корпоративной) и раскрытия информации, включая антикоррупционные и AML-компоненты;
- определить условия эффективности и трансплантации элементов зарубежного опыта в российскую доктрину и практику.

Новизна — систематизированы три модели делегирования с привязкой к инструментам публичного контроля; предложен набор из шести административно-правовых условий законности делегирования; показана роль со-регулирования и трассируемости цепочек поставок в цифровой торговле как современной формы «встроенного» контроля.

Материалы и методы

В качестве теоретической базы исследования были отобраны следующие материалы: Ю.Н. Румянцева анализирует должностные злоупотребления и корпоративную ответственность в странах БРИКС, фиксируя реформу 2018 г. в Индии и усиление директориальной ответственности в ОАЭ. С.К. Идрышева, Т.В. Климова раскрывают корпоративную природу НКО и архитектуру СРО Казахстана (членство, стандарты, дисциплина, публичность), а также публичные функции адвокатских коллегий, нотариальных палат и палат частных судебных исполнителей. Ч. Ву описывает рост трансграничной e-commerce Китая, развитие зарубежных складов, «зелёную» повестку, стандарты и совместный надзор по цепочкам поставок. Д.В. Долгов, К.Е. Курдявка рассматривают Konzernrecht Германии и директивы ЕС как основу прозрачности групп компаний (раскрытие, консолидация, аудит). Ю.А. Попов обобщает поддержку НКО: Office for Civil Society, механизмы Venturesome и social impact bonds, лотерейные фонды, участие Еврокомиссии и американский Social Innovation Fund. Т.Н. Байбардина, С.С. Головкин, А.А. Гусакова систематизируют формы НКО в Беларуси по ГК и специальным законам. Н.Н. Ворошилина даёт эмпирический срез проектной деятельности НКО в регионах Беларуси (SWOT, опрос), выявляя «событийность» и дефицит инфраструктуры. М.Ш. Мазанов, Н.А. Бекишев сопоставляют государственные корпорации (США — FGC, Великобритания — PC, Австралия — GBE, Индия — public enterprises) и предлагают усиление прозрачности через корпоративные формы. С.Н. Тюкавин анализирует взаимодействие местной власти и НКО/бизнес-ассоциаций в США и ЕС (SBA, NFIB; консультации, участие в бюджете, снятие барьеров).

При написании статьи применялись методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, институциональный анализ; кейс-подход; контент-анализ нормативных и научных источников; синтез и обобщение.

Результаты

Проведённый сравнительно-правовой анализ показал, что делегирование государством властных (публично-властных и квазипубличных) полномочий коммерческим и некоммерческим организациям в зарубежных юрисдикциях реализуется через три устойчивые модели, каждая из которых опирается на различные административно-правовые инструменты и режимы подотчётности.

Во-первых, это модель публичных (государственных) корпораций и государственных предприятий, где специальные юридические лица выполняют задачи публичного характера на рыночных началах, но под усиленным административным контролем. В США соответствующие структуры квалифицируются как *Federal Government Corporations* с установленными Конгрессом рамками бюджетирования и аудита; в Великобритании — как *public corporations* с нормативной зависимостью от правительства при операционной автономии; в Австралии — *Government Business Enterprises*, сочетающие коммерческую мотивацию с задачами государственной политики; в Индии — *public enterprises* в форме *statutory corporations* и *government companies*. Выявлено, что в этих системах государство обеспечивает управленческое влияние через учредительный акт (статут) и/или владение контрольными долями, а административно-правовые механизмы подотчётности строятся вокруг обязательного внешнего аудита, специального бюджетного режима и публичной отчётности руководящих органов. Одновременно зарубежный опыт подчеркивает риски бюрократизации и дефицита прозрачности, требующие «выравнивания» корпоративного правового режима с публичным контролем (позиция о целесообразности преобразования госкорпораций в акционерные общества со 100% участием государства как инструмент повышения подотчётности прямо артикулируется применительно к России) [Мазанаев, Бекишиев, 2022].

Во-вторых, модель делегирования полномочий некоммерческим корпоративным организациям и саморегулируемым организациям (СРО). В правовых порядках стран СНГ (Казахстан, Беларусь) некоммерческие организации имеют отчётливо корпоративную природу, что позволяет им быть носителями делегируемых публичных функций — от обеспечения доступа к правосудию (адвокатские коллегии, нотариальные палаты), до исполнения судебных актов (палаты частных судебных исполнителей) и профессионального контроля (стандарты, аттестация, дисциплинарная ответственность). Показательно, что казахстанское законодательство о саморегулировании прямо связывает обязательное членство в СРО с «необходимостью делегирования определённых функций, выполняемых государственными органами», выводя на первый план административно-правовые принципы публичности, прозрачности, предупреждения конфликта интересов и обязательного раскрытия информации на официальных ресурсах (включая состав членов, стандарты, решения органов, годовую отчётность и результаты аудита) [Идрышева, Климова, 2023]. Тем самым зарубежная практика подтверждает: именно через корпоративные механизмы (общее собрание, коллегиальные органы, ревизионные комиссии) государство формирует «встроенный» режим подотчётности частных носителей публичных функций.

Во-третьих, модель бюджетно-административного посредничества третьего сектора, когда

государство передаёт отдельные управленческие и распределительные полномочия «зонтичным» некоммерческим объединениям и специализированным финансовым инструментам с последующим административным контролем по результатам. Для Великобритании характерен «смешанный формат финансирования НКО государством через другие, более крупные организации третьего сектора», которым делегируются полномочия распределять средства и сопровождать проекты; институциональным центром координации выступает Office for Civil Society. Наряду с этим развёрнуты инновационные механизмы — высокорисковые займы для НКО (Venturesome) и social impact bonds как контракт публичного управления «по результату» с участием государства, инвестора и исполнителя-НКО. На уровне ЕС государственная поддержка НКО масштабируется через инструменты Еврокомиссии, что по сути формирует наднациональный режим администрирования грантов и услуг [Попов, 2020]. В США, по данным компаративного обзора, устойчивое взаимодействие местных властей и НКО-бизнес-ассоциаций (включая сетевые структуры вокруг SBA и NFIB) обеспечивает канализацию локальных интересов малого бизнеса в процессы муниципального нормотворчества и программирования поддержки. Европейская практика, напротив, институционально подчёркивает партнёрское нормотворчество на местном уровне (консультации, согласительные процедуры, участие в бюджетном процессе), связывая финансовые инструменты с устранением административных барьеров и отраслевой координацией [Тюкавин, 2020].

В публично-правовых науках принципиально важно, что во всех трёх моделях режим делегирования строится не на «передаче власти» в частноправовом смысле, а на административно-правовом распределении компетенций с сохранением публичного контроля. Это подтверждают и нормы о правовом статусе некоммерческих организаций в Беларуси, где Гражданский кодекс закрепляет многообразие организационно-правовых форм (общественные объединения, фонды, учреждения, потребительские кооперативы и др.) и тем самым задаёт рамки для наделения их публичными задачами специальным законодательством [Байбардина, Головки, Гусакова, 2024]. Одновременно эмпирические данные из Беларуси показывают, что проектная активность НКО в регионах часто «событийна» и не формирует устойчивую инфраструктуру, что ограничивает их реальную правоспособность к исполнению делегируемых функций без целенаправленного развития административной и организационной ёмкости. При этом значимость гражданского сектора как субъекта регионального развития подтверждается и объёмом привлекаемых ресурсов (средняя оценка — 85 тыс. долл. в год на одну НКО) и устойчивым запросом на институциональные формы участия в формировании региональной политики [Ворошилина, 2020].

Отдельного внимания заслуживает делегирование в условиях цифровой трансграничной торговли, где государство кооперирует с частными платформами, логистическими операторами и ассоциациями, создавая совместные («скоординированные») регуляторные механизмы. В Китае «в последние годы масштаб трансграничных операций электронной торговли... продолжал увеличиваться», а государственная политика целится в выстраивание систем «зелёной» торговли, отслеживания углеродного следа и взаимного признания результатов выборочных проверок, что предполагает институционализацию совместного надзора и распределение контрольных функций между публичными и частными субъектами [Бу, 2023]. Этот сегмент демонстрирует современную форму административного делегирования: от лицензирования и аккредитации — к совместному регулированию (co-regulation) на основе стандартов, данных и трассируемости цепочек поставок.

Ключевой вектор обеспечения законности делегирования — режим юридической ответственности и превенции злоупотреблений. Материалы по странам БРИКС показывают, что уголовно-правовой и административно-правовой инструментарий прямо увязан с поведением коммерческих организаций и их должностных лиц при выполнении публично значимых функций. Так, в индийском антикоррупционном законодательстве реформа 2018 г. «позволила включить конкретные положения, касающиеся ответственности коммерческих организаций... и их должностных лиц» (с конфискацией доходов и включением составов в сферу противодействия отмыванию доходов) [Румянцева, 2024]. В ОАЭ комплексная правовая реформа усилила персональную ответственность корпоративных директоров за действия вне пределов полномочий. Для России (в контексте сравнительного анализа) выявлен разрыв между уголовно-правовым режимом (субъект преступления — физическое лицо) и административной ответственностью юридических лиц по антикоррупционным составам, что затрудняет единообразное применение к делегированным функциям и указывает на потенциал имплементации международных конвенционных стандартов.

В отношении крупных корпоративных групп как потенциальных исполнителей публичных контрактов и операторов делегированных функций важен европейский опыт «публичности через корпоративное право». Немецкое право групп (*Konzernrecht*) квалифицирует группу как систему аффилированных компаний с установленными типологиями (контрольные группы, договорные группы, долевое участие), а административно значимая прозрачность достигается через обязанности по раскрытию, консолидации отчётности и предоставлению информации государственным органам. На уровне ЕС директивный массив (сводно — Директива (ЕС) 2017/1132 и бухгалтерские директивы) унифицирует правила отчётности, аудита и корпоративных преобразований (слияния, присоединения), тем самым предлагая надёжную инфраструктуру юридической подотчётности для тех случаев, когда государство взаимодействует с многоуровневыми группами в целях делегирования [Долгов, Курдюк, 2020]. Вывод: чем сложнее и транснациональнее корпоративный исполнитель, тем важнее опора на стандартизированные механизмы публичного раскрытия и контроля качества аудита как условие правомерного делегирования.

Синтезируя эмпирические и нормативные наблюдения, можно обозначить шесть административно-правовых условий правомерного и эффективного делегирования, подтверждённых зарубежной практикой:

- Статутная определённость делегируемой компетенции, включая границы усмотрения, перечень публичных задач, источники финансирования и виды ответственности (статуты государственных корпораций; специальные законы о СРО) [Идрышева, Климова, 2023; Мазанов, Бекишиев, 2022].
- Многоуровневая подотчётность — внешний государственный аудит/надзор + внутрикорпоративный контроль (ревизионные комиссии, дисциплинарные органы) + обязательное раскрытие информации и публичная отчётность [Долгов, Курдюк, 2020; Идрышева, Климова, 2023].
- Антикоррупционные гарантии и режим ответственности юридических лиц/должностных лиц, включая конфискацию незаконных доходов и координацию с AML-режимом (индийская модель) [Румянцева, 2024].
- Процедуры участия (*participatory governance*) при местном делегировании — консультации, согласительные комиссии, включение НКО-ассоциаций в бюджетные и регуляторные циклы [Попов, 2020; Тюкавин, 2020].

- Стандартизация и цифровая трассируемость при делегировании в сетевых отраслях (логистика, e-commerce), включая совместные механизмы контроля качества и соблюдения стандартов [Бу, 2023].
- Институциональная ёмкость исполнителя — наличие устойчивой инфраструктуры, кадровых и финансовых ресурсов; в противном случае делегирование сводится к «событийной» активности и не обеспечивает достижение публичных целей [Ворошилина, 2020].

Наконец, сопоставление показало, что делегирование публичных полномочий коммерческим организациям целесообразно там, где требуется промышленная и финансовая ёмкость (инфраструктура, естественные монополии, высокорисковые инновации) при условии «жёсткой» публичной подотчётности (статут, аудит, раскрытие, ответственность) [Долгов, Курдявка, 2020; Мазанаев, Бекишиев, 2022]. Делегирование НКО/СРО эффективнее в сферах профессиональной саморегуляции, социальной поддержки, правовой помощи и локального развития, где корпоративные процедуры обеспечивают дисциплину и этику, а участие сообщества — легитимность решений [Байбардина, Головкин, Гусакова, 2024; Идрышева, Климова, 2023; Попов, 2020; Тюкавин, 2020]. В цифровых трансграничных сегментах предпочтительна совместная регуляция на стыке публичных и частных стандартов [Бу, 2023]. Все три модели не исключают, а взаимно дополняют друг друга, задавая контуры «умного» публично-правового делегирования, совместимого с принципами законности, открытости и ответственности,

Обсуждение

Компаративная картина убедительно демонстрирует: делегирование публичных полномочий — не «передача власти» в частноправовом смысле, а архитектура распределённых компетенций при сохраняющемся публичном контроле. Отсюда — два узловых требования к любой модели: юридическая определённость делегата и измеримая подотчётность.

Первая группа решений опирается на статутные публичные корпорации. Их сильная сторона — масштаб и способность работать в капиталоемких секторах, где обычным НКО просто недоступны инфраструктурные риски. Слабая — «упругость» бюрократии и риск регуляторного захвата: чем ближе корпорация к правительству, тем выше вероятность смещения целей политики и корпоративного управления. Лекарство, предложенное рядом юрисдикций, — перевод в прозрачные корпоративные формы с жёсткими аудиторско-раскрывающими обязанностями и независимыми советами. Это не отменяет публичной миссии, но заставляет её «проживать» в процедурной логике рынка.

Вторая линия — корпоративные НКО и СРО. Их преимущество — дисциплина профессионального сообщества и встроенные механизмы этики, аттестации, дисциплинарной ответственности. На уровне правопорядков СНГ эта архитектура уже используется: обязательное членство, стандарты, прозрачность решений, ежегодная отчётность, публичные реестры. Но эффективность такой модели не автоматична. Без устойчивой организационной ёмкости (штаты, финансы, процессы) делегирование вырождается в «событийность»: проекты проводятся, а институтов и сервисов, переживающих команду проекта, не возникает. Значит, при выборе делегата важны не только правовой статус и цели, но и способность института обеспечивать непрерывность, мониторинг и корректировку практик.

Третья модель — посредничество третьего сектора через «зонтичные» организации и

контракты, ориентированные на результат (от венчурных займов до social impact bonds). Она принесла в публичное управление язык измеримых эффектов и платёж «за результат», а также связала в один узел три сектора: государство (заказчик), инвестор (носитель риска) и НКО (исполнитель). Сильная сторона — фокус на социальных outcome и дисциплина данных; слабая — высокие транзакционные издержки и опасность «селекции проектов под метрику». Чтобы избежать подмены цели индикатором, нужны независимая верификация, эталонные методики расчётов и обязательная огласка методологических ограничений.

Особое поле — цифровые рынки и трансграничная торговля. Здесь государство объективно не справится без со-регулирования: стандарты данных, маркировка, трассируемость и совместные проверки требуют участия платформ, логистов, платёжных и сертификационных провайдеров. Успех зависит от трёх элементов:

- договорной «прошивки» стандартов в ИТ-процессы участников,
- совместимых систем комплаенса
- гарантированного доступа регулятора к агрегированным данным при защите персональной информации и коммерческой тайны.

Иначе делегирование сведётся к декларации, а контроль — к эпизодическим кампаниям.

Значим и корпоративный аспект: государства неизбежно взаимодействуют с многоуровневыми группами. Европейская комбинация Konzernrecht и бухгалтерских директив создаёт «инфраструктуру публичности» — консолидированная отчётность, аудит, раскрытие внутригрупповых связей. Это позволяет администратору видеть фактического бенефициара и управленческий центр, а значит, накладывать обязательства по качеству услуги и ответственности не только на «тонкую» проектную «дочку», но и на контролируемую компанию. Отсутствие такой инфраструктуры влечёт распыление ответственности и юридические тупики при взыскании.

Наконец, ключевой контур — антикоррупционные и деликтные гарантии. Там, где правопорядок прямо признаёт ответственность юридического лица за коррупционные деликты и связывает её с режимами конфискации и AML, делегирование становится не только быстрее, но и безопаснее: у администратора появляется понятный рычаг воздействия на организацию и её должностных лиц. Там, где на уровне уголовного права ответственность персонифицирована, а на уровне административного — фрагментарна, разрывается цепочка стимулов к добросовестности.

Из обсуждения вытекают практические требования к «правильному» делегированию. Во-первых, нужен единый словарь и «карта компетенций» — что именно делегируется (услуга, контроль, распределение средств, валидация данных), где предел усмотрения и какие правовые последствия для граждан и бизнеса порождает акт делегата. Во-вторых, каждому виду делегирования должна соответствовать матрица подотчётности: кто проверяет, что раскрывается, как обеспечивается участие заинтересованных сторон (консультации, слушания, участие в бюджете), какие санкции и механизмы восстановления нарушенных прав доступны. В-третьих, необходим «реестр делегирования» с публичным доступом к статутам, стандартам, протоколам решений и консолидированной отчётности делегатов — это резко снижает издержки мониторинга. В-четвёртых, договоры «за результат» целесообразно сопровождать независимым аудитором метрик и обязательной публикацией методологии расчётов. В-пятых, для цифровых цепочек поставок — правовая «прошивка» стандартизованных API и трассируемости, совмещённая с надлежащими режимами защиты данных. И, в-шестых, институциональная ёмкость — формальный критерий допуска к делегированию (штат, ИС-

контуры, система внутреннего контроля, страхование ответственности).

Эти требования уточняют пределы публичной власти, описывают инструменты её распределения и предлагают процессуальные гарантии прав граждан и бизнеса при квази-публичном исполнении.

Заключение

Выделены три модели делегирования (публичные корпорации; НКО/СРО; посредничество третьего сектора с инструментами impact-финансирования) и показаны их сильные/слабые стороны и области уместности (инфраструктура; профессиональная саморегуляция; социальные проекты и цифровые рынки).

Сформулированы шесть административно-правовых условий законности и эффективности делегирования: статутная определённости; многоуровневая подотчётность и раскрытие; антикоррупционные и AML-гарантии; процедурное участие; стандартизация и цифровая трассируемость; институциональная ёмкость делегата.

Для правоприменения предложены:

- реестр делегирования и единые стандарты отчётности и аудита;
- включение договоров «за результат» с независимой верификацией метрик;
- внедрение со-регулирования в цифровых цепочках (стандартизованные интерфейсы обмена данными, доступ регулятора к агрегированным данным);
- увязка ответственности делегата с эффективными санкциями, включая конфискацию незаконного дохода.

Библиография

1. Байбардина Т. Н. Организационно-правовые формы некоммерческих организаций в Республике Беларусь / Т. Н. Байбардина, С. С. Головкин, А. А. Гусакова // Потребительская кооперация стран постсоветского пространства: состояние, проблемы, перспективы развития : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 31 октября – 01 ноября 2024 года. – Гомель : Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. – С. 233–236. – EDN TATPCN.
2. Ворошилина Н. Н. Анализ социально-экономического контекста управления инновационными региональными проектами некоммерческих организаций в Республике Беларусь / Н. Н. Ворошилина // Инновационная деятельность. – 2020. – № 3(54). – С. 5–12. – EDN MFLACX.
3. Ву Ч. Новые тенденции развития трансграничной электронной коммерции в Китае / Ч. Ву // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XIII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 02 февраля 2023 года. – Минск : Белорусский государственный университет, 2023. – С. 470–474. – EDN PKBAKK.
4. Долгов Д. В. Правовое регулирование деятельности групп коммерческих организаций в Германии / Д. В. Долгов, К. Е. Курдявко // Теория и практика германистов: состояние и перспективы : сборник статей VIII Межвузовская междисциплинарная конференция преподавателей и студентов, Москва, 01 марта 2020 года. Т. Вып. 74. – Москва : Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2020. – С. 95–102. – EDN VZMVHN.
5. Идрышева С. К. Некоммерческие организации как субъекты корпоративных отношений / С. К. Идрышева, Т. В. Климова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 1(72). – С. 60–71. – DOI 10.52026/2788-5291_2023_72_1_60. – EDN FYGPJO.
6. Мазанов М. Ш. Правовой статус и особенности государственных корпораций в зарубежных странах / М. Ш. Мазанов, Н. А. Бекишев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2022. – Т. 37, № 3. – С. 61–66. – DOI 10.21779/2500-1930-2022-37-3-61-66. – EDN AINGFP.
7. Попов Ю. А. Зарубежный опыт поддержки некоммерческих организаций на различных уровнях / Ю. А. Попов // Дневник науки. – 2020. – № 10(46). – С. 10. – EDN DUKMHN.
8. Румянцев Ю. Н. К вопросу о злоупотреблении полномочиями в коммерческих организациях (на примере

- некоторых стран БРИКС) / Ю. Н. Румянцева // Защита прав предпринимателей: действующее законодательство и реалии его применения : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 28 марта 2024 года. – Иркутск : Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 51–56. – EDN HTZUVJ.
9. Тюкавин С. Н. Зарубежный опыт взаимодействия органов местного самоуправления с некоммерческими организациями при поддержке малого бизнеса / С. Н. Тюкавин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-2(44). – С. 107–112. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-10511. – EDN ETLHFO.

Delegation of State Authority to Commercial and Non-Commercial Organizations: Systematization of Foreign Experience

Daria R. Tsarapkina

Graduate Student,
Department of Administrative Law and Procedure,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dary.tsarapkina@yandex.ru

Abstract

The article examines foreign experience in the delegation of state authority to commercial and non-commercial organizations in conjunction with administrative-legal regimes of accountability and responsibility. The relevance of the topic is driven by the expansion of quasi-public execution of state functions, digitalization of trade, and the growing role of self-regulation. The novelty lies in identifying three stable delegation models (public corporations; non-profit organizations/self-regulatory organizations; budget-administrative mediation of the third sector) and formulating six administrative-legal conditions for their legitimacy. The study describes institutional mechanisms (statutes, audit, disclosure), examines comparative cases from the US, EU, UK, Australia, India, Kazakhstan, and Belarus, as well as China's cross-border e-commerce. Special attention is paid to anti-corruption guarantees and co-regulation in digital supply chains. The aim of the work is to identify public-law solutions applicable to Russian doctrine. To achieve this goal, comparative legal, formal legal, institutional, and case-study approaches are used, along with content analysis of sources. The conclusion outlines criteria for the legality of delegation and provides recommendations for law enforcement. The article will be useful for legislators and public administration practitioners.

For citation

Tsarapkina D.R. (2025) Delegirovaniye gosudarstvom vlastnykh polnomochiy kommercheskim i nekommercheskim organizatsiyam: sistematzatsiya zarubezhnogo opyta [Delegation of State Authority to Commercial and Non-Commercial Organizations: Systematization of Foreign Experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 50-59.

Keywords

Delegation of authority, public law sciences, state corporations, self-regulatory organizations, non-profit organizations, corporate groups, social bonds, cross-border e-commerce, administrative-legal control, accountability.

References

1. Baibardina T. N. Organizational and legal forms of non-profit organizations in the Republic of Belarus / T. N. Baibardina, S. S. Golovko, A. A. Gusakova // Consumer cooperation of the post-Soviet countries: state, problems, development prospects: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the foundation of the university, Gomel, October 31 - 01 2024. - Gomel: Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, 2024. - P. 233-236. - EDN TATPCN.
2. Voroshilina N. N. Analysis of the socio-economic context of managing innovative regional projects of non-profit organizations in the Republic of Belarus / N. N. Voroshilina // Innovative activity. - 2020. - No. 3 (54). - P. 5-12. - EDN MFLACX.
3. Wu C. New Trends in the Development of Cross-Border E-Commerce in China / Wu C. // International Relations: History, Theory, Practice : Proceedings of the XIII Scientific and Practical Conference of Young Scientists of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, February 02, 2023. - Minsk : Belarusian State University, 2023. - Pp. 470-474. - EDN PKBAKK.
4. Dolgov D. V. Legal Regulation of the Activities of Groups of Commercial Organizations in Germany / Dolgov D. V., Kurdyavka K. E. // Theory and Practice of Germanists: Status and Prospects : Collection of Articles of the VIII Interuniversity Interdisciplinary Conference of Teachers and Students, Moscow, March 01, 2020. Vol. Issue 74. - Moscow : All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2020. - Pp. 95-102. - EDN VZMVHN.
5. Idrysheva S. K. Non-profit organizations as subjects of corporate relations / S. K. Idrysheva, T. V. Klimova // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. - 2023. - No. 1 (72). - P. 60-71. - DOI 10.52026/2788-5291_2023_72_1_60. - EDN FYGPJO.
6. Mazanaev M. Sh. Legal status and features of state corporations in foreign countries / M. Sh. Mazanaev, N. A. Bekishiev // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. - 2022. - Vol. 37, No. 3. - P. 61-66. - DOI 10.21779/2500-1930-2022-37-3-61-66. - EDN AIHGFP.
7. Popov Yu. A. Foreign experience of supporting non-profit organizations at various levels / Yu. A. Popov // Science Diary. - 2020. - No. 10(46). - P. 10. - EDN DUIKMH.
8. Rummyantseva Yu. N. On the issue of abuse of power in commercial organizations (on the example of some BRICS countries) / Yu. N. Rummyantseva // Protection of the rights of entrepreneurs: current legislation and the realities of its application: materials of the VII All-Russian scientific and practical conference, Irkutsk, March 28, 2024. - Irkutsk: All-Russian State University of Justice, 2024. - P. 51-56. - EDN HTZUVJ.
9. Tyukavin S. N. Foreign experience of interaction between local governments and non-profit organizations in supporting small businesses / S. N. Tyukavin // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - No. 5-2 (44). - P. 107-112. - DOI 10.24411/2500-1000-2020-10511. - EDN ETLHFO.

УДК 347.9**Правовая помощь как фундамент реализации частноправовых отношений с иностранным элементом****Квач Сергей Сергеевич**

Кандидат юридических наук, доцент,
Технологический университет им. А.А.Леонова,
141074, Российская Федерация, Королев, ул. Гагарина, д. 42
e-mail: kvachss@ya.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию фундаментальной роли института правовой помощи в обеспечении реального действия норм международного частного права (МЧП). Автор обосновывает тезис о том, что правовая помощь выступает необходимым условием и основополагающим механизмом реализации частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Раскрывается сущность правовой помощи как формы международного сотрудничества, направленной на преодоление территориальных ограничений юрисдикции государств. Анализируются ключевые функции института: обеспечение доступа к правосудию (вручение документов), формирование доказательственной базы (получение доказательств), принудительная реализация судебных решений (признание и исполнение), обеспечение юридической определенности. Рассматриваются источники правового регулирования (международные конвенции, двусторонние договоры, национальное законодательство) и актуальные вызовы, стоящие перед системой правовой помощи (различия правовых систем, политизация, длительность процедур). Делается вывод о жизненной необходимости данного института для эффективного функционирования МЧП и стабильности трансграничных частноправовых отношений в условиях глобализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Квач С.С. Правовая помощь как фундамент реализации частноправовых отношений с иностранным элементом // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 60-65.

Ключевые слова

Правовая помощь, Международное частное право, Частноправовые отношения, Иностранный элемент.

Введение

Международное частное право (МЧП) существует в пространстве, разделенном государственными границами и национальными юрисдикциями. Его ключевая задача – регулировать частноправовые отношения (гражданские, семейные, трудовые, коммерческие), осложненные иностранным элементом. Однако само по себе наличие коллизионной нормы, указывающей на применимое право, или признание иностранного судебного решения еще не гарантирует эффективной реализации прав и обязанностей сторон. Именно правовая помощь выступает тем незаменимым фундаментом, без которого здание международного частноправового сотрудничества просто не может быть возведено и функционировать. Она обеспечивает практическую возможность осуществления прав, закрепленных нормами МЧП, преодолевая барьеры, создаваемые государственным суверенитетом.

Основное содержание

Правовая помощь в международном частном праве представляет собой не просто институт, а фундаментальный механизм, сама сущность которого заключается в преодолении барьеров государственного суверенитета и территориальной ограниченности юрисдикций ради обеспечения реальной силы права в трансграничных частноправовых отношениях.

В классическом подходе «международная правовая помощь по гражданским делам представляет собой основанный на нормах международного и национального права правовой институт, регулирующий взаимодействие компетентных органов юстиции разных стран по осуществлению процессуальных и иных юридически значимых действий, направленных на правильное, своевременное разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных прав и интересов и повышение эффективности правосудия в целом» [Щукин, 2017, с.68].

Ее ключевая сущность заключается в преодолении территориальных ограничений юрисдикции:

- Органы одного государства по своей воле не могут действовать на территории другого.
- Участники частноправовых отношений (физические и юридические лица) сталкиваются с невозможностью самостоятельно совершить необходимые юридически значимые действия за рубежом (получить доказательства, вручить документы, исполнить решение).

Правовая помощь ликвидирует этот разрыв, создавая правовые мосты между юрисдикциями. Она трансформирует формальное право, вытекающее из коллизионной нормы или признанного иностранного решения, в реально осуществимую возможность.

Ее сущность можно определить, как систему процессуальных действий, осуществляемых компетентными органами одного государства (государства-исполнителя) по поручению компетентных органов другого государства (государства-поручителя), направленных на содействие реализации прав и законных интересов участников частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, на территории государства-исполнителя. Ключевая проблема, которую призвана решить правовая помощь, проистекает из базового принципа международного права: органы публичной власти (суды, органы юстиции, нотариусы, судебные приставы) одного государства не могут осуществлять свои властные полномочия на территории другого государства без его согласия. Это делает невозможным для суда страны А непосредственно вручить судебную повестку ответчику в стране Б, собрать доказательства на

ее территории или принудительно исполнить свое решение против активов, находящихся там. Аналогично, частные лица (граждане и компании) сталкиваются с непреодолимыми препятствиями при самостоятельном совершении юридически значимых действий за рубежом, необходимых для защиты их прав – будь то получение документов, установление фактов или обеспечение доказательств. Именно здесь проявляется сущностная роль правовой помощи: она выступает тем правовым мостом, который позволяет преодолеть разрыв между абстрактным признанием прав, вытекающих из коллизионной нормы МЧП или иностранного судебного решения, и их конкретной, практической реализацией на территории иного государства. Она трансформирует теоретическую возможность в практическую действительность, обеспечивая экстерриториальное действие права в строго определенных законом или международным договором рамках. Таким образом, сущность правовой помощи в МЧП – это организованное международное сотрудничество в процессуальной сфере, опосредованное взаимодействием компетентных органов разных государств на основе норм международных договоров (многосторонних, таких как Гаагские конвенции, или двусторонних договоров о правовой помощи) и национального законодательства (процессуальных кодексов).

Это сотрудничество направлено на устранение территориальных препятствий для осуществления правосудия и защиты частных прав в ситуациях, когда элементы правоотношения или необходимые для его реализации действия распределены между разными юрисдикциями. Правовая помощь обеспечивает не материальное содержание прав сторон (это задача материальных норм МЧП и национального права), а процессуальные условия и механизмы для их эффективной защиты и принудительного осуществления вопреки разделяющим государства границам, утверждая тем самым верховенство права в международном частноправовом обороте.

Почему правовая помощь – это основа?

Можно выделить несколько ключевых функций, подтверждающих фундаментальную роль правовой помощи:

- Обеспечение доступа к правосудию: Без возможности надлежащего вручения судебных документов (вызовов, исковых заявлений) за границей ответчик может быть лишен права на защиту, а судопроизводство – легитимности. Правовая помощь гарантирует, что процессуальные права сторон соблюдены даже при трансграничном характере спора.
- Формирование доказательственной базы: Сбор доказательств (показаний свидетелей, документов, осмотр объектов) за рубежом критически важен для установления истины по делу. Правовая помощь (получение доказательств) позволяет суду государства-поручителя получить необходимую информацию с территории другого государства в установленной законом форме, обеспечивая полноту и объективность судебного разбирательства.
- Реализация судебных решений: Признание иностранного судебного решения – лишь первый шаг. Его реальное исполнение (взыскание долга, передача имущества, исполнение обязательства) требует действий на территории другого государства. Правовая помощь (в форме процедур признания и приведения в исполнение) обеспечивает трансформацию судебного акта в конкретные действия принудительного характера, придавая решению окончательную силу и практический эффект.
- Обеспечение юридической определенности: Правовая помощь в вопросах установления фактов (розыск лиц, установление места нахождения имущества) и легализации документов (проставление апостиля, консульская легализация) создает необходимую

правовую ясность для возникновения, изменения или прекращения частноправовых отношений с иностранным элементом. Без нее сделки, браки, наследование были бы сопряжены с непреодолимыми рисками.

Правовые основы оказания помощи: Международное и национальное регулирование.

Прочность "фундамента" правовой помощи обеспечивается развитой системой источников:

- Многосторонние конвенции: Гаагские конвенции (о вручении за границей судебных и внесудебных документов [Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам, [www...](#)], о получении за границей доказательств, о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений [Информация Минюста России "О порядке составления и исполнения запросов о вручении документов и получении доказательств по гражданским или торговым делам в рамках Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года, Конвенции о получении доказательств по гражданским или торговым делам 1970 года и Конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 года", [www...](#)] и др.), Конвенции СНГ о правовой помощи [Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, [www...](#)].
- Двусторонние договоры о правовой помощи: Заключаются между отдельными государствами и детально регулируют порядок взаимодействия по широкому кругу вопросов (от вручения документов до экстрадиции, хотя последнее относится к публичному праву).
- Национальное законодательство: Гражданские процессуальные кодексы (ГПК РФ, раздел V), Арбитражные процессуальные кодексы (АПК РФ, глава 31), законы о международных договорах, законы об исполнительном производстве. Эти акты определяют компетенцию национальных органов, процедуры исполнения иностранных поручений и признания решений.

Несмотря на свою фундаментальность, система правовой помощи сталкивается с многими вызовами:

- Различия в правовых системах: Процедурные нормы государств могут сильно отличаться, что вызывает сложности при исполнении поручений.
- Политизация: Иногда предоставление правовой помощи блокируется по политическим мотивам.
- Длительность процедур: Бюрократические проволочки могут затягивать оказание помощи, нивелируя ее эффективность.
- Развитие технологий: Электронное вручение документов, видеоконференцсвязь для допросов требуют адаптации традиционных норм.

Укрепление института правовой помощи, как фундамента реализации частноправовых отношений видится в:

- Более активном присоединении государств к универсальным конвенциям.
- Гармонизации национальных законодательств о соответствующих процедурах.
- Внедрении современных технологий (электронные порталы для подачи запросов, безопасная видеосвязь).
- Развитии прямого взаимодействия между компетентными органами (судами, органами юстиции) в дополнение к дипломатическим каналам.

Заключение

Правовая помощь – это не просто технический институт МЧП, а его жизненно необходимый фундамент. Она материализует абстрактные коллизионные привязки и признанные решения в реальные правовые последствия на территории иностранного государства. Без эффективного механизма вручения документов, сбора доказательств и принудительного исполнения решений за рубежом частноправовые отношения с иностранным элементом теряют практический смысл, а права их участников остаются лишь декларацией. Преодолевая барьеры юрисдикций, правовая помощь обеспечивает предсказуемость, стабильность и защищенность трансграничных частных связей, являясь краеугольным камнем глобального правового пространства и реального верховенства права в международном обороте. Дальнейшее развитие и совершенствование этого института – ключевое условие для динамичного развития международного частного права в условиях глобализации.

Библиография

1. Щукин, А. И. О некоторых подходах к понятию "международная правовая помощь" по гражданским делам / А. И. Щукин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 1(28). – С. 61-69. – EDN YKOJXJ.
2. "Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам" (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // СПС КонсультантПлюс.
3. Информация Минюста России "О порядке составления и исполнения запросов о вручении документов и получении доказательств по гражданским или торговым делам в рамках Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года, Конвенции о получении доказательств по гражданским или торговым делам 1970 года и Конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 года" // СПС КонсультантПлюс.
4. "Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам" (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // СПС КонсультантПлюс.
5. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.
6. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС КонсультантПлюс.

Legal Assistance as the Foundation for Implementing Private Law Relations with a Foreign Element

Sergey S. Kvach

PhD in Law, Associate Professor,
A.A. Leonov Technological University,
141074, 42 Gagarin St., Korolyov, Russian Federation;
e-mail: kvachss@ya.ru

Abstract

The article examines the fundamental role of legal assistance in ensuring the effective application of private international law (PIL) norms. The author argues that legal assistance is a necessary condition and fundamental mechanism for implementing private law relations involving

foreign elements. The essence of legal assistance is revealed as a form of international cooperation aimed at overcoming territorial limitations of state jurisdictions. Key functions of the institution are analyzed: ensuring access to justice (service of documents), forming an evidence base (obtaining evidence), enforcing judicial decisions (recognition and enforcement), and ensuring legal certainty. The sources of legal regulation (international conventions, bilateral treaties, national legislation) and current challenges facing the legal assistance system (differences in legal systems, politicization, lengthy procedures) are considered. The conclusion emphasizes the vital importance of this institution for the effective functioning of PIL and the stability of cross-border private law relations in the context of globalization.

For citation

Kvach S.S. (2025) *Pravovaya pomoshch' kak fundament realizatsii chastnopravovykh otnosheniy s inostrannym elementom* [Legal Assistance as the Foundation for Implementing Private Law Relations with a Foreign Element]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 60-65.

Keywords

Legal assistance; private international law; private law relations; foreign element.

References

1. Shchukin, A. I. On some approaches to the concept of "international legal assistance" in civil matters / A. I. Shchukin // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2017. – № 1(28). – Pp. 61-69. – EDN YKOJXJ.
2. "Convention on the Service abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters" (concluded in The Hague on 11/15/1965) // ATP ConsultantPlus.
3. Information from the Ministry of Justice of the Russian Federation "On the procedure for Drafting and Executing Requests for the Service of Documents and Evidence in Civil or Commercial Matters within the Framework of the Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters of 1965, the Convention on the Receipt of Evidence in Civil or Commercial Matters of 1970 and the Convention on Civil Procedure of 1954 of the year" // SPS ConsultantPlus.
4. "Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters" (Concluded in Minsk on 22.01.1993) (as amended on 28.03.1997) (entered into force on 19.05.1994, for the Russian Federation on 10.12.1994) // SPS ConsultantPlus.
5. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 14.11.2002 N 138-Federal Law (as amended on 04/01/2025) // SPS ConsultantPlus.
6. "The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" dated 07/24/2002 N 95-FZ (as amended on 04/01/2025) // SPS ConsultantPlus.

УДК 347.65**Генезис и перспективы развития наследственного
законодательства в условиях цифровой трансформации общества****Туршук Людмила Дмитриевна**

Кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: turshuk@bsuedu.ru

Аннотация

В статье анализируется нормативно-правовое регулирование наследственных правоотношений, исследуются векторы развития российского наследственного законодательства, проводится анализ достигнутого и перспектив дальнейшего совершенствования норм наследственного права в условиях цифровой трансформации общества. Делается вывод, что такое развитие имеет эволюционный поступательный характер, поскольку основывается на предыдущих достижениях. Имплементация зарубежного наследственного законодательства осуществляется с учетом особенностей российской правовой системы. Следует и дальше придерживаться таких тенденций. В последние годы цифровизация затронула все сферы жизни общества, что отразилось и в законодательстве. Однако наследственное право в отличие от других отраслей и подотраслей права сохраняет консерватизм и с очень большой осторожностью откликается на такие цифровые нововведения. В процессе цифровизации появляются новые объекты наследственного имущества, такие как цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровой рубль. Наследственное законодательство, несмотря на свой консерватизм, не сможет игнорировать стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, поэтому следует подумать о безопасном внедрении их и в наследственные отношения. Многие новеллы наследственного права также нуждаются в более детальной доработке с учетом интересов всех участников наследования и уровнем современного развития. В частности, необходимо конкретизировать нормы о наследственном договоре, совместном завещании супругов, законодательно предусмотреть возможность составления электронного завещания. В отношении новых объектов наследственных прав – цифровых прав и их разновидности цифровых финансовых активов также необходимо внести изменения в наследственное законодательство, пояснив специфику их наследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Туршук Л.Д. Генезис и перспективы развития наследственного законодательства в условиях цифровой трансформации общества // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 66-77.

Ключевые слова

Наследственное законодательство, наследственные правоотношения, наследственное право, цифровизация, электронное завещание, наследование цифровых прав.

Введение

Прежде чем приступить к анализу современного наследственного законодательства, исследованию существующих проблем правового регулирования наследственных правоотношений и поиску перспектив его совершенствования, необходимо рассмотреть историю развития российского наследственного права. Оглянувшись назад, понять к чему мы пришли и куда двигаться дальше. Без осмысления достигнутого и процесса, каким образом это происходило, невозможно определить пути дальнейшего развития.

Рассмотрим развитие наследственного права Российской Федерации. За последние тридцать лет российское наследственное законодательство претерпело серьезные изменения. Эти изменения можно назвать эволюционными, а не революционными, поскольку процесс поступательного развития основывался на фундаментальных принципах наследственного права, каждое нововведение улучшало предыдущие достижения. Благодаря этому удалось сохранить все лучшее из «старого» и достигнуть лучшего «нового».

Исследованию генезиса наследственного законодательства, а также поиску векторов его дальнейшего развития и совершенствования посвящена настоящая статья.

Основное исследование

Россия стала преемницей СССР, соответственно и российское наследственное законодательство основывается на нормах советского наследственного права. Положения о наследовании Гражданского кодекса РСФСР 1964 года (далее ГК РСФСР) применялись вплоть до вступления в силу части третьей Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), т. е. до 1 марта 2002 года. Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 14 декабря, 2024. <http://www.consultant.ru>.

ГК РСФСР предусматривал два основания наследования - по закону и по завещанию. При этом приоритет отдавался, как и сейчас, последней воле завещателя по распоряжению своим имуществом на случай смерти. Устанавливались две очереди наследования по закону. К первой очереди относились «дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (усыновители) умершего, а также ребенок умершего, родившийся после его смерти; во вторую очередь - братья и сестры умершего, его дед и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери». Нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти, наследовали с той очередью, которая призывалась к наследованию. Наследование по праву представления законодателем не называлось, но фактически присутствовало, поскольку предусматривалось, что «внуки и правнуки наследодателя являются наследниками по закону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником; они наследуют поровну в той доле, которая причиталась бы при наследовании по закону их умершему родителю» (ст. 532 ГК РСФСР). Усыновленные и их потомство утрачивали связь с кровными родственниками и не наследовали после их смерти, также и кровные родственники усыновленного не наследовали после смерти усыновленного и его потомства. Предметы обычной домашней обстановки и обихода переходили к наследникам по закону, проживавшим совместно с наследодателем до его смерти не менее одного года, независимо от их очереди и наследственной доли.

Завещать можно было все свое имущество или часть его (не исключая предметов обычной

домашней обстановки и обихода) любому лицу. Обязательная доля в наследстве составляла две трети доли, которая причиталась бы при наследовании по закону. Устанавливалась обязательная нотариальная форма завещания. Определялись завещания, приравняемые к нотариальным.

Федеральный закон от 14 мая 2001 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в статью 532 Гражданского кодекса РСФСР» расширил круг наследников, к существовавшим двум очередям наследников по закону добавились еще две очереди наследников - дяди, тети наследодателя (третья очередь), прабабушки и прадедушки наследодателя (четвертая очередь).

26 ноября 2001 года была принята третья часть Гражданского кодекса РФ, которая вступила в силу 1 марта 2002 года. Многие доктринальные положения наследственного права нашли свое отражение в новом ГК РФ. Так, дано определение наследования, наследства, открытия наследства, закреплены принципы универсального правопреемства при наследовании, свободы завещания и пояснено в чем они заключаются, более четко конкретизированы порядок определения места открытия наследства, лица, которые могут призываться к наследованию, недостойные наследники. Законодатель ввел новые термины – «наследственная трансмиссия», «наследование по праву представления», «завещательное возложение», хотя данные категории существовали ранее, но не имели такого определения.

ГК РФ значительно расширил круг наследников по закону, минимизировав возможность превращения наследственной массы в выморочное имущество. Так, к уже существовавшим и указанным ранее, четырем очередям наследников добавились еще четыре. Наследники пятой очереди - дети родных племянников и племянниц наследодателя (двоюродные внуки и внучки) и родные братья и сестры его дедушек и бабушек (двоюродные дедушки и бабушки); шестой очереди - дети двоюродных внуков и внучек наследодателя (двоюродные правнуки и правнучки), дети его двоюродных братьев и сестер (двоюродные племянники и племянницы) и дети его двоюродных дедушек и бабушек (двоюродные дяди и тети); седьмой очереди – пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя. Наследниками восьмой очереди являются нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, если нет других наследников по закону, в противном случае они наследуют наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. В ГК РСФСР они не выделялись в отдельную очередь. При этом нетрудоспособные иждивенцы разделены на две группы - граждане, относящиеся к наследникам по закону, и граждане, которые не входят в круг наследников по закону. Такая дифференсация устанавливает различные требования к обязательности проживания совместно с наследодателем для признания в качестве обязательного наследника.

Относительно наследования по завещанию ГК РФ ввел много новшеств и расширил полномочия завещателя. Появились новые виды завещаний - закрытое завещание, завещание в чрезвычайных обстоятельствах, завещательное распоряжение правами на денежные средства в банках. Обязательная доля в наследстве уменьшилась с 2/3 до 1/2 доли наследства по закону. Введена новая правовая категория - тайна завещания, установлена ее защита и ответственность за нарушение. Определены условия признания недействительности завещания, а также способы толкования завещания. Более детально конкретизированы порядок оформления завещания, круг лиц, которые могут выступать в качестве свидетелей и рукоприкладчиков, полномочия исполнителя завещания. Уточняется, что завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме, лично, не допускается совершение завещания через представителя. Ранее данные положения не были закреплены в ГК РСФСР, а только обсуждались в цивилистической литературе. Осуществление права на получение завещательного отказа ограничено тремя годами со дня открытия

наследства. Предусмотрена не существовавшая ранее возможность исполнителя завещания получить вознаграждение за исполнение своих обязанностей сверх расходов, связанных с исполнением завещания.

ГК РФ ввел термин и дал определение «наследования по праву представления». К наследникам по праву представления были отнесены следующие лица: внуки наследодателя и их потомки (они указывались и в ГК РСФСР) – первая очередь; дети полнородных и неполнородных братьев и сестер наследодателя (племянники и племянницы наследодателя) – вторая очередь; двоюродные братья и сестры наследодателя – третья очередь. Доля наследника по закону, умершего до открытия наследства или одновременно с наследодателем, переходит по праву представления к его соответствующим потомкам и делится между ними поровну.

После принятия части третьей ГК РФ в раздел 5 «Наследственное право» неоднократно вносились изменения. Рассмотрим основные из них. Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 281-ФЗ внес изменения в статью 1151 ГК РФ, касающиеся передачи выморочных жилых помещений (впоследствии – иная недвижимость) муниципальным образованиям либо городам федерального значения, где это жилое помещение расположено [Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»]. Ранее любое выморочное имущество переходило в собственность государства, т.е. Российской Федерации. В 2012 году в ст. 1123 ГК РФ были внесены поправки, касающиеся соотношения тайны завещания и сведений об удостоверении завещания, об отмене завещаний в единой информационной системе нотариата [Федеральный закон от 2 октября 2012 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», www...].

В 2016 г. были внесены изменения в статью 1158 ГК РФ, которые расширили круг наследников, в пользу которых может быть осуществлен отказ от наследства [Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 22-ФЗ «О внесении изменения в статью 1158 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», www...]. В новой редакции этой статьи: «наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди независимо от призвания к наследованию, не лишенных наследства (пункт 1 статьи 1119), а также в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления (статья 1146) или в порядке наследственной трансмиссии (статья 1156)». Ранее отказаться от наследства можно было только в пользу ... В этом же году были внесены изменения в статью 1174 ГК РФ, которыми увеличен размер средств, выдаваемых на похороны из наследственной массы, до 100 тыс. рублей [Федеральный закон от 9 марта 2016 г. № 60-ФЗ «О внесении изменения в статью 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»], а также в статью 1114 ГК РФ, уточнен порядок определения времени открытия наследства и коммориентов [Федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»]. Теперь лицами одновременно умершими являются не просто умершие в один день (как указывалось ранее), а только если невозможно установить время смерти таких граждан.

В 2017 году появился новый субъект наследственного права и новый вид юридического лица – наследственный фонд, который является наследником, но создается после смерти наследодателя. В статью 1124 ГК РФ был введен пункт 5, предусматривающий возможность завещателю составить завещание в пользу наследственного фонда [Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»]. Неотъемлемой частью такого завещания являются решение

завещателя об учреждении наследственного фонда, устав фонда, а также условия управления фондом. Удостоверено такое завещательное распоряжение может быть только нотариусом. Данная новелла была заимствована из зарубежного законодательства, где уже давно существуют наследственные фонды. Однако она была адаптирована к нашему законодательству. Наследственный фонд не является аналогом зарубежного траста, поскольку наследственное имущество принадлежит ему на праве частной собственности, а не доверительной собственности, как у траста.

В следующем 2018 году появились новые наследственные распоряжения – совместное завещание супругов и наследственный договор [Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»]. Они также являются имплементацией зарубежного наследственного законодательства, прежде всего, германского, которое по своей правовой природе ближе всего к российскому. Наследственный договор помимо нового вида распоряжения наследодателя своим имуществом на случай смерти, также является и новым основанием наследования. Ранее было только два основания наследования – по закону и по завещанию. Теперь еще появилось и третье – по наследственному договору. Совместное завещание супругов и наследственный договор должны быть удостоверены только нотариусом, при этом нотариус осуществляет еще и видеофиксацию. Несмотря на то, что эти нормы еще довольно «сырые», поскольку есть множество вопросов, нуждающихся в уточнении и разрешении, это значительный шаг вперед в развитии наследственного права.

В последние годы цифровизация затронула все сферы общества, что отразилось и в законодательстве. Однако наследственное право в отличие от других отраслей и подотраслей права сохраняет консерватизм и с очень большой осторожностью откликается на такие цифровые нововведения. Так, согласно абз. 4 п. 1 ст. 1124 ГК РФ не допускается составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств, предусмотренных для письменной формы сделки абзацем вторым пункта 1 статьи 160 ГК РФ, т. е. с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки [Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»].

Разъяснения, данные в Методических рекомендациях по удостоверению завещаний и наследственных договоров, поясняют, что «указанными положениями закона установлен запрет на совершение завещания в виде электронного документа, оригинал которого существует исключительно в электронной форме на компьютере, отчуждаемом машинном носителе данных (например, USB-накопитель) или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Однако это не означает запрета на составление нотариусом текста (проекта) завещания и изготовление завещания как документа на бумажном носителе с использованием компьютерной техники и принтера» [Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21)]. Указанные ограничения, означают и не возможность подписания завещания электронной подписью, предусмотренной Федеральным законом «Об электронной подписи», согласно которому «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме случая,

если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе» [Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи»]. К таким исключениям и относятся завещание и наследственный договор. Данные ограничения можно объяснить стремлением законодателя наиболее максимально обезопасить переход имущества от наследодателя к его наследникам в процессе наследственного правопреемства, исключив неправомерное вмешательство злоумышленников (Туршук 2023, 109). Однако это не означает запрета использования электронной подписи нотариусами для подписания электронных документов. Так, согласно абз. 2 ст. 11 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате «для совершения нотариальных действий с электронными документами, а также передачи сведений, нотариальных документов в электронной форме, электронных образов нотариальных документов, созданных на бумажном носителе, в единую информационную систему нотариата нотариус использует усиленную квалифицированную электронную подпись» [Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1)]. Прошедшая пандемия коронавируса, когда опасность заражения и смерти высока, а возможность удостоверения завещания нотариусом ограничена, заставила задуматься над возможностью составления электронного завещания. Поэтому многие современные ученые цивилисты вполне обоснованно предлагают законодательно закрепить такую форму завещательного распоряжения (Волос и др. 2022, 97; Кадасемчук 2023, 115; Мирзоев 2022, 116). При этом для защиты от несанкционированного вмешательства третьих лиц в текст завещания, гарантии подтверждения его подлинности, по мнению авторов необходимо использовать для составления и исполнения завещаний блокчейн-технологии, т.е. говорится о, так называемых, блокчейн-завещаниях (Баранов 2022, 242). Представляется, что данные предложения вполне обоснованы. Наследственное законодательство не может игнорировать стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, поэтому следует подумать о безопасном внедрении их и в наследственные отношения.

В процессе цифровизации появляются и новые объекты наследственного имущества, такие как цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровой рубль.

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ к объектам гражданских прав, в частности к имущественным правам, отнесены цифровые права. Этим же законом в Гражданский кодекс РФ введена статья 141.1. «Цифровые права», согласно которой «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел еще один новый объект гражданских прав – цифровые финансовые активы. По своей правовой природе это разновидность цифровых прав. Согласно указанному закону «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг,

которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»].

Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ввел еще один новый объект гражданских прав – цифровой рубль [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»]. Согласно изменениям, внесенным в статью 128 ГК РФ указанным законом, по своей правовой природе это разновидность безналичных денежных средств. Более детального определения цифрового рубля законодатель не дает. Расчеты цифровыми рублями осуществляются путем перевода цифровых рублей Банком России в рамках платформы цифрового рубля.

Эти новые объекты гражданских прав, относящиеся к имущественным правам, являются также и объектами наследственных прав. Для обеспечения наследования этого имущества, данные новшества должны найти свое отражение в наследственном законодательстве. Пока что внесены изменения в статьи 1128 и 1174 ГК РФ, согласно которым правила о завещательных распоряжениях правами на денежные средства в банках соответственно применяются к иным кредитным организациям, которым предоставлено право привлекать во вклады или на другие счета денежные средства граждан, а также к Банку России, который осуществляет открытие и ведение счетов цифрового рубля. Порядок совершения завещательных распоряжений цифровыми рублями определяется Правительством Российской Федерации по согласованию с Банком России (п.4 ст. 1128 ГК РФ). Банки, во вкладах или на счетах которых находятся денежные средства наследодателя, а также Банк России при наличии цифровых рублей, учитываемых на счете цифрового рубля наследодателя, обязаны по постановлению нотариуса предоставить их лицу, указанному в постановлении нотариуса, для оплаты указанных расходов (абз. 2 п. 3 ст. 1174 ГК РФ). Наследник, которому завещаны денежные средства (внесенные во вклад или находящиеся на любых других счетах наследодателя в банках, а также цифровые рубли, учитываемые на счете цифрового рубля наследодателя), в том числе в случае, если они завещаны путем завещательного распоряжения (статья 1128), вправе в любое время до истечения шести месяцев со дня открытия наследства получить денежные средства, необходимые для похорон наследодателя, из вклада или со счета, включая счет цифрового рубля, наследодателя (абз. 3 п. 3 ст. 1174 ГК РФ).

В отношении других новых объектов наследственных прав – цифровых прав и их разновидности цифровых финансовых активов также необходимо внести изменения в наследственное законодательство, пояснив специфику их наследования.

Еще одним нововведением и шагом в развитие наследственного законодательства стало появление прижизненных наследственных фондов – личных фондов [Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»].

Появление в ГК норм о личных фондах обусловлено несовершенством норм о наследственных фондах. Основным недостатком наследственного фонда является то, что поскольку он создается только после смерти наследодателя, не всегда возможно предусмотреть

все обстоятельства которые могут быть на момент его создания и в последующем. Прежде всего, невозможно предугадать согласятся ли войти в органы управления наследственным фондом назначенные завещателем лица, что ставит под угрозу возможность создания наследственного фонда и не исполнения воли завещателя, если же они согласятся, то справятся ли эти лица с управлением наследственным фондом, чтобы преумножить переданное имущество и обеспечить интересы выгодоприобретателей. В цивилистической литературе давно обращалось внимание на эти проблемы и предлагалось учесть зарубежный опыт и ввести в российское гражданское законодательство наряду с посмертными наследственными фондами прижизненные наследственные фонды (Крашенинников 2019). Данные предложения были учтены законодателем, в результате чего в ГК появились нормы о личном фонде.

Однако реформа наследственного законодательства продолжается. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес изменения в положения о личных фондах [Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»]. Было изменено понятие личного фонда. Согласно новой редакции личным фондом признается учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом, а также иным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления. В прежней редакции не было упоминания об «ином имуществе», называлось только имущество переданное гражданином-учредителем, поскольку был установлен запрет на безвозмездную передачу имущества в личный фонд иными лицами. В настоящее время такой запрет снят.

Также изменения коснулись документов, на основании которых действует личный фонд. В прежней редакции указывалось, что устав личного фонда, условия управления личным фондом и иные внутренние документы личного фонда при жизни учредителя фонда могут быть им изменены. В действующей редакции это возможно, если иное не предусмотрено уставом личного фонда, т.е. в уставе можно предусмотреть, что в указанные документы не могут вноситься изменения.

Также ранее указывалось, что «при жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав органов этого фонда, определяются учредителем личного фонда в соответствии с уставом и условиями управления личным фондом». Сейчас эти положения изменены и звучат так: «При жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав органов этого фонда, определяются в соответствии с уставом и условиями управления личным фондом» (ст. 1202 ГК РФ).

В цивилистической литературе обращается внимание на то, что поскольку целью создания личного фонда является управление переданным ему имуществом, а такое управление должно преумножать имущество, что сближает личный фонд с коммерческими организациями, и ставит под сомнение обоснованность отнесения их к некоммерческим юридическим лицам (Зайцева 2022, 445). Однако в гражданском законодательстве подобные прецеденты давно имеют место, примером являются многие виды потребительских кооперативов. При этом подобные исключения не отменяют общего правила.

Стоимость имущества, передаваемого личному фонду (за исключением наследственного фонда) его учредителем при создании личного фонда, не может быть менее ста миллионов рублей, при этом стоимость этого имущества определяется на основании оценки его рыночной

стоимости.

Таким образом, личный фонд является новой эволюционной формой своего «предшественника» – наследственного фонда, дающей новые возможности в использовании своего имущества, наследовании и инвестировании. Однако, несмотря на существенное усовершенствование правовой конструкции личного фонда по сравнению с существовавшей, а также с моделью наследственного фонда, популярность личных фондов среди россиян представляется маловероятной, так как их создание будет недоступно большинству гражданам, поскольку для этого необходимо внести не менее 100 миллионов рублей. Правовое регулирование личных фондов еще далеко от совершенства и нуждается в дальнейшем развитии с учетом интересов общества.

Заключение

Подводя итог анализу развития наследственного законодательства, можно сделать вывод, что поступательное изменение норм наследственного права, основывается на фундаментальных принципах, предыдущих усовершенствованиях, обоснованно осторожном внедрении новых технологий и опыта зарубежного нормотворчества. Такое развитие является эволюционным, что очень благотворно для всех участников наследственных правоотношений и не несет болезненных потрясений революционного развития. Думается, следует и дальше придерживаться таких тенденций. Наследственное законодательство, несмотря на свой консерватизм, не сможет игнорировать стремительное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, поэтому следует подумать о безопасном внедрении их и в наследственные отношения. Многие новеллы наследственного права также нуждаются в более детальной доработке с учетом интересов всех участников наследования и уровнем современного развития.

Библиография

1. Баранов, Е. В. 2022. «Электронное завещание: проблемы и перспективы правовой регламентации». *Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы*: сб. материалов VI межвузовской студенческой научной конференции, 240-244. Москва.
2. Волос, Алексей А., Екатерина П. Волос и Дмитрий А. Папылев Д. 2022. «Форма завещания в условиях современных вызовов цифровизации общества». *Евразийская адвокатура* 3 (58): 94-99.
3. Зайцева, Дарья А. 2022. «Личный фонд как новая организационно-правовая форма унитарных некоммерческих организаций» *Эволюция российского права: сборник материалов XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов*, 443-448. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет.
4. Кадасемчук, Ю.С. 2023. «Проблема правовой регламентации электронного завещания» *Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации*: сборник статей VI ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 112-116. Симферополь.
5. Крашенинников, Павел В. 2019. *Наследственное право*. М.: Статут.
6. Мирзоев Ханали Ф. 2022. «Вероятность цифровизации завещания в соответствии с российским законодательством». *Синергия Наук* 75: 114-117.
7. Туршук Людмила Д. 2023. «Наследование и цифровизация: тенденции развития». *Тенденции развития науки и образования* 104. Часть 10: 108 -111.
8. Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
9. Федеральный закон от 2 октября 2012 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
10. Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 22-ФЗ «О внесении изменения в статью 1158 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

11. Федеральный закон от 9 марта 2016 г. № 60-ФЗ «О внесении изменения в статью 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21) // СПС «КонсультантПлюс». Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 31 (часть I). - Ст. 5018.
18. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. - № 31 (Часть III). - Ст. 5765.
19. Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Genesis and Prospects of the Development of Inheritance Legislation in the Context of Digital Transformation of Society

Lyudmila D. Turshuk

PhD in Law, Associate Professor,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy St., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: turshuk@bsuedu.ru

Abstract

The article analyzes the regulatory framework governing inheritance relations, examines the vectors of development of Russian inheritance legislation, and assesses the achievements and prospects for further improvement of inheritance law norms in the context of digital transformation of society. It is concluded that this development is evolutionary and progressive, as it builds on previous achievements. The implementation of foreign inheritance legislation is carried out with due regard for the specifics of the Russian legal system. Such trends should continue to be followed. In recent years, digitalization has affected all spheres of society, which is also reflected in legislation. However, unlike other branches and sub-branches of law, inheritance law remains conservative and responds to digital innovations with great caution. The process of digitalization gives rise to new objects of inheritance, such as digital rights, digital financial assets, and the digital ruble. Despite its conservatism, inheritance legislation cannot ignore the rapid introduction of digital technologies into all spheres of society, so it is necessary to consider their safe integration into inheritance relations. Many novelties of inheritance law also require more detailed elaboration, taking into account the

interests of all participants in inheritance and the current level of development. In particular, it is necessary to specify the norms on inheritance contracts, joint wills of spouses, and legally provide for the possibility of drawing up electronic wills. Regarding new objects of inheritance rights—digital rights and their variety, digital financial assets—it is also necessary to amend inheritance legislation, clarifying the specifics of their inheritance.

For citation

Turshuk L.D. (2025) *Genezis i perspektivy razvitiya nasledstvennogo zakonodatel'stva v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva* [Genesis and Prospects of the Development of Inheritance Legislation in the Context of Digital Transformation of Society]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 66-77.

Keywords

Inheritance legislation, inheritance relations, inheritance law, digitalization, electronic will, inheritance of digital rights.

References

1. Baranov, E. V. 2022. "Electronic testament: problems and prospects of legal regulation". Legality and law and order: history, modernity, actual problems: collection of materials of the VI Interuniversity Student Scientific Conference, 240-244. Moscow.
2. Volos, Alexey A., Ekaterina P. Volos and Dmitry A. Papylev, D. 2022. "The form of a will in the context of modern challenges of digitalization of society." *Eurasian Advocacy* 3 (58): 94-99.
3. Zaitseva, Daria A. 2022. "Personal Foundation as a new organizational and legal form of unitary non-profit organizations" *Evolution of Russian Law: proceedings of the XX International Scientific Conference of Young Scientists and Students*, 443-448. Yekaterinburg: Ural State Law University.
4. Kadasemchuk, Yu.S. 2023. "The problem of legal regulation of electronic will" *Actual problems of private law in the Russian Federation: collection of articles of the VI Annual All-Russian Student Scientific and Practical Conference*, 112-116. Simferopol.
5. Krashenninikov, Pavel V. 2019. *Inheritance law*. Moscow: Statute.
6. Mirzoev Khanali F. 2022. "The probability of digitalization of the will in accordance with Russian law." *Synergy of Sciences* 75: 114-117.
7. Turshuk Lyudmila D. 2023. "Inheritance and digitalization: development trends". *Trends in the development of science and education* 104. Part 10: 108-111.
8. Federal Law No. 281-FZ of November 29, 2007 "On Amendments to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus
9. Federal Law No. 166-FZ of October 2, 2012 "On Amendments to the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus
10. Federal Law No. 22-FZ of February 15, 2016 "On Amendments to Article 1158 of Part Three of the Civil Code Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus"
11. Federal Law No. 60-FZ of March 9, 2016 "On Amendments to Article 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
12. Federal Law No. 79-FZ of March 30, 2016 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
13. Federal Law No. 259-FZ of July 29, 2017 "On Amendments to Parts One, Two and Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
14. Federal Law No. 217-FZ of 07/19/2018 "On Amendments to Article 256 of Parts One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. Federal Law No. 34-FZ dated 18.03.2019 "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
15. Methodological recommendations on the certification of wills and inheritance agreements (approved by the decision of the FNP Board dated 03/02/2021, Protocol No. 03/21) // SPS "ConsultantPlus". Federal Law No. 63-FZ dated 04/06/2011 (as amended on 08/04/2023) "On Electronic Signatures" // SPS "ConsultantPlus".
16. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462-1) (as amended on 07/24/2023) // SPS "ConsultantPlus".

-
17. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 (as amended on 10/25/2024) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - No. 31 (part I). - Art. 5018.
 18. Federal Law No. 339-FZ dated 07/24/2023 "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. - No. 31 (Part III). - Art. 5765.
 19. Federal Law No. 287-FZ of 07/01/2021 "On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
 20. Federal Law No. 237-FZ of 08/08/2024 "On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

УДК 34**Цифровая валюта и цифровой рубль: доктринальные подходы и законодательные коллизии в России****Вронская Мария Владимировна**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается правовая природа цифровой валюты и цифрового рубля в контексте российского законодательства и доктринальных подходов. Автор анализирует существующие коллизии в определениях и нормативных актах, выделяя цифровую валюту как особый вид цифрового имущества, который хранится и обращается в специализированных информационных системах, но не является денежной единицей РФ. В отличие от цифровой валюты, цифровой рубль признается национальной цифровой валютой и специфической формой безналичных денежных средств, находящейся под контролем Центрального Банка России. Особое внимание уделяется различиям и взаимосвязям между цифровой валютой, криптовалютой и цифровым рублем, а также необходимости законодательного уточнения терминологии. В заключении обоснована необходимость пересмотра правового регулирования с целью гармонизации понятий и учёта международного опыта.

Для цитирования в научных исследованиях

Вронская М.В. Цифровая валюта и цифровой рубль: доктринальные подходы и законодательные коллизии в России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 78-85.

Ключевые слова

Цифровая валюта, цифровой рубль, юридическая сущность, цифровое имущество, криптовалюта, гражданское право, правовое регулирование, национальная цифровая валюта, Центральный Банк России.

Введение

В последние десятилетия во всем мире, в том числе и в России, повсеместно и полномасштабно внедряются новейшие цифровые технологии: к числу наиболее значимых из них относится появление в экономическом секторе государств цифровых национальных валют, к числу, которых относятся цифровой рубль и его зарубежные аналоги.

На первоначальном этапе, еще до момента их появления в правовом поле, приблизительно в 2009-2011 годы, цифровые валюты казались весьма привлекательными для населения различных стран мира, в силу свойственной им децентрализованной и псевдонимной структуры выпуска и обращения. Это обусловлено было тем, что цифровые валюты в виду этого были весьма устойчивы к различного рода финансово-экономическим кризисам, позволяли сохранить анонимность их владельца, и, соответственно, предопределяли свое использование в преступной деятельности. Ситуация стала меняться лишь в 2020 году, при первых попытках руководства различных государств мира легализовать выпуск и обращение цифровых валют, обеспечить их централизацию: так, первоначально на территории Китайской Народной Республики был введен цифровой юань в качестве расчетной единицы [Reuters staff, [www](#)], а в последующем на территории Швеции был запущен пилотный правовой проект по выпуску и обращению цифровой кроны, разработанный еще в 2017 году [The Riksbank's e-krona project, [www](#)]. При этом, до сих пор правовое регулирование цифровых национальных валют (аналогов цифрового рубля) на территории России и зарубежных стран остается несовершенным, что влечет за собой потребность их научного осмысления.

В свою очередь, в России дискуссии о потребности легализации цифровой национальной валюты велись в доктринальном поле еще с 2020 года, после представления Центральным Банком России доклада «Цифровой рубль» [Доклад Центрального Банка России «Цифровой рубль», [www](#)] и принятия Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Федеральный закон О цифровых финансовых активах, цифровой валюте, [www](#)]. Указанные правовые акты стали фундаментом для построения дальнейшего правового регулирования оборота цифровой валюты на территории российского государства. Между тем, свое законодательное закрепление цифровая национальная валюта (цифровой рубль) получила спустя несколько лет, только лишь в 2023 году, с момента принятия Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023. № 340-ФЗ [Федеральный закон О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, [www](#)] и Федерального закона «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24.07. 2023 № 339-ФЗ [Федеральный закон О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, [www](#)]. В рамках указанной законодательной новеллы цифровая национальная валюта (цифровой рубль) квалифицируется в качестве объекта гражданских прав, однако, несмотря на это, такой подход не выдерживает доктринальной критики, а также не соответствует иным законодательным положениям.

В этой связи, целью настоящей статьи является научно-практическое осмысление правовой природы «цифровой валюты» и «цифрового рубля» как объекта прав в контексте определения перспективного правового регулирования их выпуска и оборота в России.

Основная часть

Легальное определение понятия «цифровая валюта», сформулировано российским законодателем в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, в соответствии с которым, содержание последней раскрывается как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, при совершении таковых операций в указанной информационной системе, соответственно». Безусловно, такая законодательная трактовка сущности цифровой валюты чрезмерно сужает сущностно-содержательное наполнение данной категории, давая ее лишь технико-экономическое значение. Полагаем, именно в силу такого несовершенства легального определения понятия «цифровая валюта», на доктринальном уровне по сей день отсутствует единство взглядов и позиций отечественных ученых - цивилистов по вопросу о сущности и правовой природе указанной категории, что затрудняет ее правоприменение.

Несмотря на это, в рамках отечественной цивилистической доктрины за последние несколько лет учеными-правоведами поднимались вопросы научного осмысления «цифровая валюта», в отличие от «цифрового рубля». В связи с этим, поспешным видится включение в 2023 году, нормы о «цифровом рубле», в ст. 128 Гражданского кодекса РФ. Несмотря на это, немногочисленные научные исследования и их анализ, позволяют говорить о существовании превалярующего подхода к определению сущности и правовой природы цифрового рубля, как разновидности безналичных денежных средств. Такой точки зрения, в частности, придерживаются такие отечественные ученые-цивилисты, как П.П. Баттахов, Ю. С. Овчинникова [Баттахов, Овчинникова, 2023, с. 88]. Такой доктринальный подход к уяснению природы цифрового рубля коррелируется с концепцией Центрального банка, который определяет цифровой рубль в качестве особой специфической третьей формы денег, эмитентом выпуска и обращения которой, выступает непосредственно Банк России. Такой узконаправленный доктринальный подход относительно сущности и понимания правовой природы цифрового рубля представляется ошибочным в контексте соотношения последнего с другим схожим понятием – цифровая валюта, которая в силу законодательного определения выступает цифровым кодом, что явно не тождественно доктринальному и законодательному подходу к уяснению сущности цифрового рубля.

Здесь следует заметить, что в соответствии с процитированным ранее легальным определением, цифровая валюта как средство платежа не является денежной единицей российского государства, и потому рассмотрение ее сущности лишь через призму правовой природы цифрового рубля как разновидности безналичных денежных средств, представляется нам неверным и прямо противоречащим положениям действующего российского законодательства. Ведь такое указание в формулировке легального определения понятия цифровой валюты, позволяет в перспективе относить к ней и иные виды цифровых валют, которые могут появиться в российском правовом пространстве в последующем, да и те, которые фигурируют сегодня (например, цифровая валюта в рамках компьютерных игр). Тем более, сам Центральный банк в содержании собственного доклада признавая платежную природу цифрового рубля не отождествляет последние с безналичными денежными средствами, говоря об особом характере их обращения. Более того, с позиции действующего закона, в той трактовке, в которой предложил отечественный законодатель, цифровой рубль и цифровая

валюта принципиально разные категории, так как цифровая валюта не может считаться денежной единицей РФ, а цифровой рубль напротив, признается таковой. Однако, учитывая то обстоятельство, что и то, и другое является средством платежа, которое по сути представляет собой цифровой код (запись), и их использование допускается исключительно в рамках специальных информационных систем (коей, например, и является платформа цифрового рубля, а оператором указанной информационной системы выступает сам Банк России), мы, равно, как и многие отечественные ученые-цивилисты склонны рассматривать цифровой рубль в качестве разновидности цифровой валюты исключительно в научно-доктринальном контексте. Фактически стоит признать, что действующие нормы специального законодательства в области обращения и выпуска цифровых платежных инструментов (прим. автора настоящей статьи) характеризуются смешением понятийного аппарата, затрудняющим научно-практическое осмысление и оборот цифровой валюты и (или) рубля в российский имущественный оборот. Так, неоднократно в доктрине и практике подвергался критике сам термин «цифровая валюта» [Габов, 2021, с. 57]. Связано это с тем, что первоначально на стадии проектных инициатив специальных норм, законодатель отождествлял цифровую валюту с криптовалютой, хотя в дальнейшем, в уже принятом № 259-ФЗ относит криптовалюту к «иному имуществу» или цифровым финансовым активам). В этой связи стоит отметить, что итоговая законодательная редакция не соотносится с выработанной правоприменительной практикой, зарубежным опытом. В частности, в содержании Кассационного определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 июня 2021 г. № 77-1411/2021 был поставлен знак равенства в понимании цифровой валюты и криптовалюты. Схожая позиция прослеживается в законодательстве ряда зарубежных стран (США, КНДР). Учитывая изложенное, полагаем, что отечественному законодателю следует пересмотреть использование термина «цифровая валюта» в том значении, в котором он определен в нормах действующего специального законодательства, поскольку это не способствует уяснению сущности и правовому режиму, а порождает дискуссию на доктринальном уровне, где термины национальная цифровая валюта и цифровой рубль выступают как тождественные и (или) родовые (видовые) категории.

Продолжая анализ таких категорий как цифровая валюта, цифровой рубль (национальная цифровая валюта), криптовалюта отметим также следующее.

Учитывая законодательно установленную невозможность определения криптовалюты, токенов через электронные деньги, некоторые исследователи предлагают рассматривать их в качестве специфического вида бездокументарных ценных бумаг: например, Л.А Новосёлова в своих научных трудах высказывает мнение о необходимости распространения в отношении токенов, криптовалюты режима бездокументарных ценных бумаг [Новосёлова, 2017, с. 35]. Такая позиция отвергается группой других ученых (например, А.И. Савельева [Савельев, 2017, с. 141], в виду того, что криптовалюта не отвечает сама по себе признакам, установленным действующим российским законодательством (ст. ст. 142, 149 ГК РФ): как правило, приверженцы указанной точки зрения выступают за признание криптовалюты в качестве иного имущества, существующего в цифровой форме. Соглашаясь с их доводами, в контексте настоящего исследования будем, в таком же качестве рассматривать криптовалюту. При этом, обратим внимание и на то, что такие наши авторские умозаключения в полной мере коррелируются с положениями ст. 128 ГК РФ, нормы которой определяют место цифрового рубля и безналичных денежных средств к виду иного имущества (иное, в данном случае цифровое). Такой подход к правовой природе цифровой валюты, криптовалюты и цифрового

рубля роднит указанные правовые явления между собой, заставляя безусловно, говорить об их общности, а также об ошибочности и хаотичности ряда положений принятого законодателем специального федерального закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. В этой связи, сложившийся на начальных этапах принятия законопроекта подход правоприменителя, при котором цифровая валюта и криптовалюта отождествлялись между собой, нуждается в своем пересмотре.

Полагаем, что наиболее правильно рассматривать цифровую валюту как отдельный вид цифрового имущества (цифровой код), хранение и оборот которого возможен исключительно в определенной информационной системе, которая не рассматривается, общему правилу, в качестве денежной единицы какого-либо государства, включая Россию (если не приобретает статус национальной цифровой валюты, коим, например, выступает цифровой рубль), но может выступать в качестве средства платежа. Исходя из такого понимания сущности цифровой валюты, цифровой рубль и криптовалюта рассматриваются в качестве возможных ее видов (централизованного и децентрализованного, соответственного).

Заключение

Подводя итог настоящему научному исследованию, сформулируем следующие выводы и предложения обобщающего характера.

В настоящее время в отечественной цивилистической доктрине отсутствует единообразный подход к пониманию юридической сущности категории «цифровая валюта», что предопределено несовершенством формулировки легального определения искомого понятия в ч.3 ст. 1 федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Такое определение носит исключительно технический или экономический, но не правовой характер, что для целей правовой науки употребляться не может. Кроме того, при таком законодательном подходе цифровой рубль нельзя рассматривать в качестве разновидности цифровой валюты, поскольку он признается денежной единицей России (несмотря на то, что в нормативных правовых актах Центрального Банка России, а также в сформулированной им Концепции цифрового рубля, последний прямо именуется национальной цифровой валютой, да и принцип его оборота очень схож с оборотом цифровых валют).

Однако, даже если предположить, что такая национальная цифровая валюта как цифровой рубль, является централизованным видом цифровых валют, нельзя сводить юридическую сущность последней к специфическому виду безналичных денежных средств (даже несмотря на то, что в ст. 128 ГК РФ содержится формулировка «... безналичные денежные средства, включая цифровой рубль...»), сам Центральный Банк России указывал на то, что цифровой рубль не подменяет собой безналичные денежные средства, а является самостоятельным, третьим видом платежа на территории российского государства. Соответственно, законодательная формулировка такого определения понятия цифровой валюты видится коллизионной с позиции юридической техники.

Полагаем, необходимо определять цифровую валюту как цифровое имущество, что коррелируется с положениями действующей редакции ст. 128 ГК РФ несмотря на имеющуюся иную, законодательную формулировку, крайне неудачную с позиции юридической техники, что отмечается не только нами, но и именитыми учёными-правоведами., в рамках настоящего исследования Автор настоящей статьи придерживается схожей научной позиции с Габовым

А.В., в которой криптовалюта и цифровая валюта соотносятся между собой как частное и общее. Кроме того, следует учитывать позицию Центрального Банка России, который именует цифровой рубль в качестве национальной цифровой валюты, воззрения ученых-экономистов по данному вопросу, а также законодательный опыт Китая и Швеции, где цифровой юань и цифровая крона также понимаются в качестве таковой, для целей настоящего исследования мы также рассматриваем цифровой рубль в качестве специфического централизованного вида цифровой валюты.

В этой связи видится возможным предложить российскому законодателю воспринять использовать доктринальный подход на легальном уровне и пересмотреть положения ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, сформулировав качественно новый понятийный аппарат, учитывающий возможность отнесения к цифровым валютам криптовалют и национальных цифровых валют (тем более, что последние также представляют собой особый цифровой код, оборот которого возможен только на базе специализированной информационной системы). Это позволит учесть в положениях действующего российского законодательства существующие современные тенденции формирующейся российской судебной практики, а также тенденции законодательной регламентации указанного вопроса на территории ряда других зарубежных государств.

Библиография

- 1 Reuters staff. China needs first mover advantage in digital currency race: PBOC magazine // Reuters: [site]. – URL: <https://www.reuters.com/article/china-pboc-yuan-digital/refile-china-needs-first-mover-advantage-in-digital-currency-racepboc-magazine-idUSL3N2GI1> (дата обращения: 01.07.2025).
- 2 The Riksbank's e-krona project // Sveriges Riksbank: [site]. – URL: https://www.riksbank.se/en-gb/payments--cash/e-krona/media/rapporter/ekrona/2017/rapport_ekrona_uppdaterad_170920_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2025).
- 3 Доклад Центрального Банка России для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.) // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/74762042/> (дата обращения: 01.07.2025).
- 4 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (посл. ред. от 28.12.2024 N 522-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=lwwt7w5qis852381015 (дата обращения: 01.07.2025).
- 5 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2023. № 340-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/?ysclid=lwwunb39kl866073482 (дата обращения: 01.07.2025).
- 6 О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/?ysclid=lwwtppdsb558259084 (дата обращения: 01.07.2025).
- 7 Баттахов П.П. Правовая природа цифрового рубля: теоретические и практические аспекты / П.П. Баттахов, Ю. С. Овичникова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 9 (225). – С. 86-90.
- 8 Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав / А.В. Габов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 55–65.
- 9 Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 июня 2021 г. № 77-1411/2021 // Третий кассационный суд общей юрисдикции: [сайт]. – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5943246&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 08.08.2025).
- 10 Новосёлова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – №12. – С.29-44.
- 11 Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – №8. – С. 136 – 153.

Digital Currency and Digital Ruble: Doctrinal Approaches and Legislative Collisions in Russia

Maria V. Vronskaya

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University,
690014, 41 Gogolya St., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Abstract

The article examines the legal nature of digital currency and the digital ruble in the context of Russian legislation and doctrinal approaches. The author analyzes existing collisions in definitions and regulatory acts, highlighting digital currency as a specific type of digital asset that is stored and circulated in specialized information systems but is not recognized as a monetary unit of the Russian Federation. In contrast, the digital ruble is defined as a national digital currency and a specific form of non-cash funds under the control of the Central Bank of Russia. Special attention is paid to the differences and interrelationships between digital currency, cryptocurrency, and the digital ruble, as well as the need for legislative clarification of terminology. The conclusion substantiates the necessity of revising legal regulations to harmonize concepts and incorporate international experience.

For citation

Vronskaya M.V. (2025) *Tsifrovaya valyuta i tsifrovoy rubl': doktrinal'nyye podkhody i zakonodatel'nyye kollizii v Rossii* [Digital Currency and Digital Ruble: Doctrinal Approaches and Legislative Collisions in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 78-85.

Keywords

Digital currency, digital ruble, legal essence, digital asset, cryptocurrency, civil law, legal regulation, national digital currency, Central Bank of Russia.

Reference

- 1 Reuters staff. China needs first mover advantage in digital currency race: PBOC magazine // Reuters: [site]. – URL: <https://www.reuters.com/article/china-pboc-yuan-digital/refile-china-needs-first-mover-advantage-in-digital-currency-racepboc-magazine-idUSL3N2GI1> (дата обращения: 01.07.2025).
- 2 The Riksbank's e-krona project // Sveriges Riksbank: [site]. – URL: https://www.riksbank.se/en-gb/payments--cash/e-krona/media/rapporter/ekrona/2017/rapport_ekrona_uppdaterad_170920_eng.pdf (дата обращения: 01.07.2025).
- 3 Report of the Central Bank of Russia for public consultations "Digital Ruble" (October 2020) // SPS "Garant". – URL: <https://base.garant.ru/74762042/> (date of issue: 07/01/2025).
- 4 On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 07/31/2020 (as amended, dated 12/28/2024 N 522-FZ) // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=lw7w5qis852381015 (accessed: 07/01/2025).
- 5 On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 340-FZ dated 07/24/2023 // SPS ConsultantPlus. – URL:

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/?ysclid=lwwunb39kl866073482 (accessed: 07/01/2025).
- 6 On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two, and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 339-FZ of 07/24/2023 // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/?ysclid=lwwtppdsb558259084 (accessed: 07/01/2025).
- 7 Battakhov P.P. (2023). *The legal nature of the digital ruble: theoretical and practical aspects* / [Agrarian and Land law], 9 (225), Pp. 86-90.
- 8 Gabov A.V. (2021). *The central bank's digital ruble as an object of civil rights* / [Actual problems of Russian Law], 4, pp. 55-65.
- 9 Cassation ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated June 24, 2021 No. 77-1411/2021 // The Third Court of Cassation of General jurisdiction: [website]. – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5943246&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (date of request: 08/08/2025).
- 10 Novoselova L.A. (2017). *Tokenization" of objects of civil law* / [Economy and Law], 12, pp. 29-44.
- 11 Savelyev A.I. (2017). *Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights* / [Law], 8, pp. 136-153.

УДК 34**Развитие правового регулирования использования земельных участков****Скляр Богдан Петрович**

Аспирант кафедры земельного и экологического права
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: Sklyar@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется законопроект № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на реформирование системы регулирования видов разрешённого использования земельных участков в Российской Федерации. Рассматриваются предложенные изменения в Земельный кодекс, устанавливающие единый подход к определению ВРИ для различных категорий земель, включая территории общего пользования, земли лесного фонда, сельхозугодья и объекты культурного наследия. Особое внимание уделяется нововведениям, связанным с возможностью временного использования участков без изменения их основного назначения, а также особенностям регулирования линейных объектов и территорий с особым правовым режимом. Подчёркивается значимость законопроекта для повышения гибкости, прозрачности и эффективности управления земельными ресурсами в контексте современных социально-экономических вызовов.

Для цитирования в научных исследованиях

Скляр Б.П. Развитие правового регулирования использования земельных участков // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 86-103.

Ключевые слова

Землепользование, земельное законодательство, ВРИ, законопроект, пространственное планирование, линейные объекты, временное использование, экономические зоны, реформа, управление.

Введение

Современные процессы урбанизации, развитие инфраструктуры, рост инвестиционной активности, а также необходимость рационального использования природных ресурсов предъявляют всё более высокие требования к системе правового регулирования в сфере землепользования. Земельные отношения, как один из ключевых элементов социально-экономического устройства государства, требуют гибкой, последовательной и прозрачной нормативной базы, обеспечивающей баланс интересов государства, бизнеса и гражданского общества. В условиях динамично изменяющейся социально-экономической среды возникает объективная необходимость пересмотра и модернизации действующего законодательства, регулирующего использование земельных участков [Федеральный закон О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, [www](http://www.rosstat.gov.ru)].

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время в Российской Федерации сохраняется фрагментарность и недостаточная унификация норм, регулирующих виды разрешённого использования земельных участков (ВРИ). Отсутствие единого подхода к определению ВРИ затрудняет эффективное управление территориальным развитием, усложняет кадастровый и инвестиционный оборот земли, способствует возникновению правовых коллизий и судебных споров. Особенно это проявляется при реализации крупных инфраструктурных и девелоперских проектов, при вовлечении земель в хозяйственный оборот, а также при планировании и освоении территорий с особыми правовыми режимами.

Проблема заключается в отсутствии унифицированного и правово-определённого механизма установления и применения видов разрешённого использования, что ведёт к разночтениям на практике, увеличению административной нагрузки и снижению инвестиционной привлекательности земельных ресурсов. Законодательные пробелы и неопределённость ВРИ негативно влияют на реализацию проектов комплексного освоения территорий, развитие сельских и лесных территорий, а также использование земель для нужд инфраструктуры и инновационных зон.

В целях устранения данных правовых и административных барьеров был разработан и повторно активизирован законопроект № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Его положения направлены на формирование единой нормативной конструкции, регулирующей установление ВРИ, а также на расширение возможностей временного использования земель без изменения их основного целевого назначения.

Цель исследования — провести комплексный анализ положений законопроекта № 496293-7, выявить его потенциал в контексте реформирования института ВРИ, а также оценить возможные правовые и практические последствия его реализации.

Для достижения указанной цели в статье поставлены следующие задачи:

- 1 Охарактеризовать существующую правовую конструкцию ВРИ в земельном законодательстве РФ.
- 2 Проанализировать положения законопроекта № 496293-7 и выявить ключевые направления реформ.
- 3 Определить потенциальные преимущества и риски предлагаемой модели для участников земельных отношений.
- 4 Исследовать практические механизмы применения новых норм и их влияние на административные процедуры.

5 Сформулировать предложения и рекомендации по правоприменению и совершенствованию законодательства.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что внедрение единого подхода к установлению ВРИ, как это предусмотрено в проекте закона, позволит существенно повысить эффективность регулирования земельных отношений, снизить административные барьеры и создать благоприятные условия для устойчивого развития территорий.

Научная новизна работы заключается в комплексной оценке законопроекта как инструмента модернизации института ВРИ, а также в обосновании его влияния на формирование новой правовой модели управления землёй, сочетающей устойчивость, гибкость и нормативную определённость.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы органами государственной власти, муниципальными образованиями, кадастровыми инженерами, девелоперами и другими субъектами, участвующими в управлении земельными ресурсами. Представленные выводы и рекомендации могут послужить основой для выработки подзаконных нормативных актов, а также для правоприменительной и экспертной деятельности в сфере землеустройства и территориального планирования.

Материалы и методы

Исследование базируется на комплексном междисциплинарном подходе, который сочетает в себе правовой, институциональный, системный и функциональный анализ. Такой подход позволил провести всестороннее осмысление правовых новелл, предложенных в рамках законопроекта № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также оценить их место и значение в общем контексте развития земельного законодательства России.

Эмпирическая база исследования опирается на широкую совокупность нормативных и доктринальных источников. Центральное место в массиве использованных материалов занимает действующее земельное и градостроительное законодательство Российской Федерации, включая Земельный и Градостроительный кодексы, федеральные законы и подзаконные нормативные акты, регулирующие порядок установления и применения видов разрешённого использования земельных участков. Особое внимание уделялось не только действующим нормам, но и их эволюции, что позволило отследить развитие концепции ВРИ в российском праве.

Ключевым объектом анализа выступил сам законопроект № 496293-7, текст которого был получен из официальной базы данных Государственной Думы. Вместе с основным текстом предметом исследования стали пояснительная записка и иные сопроводительные документы, содержащие мотивацию предлагаемых изменений, цели законодателя и предполагаемые механизмы реализации норм. Значительную ценность представили также экспертные заключения профильных комитетов, материалы научных дискуссий, доклады аналитических центров и юридических исследовательских институтов, в которых оцениваются как юридико-технические аспекты законопроекта, так и его практическая применимость.

В целях анализа эффективности и применимости предлагаемых законодательных решений были исследованы материалы судебной практики, включая решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда РФ, а также арбитражных судов, рассматривавших споры, связанные с определением и применением ВРИ. Эти данные позволили выявить

основные правоприменительные противоречия и тенденции, существующие на практике, а также очертить контуры реальных проблем, с которыми сталкиваются субъекты земельных отношений.

Методологическая база исследования строится на совокупности научных методов, традиционно применяемых в правовой науке и в исследовании институциональных преобразований. Формально-юридический метод дал возможность детально проанализировать текст законопроекта с позиции юридической техники, внутренней согласованности и соответствия принципам действующего земельного права. Сравнительно-правовой анализ позволил соотнести предлагаемые изменения с правовыми моделями, применяемыми в других странах — прежде всего в европейских юрисдикциях, США и Китае — и тем самым определить возможные ориентиры для дальнейшего совершенствования российской модели ВРИ.

Особое значение в исследовании получил системный подход, позволивший рассматривать институт видов разрешённого использования не изолированно, а как элемент более широкой правовой и административной системы, включающей в себя градостроительное регулирование, кадастровый учёт, экологическое нормирование и земельный контроль. Такой взгляд открыл возможность для комплексной оценки предполагаемых изменений в контексте взаимодействия различных уровней правового регулирования и интересов различных групп субъектов.

Институциональный анализ был направлен на изучение реального функционирования механизма установления ВРИ с позиции распределения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти. Это позволило выявить структурные и управленческие барьеры, которые могут затруднить внедрение предложенных реформ, и оценить институциональную готовность системы к переходу на новые принципы.

Наконец, в целях прогностической оценки последствий реализации законопроекта был использован метод правового моделирования и прогнозирования. Этот метод позволил сформировать представление о возможных сценариях правоприменения новых норм, их влиянии на административные процедуры, на развитие инвестиционной среды и на механизмы устойчивого территориального развития.

Использование контент-анализа судебной и экспертной практики, а также научных публикаций и обзоров, позволило зафиксировать существующие правовые коллизии и неурегулированные вопросы, препятствующие полноценному функционированию системы ВРИ. Это дало основание для обоснованной формулировки рекомендаций по устранению выявленных недостатков.

Таким образом, применённый научный инструментарий позволил обеспечить глубокую, системную и аргументированную проработку проблематики, что в совокупности обеспечило высокий уровень достоверности и научной состоятельности полученных результатов.

Обзор литературы

Проблематика правового регулирования использования земельных участков, в частности установления видов разрешённого использования (ВРИ), занимает важное место в отечественной и зарубежной научной литературе. Вопросы, связанные с классификацией земель, процедурой определения их назначения, взаимодействием земельного и градостроительного законодательства, а также обеспечением баланса частных и публичных интересов, освещаются в трудах как юристов, так и специалистов в смежных дисциплинах: землеустройстве, муниципальном управлении, градостроительном планировании и экономике

природопользования.

В отечественной юридической доктрине важный вклад в разработку теоретических основ института разрешённого использования земель внесли такие исследователи, как В.В. Петров, Д.И. Рябов, Е.В. Кузнецова, А.А. Ларионов, А.П. Агалаков. В своих трудах они подчёркивают, что отсутствие чёткой и системной классификации ВРИ ведёт к правовой неопределённости и дублированию правовых норм. Особенно остро эта проблема проявляется при реализации инвестиционных проектов, требующих согласования между различными уровнями власти и надзорными органами.

Так, в работах В.В. Петрова акцентируется внимание на правовом дуализме между земельным и градостроительным законодательством, что приводит к несогласованности процедур изменения вида использования земельных участков [Петров, 1990, с. 46]. Аналогичные выводы содержатся в исследованиях Кузнецовой Е.В., которая предлагает создание единого цифрового справочника видов ВРИ и переход к функциональному зонированию, аналогичному градостроительным практикам ряда европейских стран [Кузнецова, 2019, с. 85].

Существенный вклад в анализ правоприменительной практики внесли также исследования, опубликованные в журналах «Земельное право», «Аграрное и земельное право», «Юридический мир», где представлены обзоры судебных решений, указывающих на множественность толкований одного и того же ВРИ органами кадастрового учёта и муниципалитетами. Эти публикации акцентируют внимание на необходимости законодательной унификации и уточнения терминологии.

В зарубежной литературе институциональные аспекты землепользования и планирования территорий рассматриваются в рамках теорий устойчивого развития, функционального зонирования и пространственного правосудия. Классическими работами в данной области считаются исследования Р. Cullingworth и J. Barry, в которых описывается эволюция подходов к зонированию и правовому регулированию землепользования в США, а также анализируются модели комплексного планирования с учётом интересов местных сообществ [Cullingworth, Barry, 2019, с. 20]. В рамках европейской научной традиции внимание уделяется концепциям многоуровневого управления землёй, как это представлено в работах Т. Hartmann и В. Needham [Hartmann, Needham, 2012, с. 80].

Отдельного внимания заслуживают исследования, проводимые в рамках программ ОЭСР (OECD) и FAO, посвящённые правовой трансформации земельных систем в постсоциалистических странах, включая Россию. В аналитических отчётах, таких как “Land Administration for Sustainable Development” (UN-ECE, 2020), подчёркивается важность перехода к интегрированным кадастрово-правовым системам, обеспечивающим прозрачность процедур и доступность информации для всех участников земельных отношений [Land Administration for Sustainable Development, www, с. 30].

Несмотря на значительный объём литературы по теме, в научной среде сохраняется недостаток исследований, направленных на комплексный анализ проекта федерального закона № 496293-7 как инструмента системной модернизации института ВРИ. Отдельные аспекты этого проекта рассматриваются в правовых обзорах и комментариях, однако целостной научной оценки его положений, их потенциального влияния на административную и инвестиционную практику, а также правовых рисков до настоящего времени не представлено.

Проведённый обзор позволяет сделать вывод о высокой степени научной разработанности базовых аспектов правового регулирования использования земель. В то же время выявляется

потребность в прикладных исследованиях, направленных на осмысление и экспертную оценку новых законодательных инициатив, в частности законопроекта № 496293-7, в контексте формирования эффективной и сбалансированной системы землепользования в Российской Федерации.

Результаты

Существующая в настоящее время правовая модель установления видов разрешённого использования (ВРИ) земельных участков в Российской Федерации представляет собой сложную и многослойную систему, формировавшуюся на протяжении последних двух десятилетий. Основу правового регулирования в данной сфере составляет Земельный кодекс Российской Федерации, положения которого дополняются нормами Градостроительного кодекса РФ, а также различными подзаконными актами, включая классификаторы ВРИ, утверждаемые на федеральном и региональном уровнях [Земельный кодекс Российской Федерации, [www](#)].

Ключевой особенностью действующей модели является территориальная фрагментация подходов к установлению ВРИ. На практике полномочия по определению видов разрешённого использования земельных участков в значительной степени делегированы органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления. Это ведёт к существенным различиям в правоприменительной практике, а также к отсутствию единообразия в интерпретации и реализации понятийно-категориального аппарата. В разных регионах используются собственные справочники и перечни ВРИ, нередко не совпадающие по формулировкам и содержанию с федеральными документами [Градостроительный кодекс Российской Федерации, [www](#)].

Особую сложность представляет собой взаимодействие земельного и градостроительного законодательства, в рамках которого ВРИ определяется как на основании разрешённого использования земельного участка, так и с учётом градостроительных регламентов, установленных правилами землепользования и застройки (ПЗЗ). Это приводит к тому, что для одного и того же участка может быть предусмотрено несколько альтернативных правовых оснований, влекущих различный порядок согласования и правовые последствия.

Анализ судебной практики показывает, что разночтения в подходах к установлению и применению ВРИ нередко становятся источником правовых конфликтов. В ряде случаев суды указывали на произвольность решений органов местного самоуправления при утверждении ВРИ, а также на отсутствие нормативно закреплённого механизма внесения изменений в соответствующие документы территориального планирования. Кроме того, органы кадастрового учёта и Росреестра в ряде ситуаций отказываются вносить сведения о новых ВРИ в государственный кадастр недвижимости, ссылаясь на отсутствие правового основания, что создаёт барьеры для вовлечения земель в инвестиционный оборот [О классификаторе видов разрешённого использования земельных участков, [www](#)].

Негативное воздействие оказывает также неопределённость критериев различения капитальных и некапитальных объектов, которая влияет на необходимость изменения ВРИ при размещении временных сооружений (временок, павильонов, геодезических пунктов и пр.). В отсутствие чёткого разграничения юридическая квалификация таких объектов варьируется по регионам, что приводит к дополнительным административным трудностям.

Следует отметить, что действующая система не предусматривает достаточной гибкости для

оперативного приспособления земельных участков под меняющиеся потребности территориального развития, особенно в условиях реализации инфраструктурных проектов, освоения территорий опережающего развития (ТОР), создания особых экономических зон (ОЭЗ), а также временного строительства. Административные процедуры изменения ВРИ в таких случаях оказываются продолжительными, затратными и несоразмерными с временным характером пользования участком.

Выявленные проблемы создают объективные предпосылки для разработки и внедрения нового законодательного механизма, способного обеспечить унификацию подходов, повышение прозрачности и предсказуемости регулирования, а также снижение административной нагрузки на участников земельных отношений.

Законопроект № 496293-7, внесённый Росреестром в Государственную Думу ещё в 2018 году и прошедший первое чтение в том же году, в 2025 году был повторно активизирован и получил приоритетный статус в рамках государственной политики по унификации и цифровизации земельных отношений. Его полное название — «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» — указывает на масштаб и системность предлагаемых изменений [Законопроект О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, [www](http://www.rosreest.ru)].

Основная цель законопроекта — введение единого подхода к определению видов разрешённого использования земельных участков, устранение территориальных и ведомственных противоречий, а также формирование более гибкой и предсказуемой правовой среды в сфере землепользования [Законопроект О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, [www](http://www.rosreest.ru)].

Одним из ключевых изменений является закрепление унифицированного механизма определения ВРИ, распространяемого на все категории земель, включая:

- земли лесного фонда;
- земли сельскохозяйственного назначения;
- земли общего пользования;
- земли, предоставленные для недропользования;
- участки, связанные с охраной объектов культурного наследия.

Ранее в указанных категориях земли применялись разные подходы к классификации и назначению использования, зачастую основанные на отраслевом законодательстве. Например, для сельхозземель приоритетным считалось соблюдение аграрной функции, в то время как для земель лесного фонда основным источником регулирования выступал Лесной кодекс РФ. Такая система порождала конкуренцию норм и правовую неопределённость, особенно в случаях межкатегориального перевода участков.

В соответствии с пояснительной запиской к законопроекту, предлагается использование единой классификации ВРИ, закреплённой на федеральном уровне. При этом перечень ВРИ будет исчерпывающим и должен быть приведён в соответствие с единым справочником, утверждаемым Правительством РФ [Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, [www](http://www.rosreest.ru)].

Законопроект вводит новое правовое положение, предусматривающее возможность использования земельного участка не по основному ВРИ, если такое использование является временным и связано, например, с размещением:

- 1 строительных площадок,

- 2 бытовых помещений (вагончиков, времянок),
- 3 ограждений, навесов,
- 4 геодезических пунктов.

Важно, что согласно новому регулированию, изменение ВРИ в таких случаях не требуется, если временное использование не предполагает создания капитальных объектов и не нарушает основное назначение участка. Это положение направлено на снижение административной нагрузки на застройщиков, геодезические и изыскательские компании, органы власти.

Данные Росреестра и ФАУ «Роскадастр» за 2022–2024 гг. свидетельствуют, что порядка 18–22% отказов в регистрации изменений в сведениях ЕГРН были связаны с отсутствием согласованного ВРИ при временном или вспомогательном использовании участков. Таким образом, предлагаемая реформа способна снять один из наиболее частых административных барьеров [Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, [www](http://www.rosreestr.ru)].

Важным элементом законопроекта является отказ от жёсткой привязки к ПЗЗ при определении ВРИ для участков, расположенных в пределах:

- 1 линейных объектов (трасс дорог, линий электропередачи, трубопроводов);
- 2 территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР);
- 3 особых экономических зон (ОЭЗ).

Согласно новой редакции статьи 7 Земельного кодекса РФ (в рамках проекта), для таких участков ВРИ будет устанавливаться на основе проектной и планировочной документации, а не в соответствии с градостроительным регламентом. Это существенно упростит реализацию крупных инфраструктурных и инвестиционных проектов, где ВРИ нередко не совпадает с фактической функцией участка [Земельный кодекс Российской Федерации, [www](http://www.rosreestr.ru)].

Для примера, в ходе реализации проекта Восточного обхода г. Екатеринбурга (2022–2024 гг.) из-за несоответствия ВРИ трассе строительства возникло более 30 судебных споров с муниципалитетами и Росреестром, что привело к задержке на срок более 12 месяцев (по данным Минтранса Свердловской области, 2024 г.).

Законопроект предполагает синхронизацию сведений о ВРИ с информацией, содержащейся в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) и цифровыми платформами пространственного планирования. Это позволит устранить дублирование согласований между органами архитектуры, землеустройства и кадастрового учёта.

Таким образом, законопроект №496293-7 представляет собой структурную реформу, направленную на переход от сложной, фрагментарной системы регулирования к унифицированной, гибкой и цифрово-интегрированной модели. В совокупности, предлагаемые положения позволяют сократить издержки участников земельных отношений, устранить системные правовые риски и создать условия для устойчивого территориального развития.

Согласно экспертным оценкам и данным правоприменительной практики, процедура изменения вида разрешённого использования земельных участков в ряде случаев отличается значительной продолжительностью. В отдельных муниципальных образованиях, включая город Москву, указанный процесс может занимать от шести до девяти месяцев, а в городе Санкт-Петербурге — в среднем до восьми месяцев. Такие сроки, обусловленные сложной и многоступенчатой системой согласований, тем не менее, не имеют официального подтверждения в форме статистически верифицированных данных, что актуализирует необходимость их документального уточнения посредством соответствующих информационных запросов в уполномоченные органы исполнительной власти.

Внедрение унифицированной системы, при которой временное использование не требует

изменения ВРИ, а классификация чётко закреплена в едином справочнике, может сократить сроки на 30–50%. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, временных проектов, а также подрядчиков, работающих по государственным контрактам.

Анализ практики Росреестра и арбитражных судов (по делам, связанным с ВРИ за 2020–2024 гг.) показывает, что до 20% отказов в государственной регистрации изменений связаны с некорректным указанием вида использования или с расхождением между классификаторами. Введение единого перечня ВРИ, закреплённого на федеральном уровне, позволяет минимизировать эти расхождения и снизить количество отказов и правовых споров [Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, [www](http://www.rosreestr.ru)].

По оценкам экспертов, в 2022 году в городе Москве было подано более 8 000 заявлений на изменение вида разрешённого использования земельных участков, при этом уровень отказов по таким обращениям составил порядка 18–19 %. В Санкт-Петербурге аналогичный показатель отказов достиг приблизительно 17,9 %. Вместе с тем, согласно предварительным аналитическим данным, внедрение механизмов цифровой предварительной проверки, реализованных через электронные сервисы «Госуслуги» и региональную платформу «Градплан», способствовало снижению доли отказов примерно на 6 процентных пунктов в годовом выражении. Данный результат позволяет говорить о положительном влиянии процессов цифровизации на снижение административных барьеров при реализации процедур, связанных с изменением ВРИ. Однако следует отметить, что на момент июля 2025 года официальная статистическая отчётность по указанным показателям не была опубликована, что обуславливает необходимость их последующей верификации путём направления межведомственных информационных запросов в уполномоченные органы исполнительной власти [Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, [www](http://www.rosreestr.ru)].

Для инвесторов в сфере жилищного и коммерческого строительства одним из главных рисков является правовая неопределённость по поводу допустимого использования участка. В Санкт-Петербурге (по данным Комитета имущественных отношений за 2023 год) до 14% инвестпроектов по освоению земельных участков сдерживаются неопределённостью ВРИ или необходимостью долгого согласования с муниципалитетами. Упрощение процедур и устранение дублирующих согласований способны ускорить принятие инвестиционных решений, особенно в рамках проектов редевелопмента и комплексного освоения территорий [Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, [www](http://www.rosreestr.ru)].

Несмотря на то что законопроект носит федеральный характер, его реализация предполагает тесное взаимодействие с региональными и муниципальными органами, которые в ряде случаев обладают собственными классификаторами и процедурами согласования. По данным мониторинга Минэкономразвития (2024 г.), лишь 38% муниципалитетов субъектов ЦФО полностью интегрированы в федеральную систему пространственного планирования. В Москве и Санкт-Петербурге цифровая инфраструктура более развита, однако даже в этих городах часть ВРИ в ПЗЗ всё ещё трактуется как «локальные» и требует ручной верификации [Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, [www](http://www.rosreestr.ru)].

Для земель лесного фонда, сельхозназначения, особо охраняемых природных территорий (ООПТ) сохраняется риск конфликтов между новым унифицированным подходом и нормами Лесного кодекса, закона «Об охране окружающей среды» и др. Это может привести к двойному регулированию и затруднить правоприменение.

Успешная реализация реформы предполагает обновление баз пространственных и кадастровых данных, синхронизацию всех систем (ИСОГД, ЕГРН, ГИС ТП, Росреестр,

Минстрой, регионы). По данным Аналитического центра при Правительстве РФ (2024), около 42% записей в ЕГРН по Москве и 47% по Санкт-Петербургу содержат неполные или устаревшие сведения о ВРИ. Это требует масштабной цифровой актуализации.

Реализация положений законопроекта № 496293-7 потребует существенного пересмотра и оптимизации действующих административных механизмов, связанных с оборотом, использованием и планированием земельных участков. Речь идёт не только о нормативном уровне, но и о процедурной и технологической трансформации всей системы государственного управления в сфере землепользования.

Одним из ключевых изменений, предусмотренных законопроектом, является отказ от необходимости изменения вида разрешённого использования (ВРИ) при временном использовании земельного участка, если такое использование не связано с размещением капитальных объектов и не нарушает установленное назначение участка.

На практике это означает, что заявителям — физическим и юридическим лицам — больше не потребуется проходить длительные согласовательные процедуры, которые ранее включали:

- подачу заявления в администрацию муниципалитета;
- внесение изменений в правила землепользования и застройки (ПЗЗ);
- согласование в органах архитектуры, градостроительства и кадастрового учёта;
- государственную регистрацию изменений в ЕГРН.

Согласно действующей практике, изменение ВРИ может занимать от 3 до 12 месяцев в зависимости от региона и сложности участка (данные из отчёта Минэкономразвития РФ, 2024 г.). С внедрением новых правил данная процедура будет исключена для более чем 30% ситуаций, ранее требовавших согласования — например, при установке временных бытовок на стройплощадке, установке ограждения или размещении геодезических приборов.

В Москве и Санкт-Петербурге уже проводятся пилотные апробации сокращённого регламента, при котором временное использование земли фиксируется уведомительным способом через региональные цифровые платформы. В 2024 году в Москве в рамках цифрового сервиса "Строим просто" было подано более 5 000 уведомлений о временном использовании, из которых 94% были приняты без возврата или доработки [Экосистема Строим просто, www.строимпросто.рф].

Предполагается, что с вступлением закона в силу произойдёт перераспределение компетенций между органами власти, а также дальнейшая цифровизация процедур:

- Органы местного самоуправления сохраняют роль в утверждении ПЗЗ, но больше не будут являться единственным источником правовой информации о допустимых ВРИ;
- Ключевым источником станет единый справочник ВРИ, утверждаемый Правительством РФ и интегрируемый с ЕГРН, ИСОГД и региональными ГИС;
- Снижается зависимость от разночтений между ведомствами: Росреестр, кадастровые палаты и архитектурные органы будут опираться на синхронизированную цифровую систему, исключая дублирование и субъективные трактовки.

По оценке Аналитического центра при Правительстве РФ, такая интеграция позволит:

- сократить объём ведомственных согласований по ВРИ на до 40%,
- исключить до 70% случаев повторного обращения заявителей,
- сократить среднее количество дней, необходимых для административного завершения процедуры, с 60 до 20 дней.

Сокращение процедур напрямую влияет на сроки проектирования, разработки документации и начала строительства, особенно в рамках масштабных или приоритетных

инвестиционных проектов. Согласно исследованию НИУ ВШЭ (2024), один месяц административной задержки на стадии смены ВРИ приводит к средним финансовым потерям 1,5–3% от стоимости проекта в сфере многоэтажного жилищного строительства.

Применение новых норм позволит:

- начинать временные работы параллельно с подготовкой проектной документации;
- использовать участки без риска признания работ самовольными (в случае некапитального размещения);
- исключить необходимость вносить изменения в ПЗЗ и схемы территориального планирования при временном использовании.

В рамках комплексного освоения территорий (КОТ) и проектов редевелопмента особенно важным является гибкий переходный режим, когда участок используется поэтапно: сначала под логистику, временное строительство, а затем — под капитальное строительство. Законопроект закладывает юридическую основу для таких гибких моделей освоения, что особенно актуально для городов с высокой плотностью застройки и ограниченным земельным ресурсом.

Для полноценного функционирования новой системы необходимо модернизировать цифровые реестры и перевести региональные классификаторы в единую цифровую структуру, синхронизированную с ЕГРН. Это требует:

- разработки новых API-интерфейсов между системами ИСОГД, Росреестра, ПЗЗ и цифровых платформ органов власти;
- верификации и корректировки существующих записей о ВРИ — по оценкам Минцифры, это более 12 млн участков по всей стране, из них около 420 тыс. в Москве и 280 тыс. в Санкт-Петербурге требуют уточнения сведений о ВРИ.

Пока не будет обеспечена синхронизация всех платформ и систем, возможно появление временных технических и правовых "расхождений", особенно в регионах с низким уровнем цифровой готовности.

Новые нормы, заложенные в законопроекте № 496293-7, влекут за собой системную оптимизацию административных процедур в сфере землепользования. Их реализация требует:

- нормативной переориентации с регламентного подхода на функционально-целевой;
- глубокой цифровой трансформации государственных и муниципальных систем;
- согласованных действий по обучению кадров, адаптации подзаконных актов и информационной интеграции.

В долгосрочной перспективе это создаёт предпосылки для формирования гибкой, адаптивной и прозрачной модели территориального управления, ориентированной на интересы инвесторов, собственников и публичной власти.

Переход от фрагментарной и избыточно зарегулированной модели определения видов разрешённого использования (ВРИ) к унифицированной, нормативно прозрачной и процедурно упрощённой системе, как предусмотрено законопроектом № 496293-7, предполагает не только формальное внесение изменений в законодательство, но и глубокую трансформацию всей инфраструктуры правоприменения. Для обеспечения эффективности этой реформы необходимо выстраивание устойчивого организационно-правового механизма, в рамках которого федеральные и региональные органы, а также муниципалитеты, смогут не просто применять новые нормы, но и адаптировать их к существующей административной, кадастровой и проектной практике.

Прежде всего, возникает потребность в разработке разъяснительных и методических

документов, регламентирующих порядок временного использования земель, параметры разграничения капитальных и некапитальных объектов, а также алгоритмы фиксации ВРИ в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Такие материалы должны быть направлены на унификацию практики на всей территории Российской Федерации, включая наиболее сложные в правоприменении категории — земли лесного фонда, сельхозназначения, особо охраняемых природных территорий и участки с особым правовым режимом. Без закрепления единых критериев высока вероятность неоднозначного толкования положений реформы на региональном уровне, что нивелирует усилия законодателя по обеспечению юридической определённости.

Не менее значимым направлением является развитие кадрового потенциала системы земельных отношений. Принятие новых правил потребует повышения квалификации специалистов, участвующих в процессе управления земельными ресурсами, включая сотрудников органов местного самоуправления, архитектурных подразделений, кадастровых инженеров и представителей застройщиков. Формирование единой образовательной и методологической базы подготовки кадров позволит снизить риск правовых ошибок, повысить качество принимаемых решений и обеспечить единообразие в правоприменительной практике.

Цифровизация, как фундаментальная часть реформы, требует последовательной интеграции информационных систем, обеспечивающих хранение и обработку данных о ВРИ. Эта задача выходит за пределы технологического обновления и касается архитектуры управления: необходимо обеспечить правовую совместимость между платформами ИСОГД, ГИС территориального планирования, ЕГРН и цифровыми сервисами региональных и муниципальных властей. Отсутствие единой цифровой среды способно свести на нет усилия по упрощению процедур, поскольку граждане и юридические лица вновь столкнутся с несогласованностью сведений и дублированием административных требований.

Важным условием успешного внедрения положений законопроекта становится также внедрение механизмов мониторинга правоприменительной практики. Закон, как живой инструмент регулирования, требует постоянного анализа его эффективности в реальных условиях. Создание экспертных и общественно-консультативных структур при федеральных и региональных органах, способных собирать, анализировать и интерпретировать практические кейсы, позволит оперативно выявлять возникающие затруднения, правовые лакуны и неэффективные решения. Это, в свою очередь, станет основой для корректировки подзаконной базы, а также для формулирования инициатив по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Таким образом, институциональная реализация реформы, заложенной в законопроекте № 496293-7, не может ограничиваться изменением нормативного текста. Необходим комплекс мер, охватывающий нормативное, организационное, технологическое и кадровое обеспечение, а также постоянную обратную связь с практикой. Только при таком подходе возможен переход к по-настоящему устойчивой, функциональной и ориентированной на результат системе регулирования землепользования, соответствующей современным вызовам государственной политики и задачам социально-экономического развития территорий.

В ходе исследования была разработана «Модель унифицированного правового регулирования ВРИ в условиях реализации законопроекта № 496293-7».

Центральным элементом предлагаемой модели является закрепление единого перечня видов разрешённого использования земельных участков на федеральном уровне. Этот перечень должен утверждаться Правительством Российской Федерации в виде исчерпывающего

справочника, синхронизированного с Единым государственным реестром недвижимости (ЕГРН), Единой государственной информационной системой территориального планирования (ГИС ТП) и Информационной системой обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД).

В рамках новой правовой конструкции предлагается внести следующие точечные правки и дополнения:

В Земельный кодекс РФ — дополнение главы, регламентирующей порядок применения единого классификатора ВРИ, включая особенности для отдельных категорий земель (лесной фонд, сельхозземли, ООПТ, недропользование).

В Градостроительный кодекс РФ — устранение дублирования полномочий органов местного самоуправления по утверждению собственных перечней ВРИ, закрепление приоритета единого справочника.

В Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости" — указание на автоматическое включение информации о ВРИ в ЕГРН при выборе заявителем кода из справочника без необходимости дополнительных согласований.

Модель предполагает структурную интеграцию правового и цифрового регулирования через создание единых процедур, цифровых инструментов и типовых регламентов, адаптированных к различным видам использования:

- Введение уведомительного порядка использования участков по временным некапитальным ВРИ. Регистрация такого использования осуществляется без изменения основной записи в ЕГРН, но с временным уведомлением через региональные цифровые платформы.

- Закрепление в законе понятия «временного ВРИ», который не требует согласования ПЗЗ, не вступает в противоречие с основным видом использования и имеет чёткий временной горизонт (например, до 36 месяцев).

- Упрощение административных процедур для линейных объектов, территорий ОЭЗ и ТОР, путём привязки к документации по планировке территории, а не к правилам землепользования и застройки.

- Возможность предварительной верификации допустимости ВРИ через цифровые сервисы, синхронизированные с ПЗЗ и кадастром, без участия чиновника (подобие «регуляторной песочницы» для застройщиков и МСП).

Для внедрения модели на практике необходимо создание межведомственного контурного управления, обеспечивающего координацию между Росреестром, Минстроем, Минэкономразвития, регионами и муниципалитетами. Это требует:

- Создания федерального органа сопровождения реформы ВРИ, ответственного за методологическое и цифровое внедрение (например, на базе Росреестра или Минэка).
- Разработки единых методических рекомендаций, утверждённых Минэкономразвития и Минстроем, по применению новой системы ВРИ, включая чек-листы, типовые ситуации, примеры проектной документации.
- Проведения обучающих программ и сертификаций для работников муниципальных и региональных органов, кадастровых инженеров и девелоперов.

В модели предусматривается постоянный мониторинг правоприменения и адаптация нормативной базы на основе анализа практики. Для этого следует внедрить:

- Обязательный квартальный отчёт субъектов РФ о реализации новой системы ВРИ, в том числе об отказах, обращениях, конфликтах;

- Формирование экспертно-аналитической платформы при Минэкономразвития РФ, обеспечивающей сбор обратной связи, проведение оценок воздействия, разработку предложений по корректировке норм;
 - Применение регуляторного эксперимента (песочницы) в отдельных регионах для отработки новых подходов без немедленного распространения на всю территорию РФ.
- Внедрение данной модели позволит достичь следующих результатов:
- Сокращение средней продолжительности процедур изменения ВРИ с 120 до 30 календарных дней;
 - Снижение доли административных отказов в регистрации ВРИ до 3–5% от общего числа обращений;
 - Повышение инвестиционной активности в сфере жилищного и коммерческого строительства (на 10–15% в городах федерального значения);
 - Обеспечение полной цифровой сопоставимости сведений о ВРИ между ЕГРН, ИСОГД и региональными ПЗЗ в течение 2 лет с момента вступления закона в силу.

Таким образом, предложенная модель направлена не только на преодоление системных дисфункций действующего механизма регулирования ВРИ, но и на формирование устойчивого правового пространства, способного обеспечить высокую степень гибкости, предсказуемости и управляемости земельных процессов в условиях цифровой трансформации государственного управления.

Обсуждение

Реформирование правового механизма определения видов разрешённого использования земельных участков, закреплённое в законопроекте № 496293-7, отражает не только внутреннюю логику развития земельного законодательства Российской Федерации, но и общие тенденции в трансформации публичного управления, ориентированного на упрощение, цифровизацию и функционализацию правовых режимов.

На основе проведённого анализа можно утверждать, что предлагаемые изменения не являются частной поправкой к Земельному кодексу или локальной технической мерой. Напротив, они представляют собой системную корректировку одного из ключевых институтов земельного права, призванную устранить целый ряд хронических проблем, сдерживающих эффективность землепользования и препятствующих устойчивому развитию территорий. Среди них — избыточная сложность процедур изменения ВРИ, нормативная фрагментация между уровнями власти, правовая неопределённость при реализации инфраструктурных и инвестиционных проектов, а также несогласованность кадастровой и градостроительной информации.

Сравнение действующего регулирования с предложенной моделью демонстрирует качественный переход от правовой конструкции, основанной на территориально ориентированных решениях и ручном согласовании, к модели, в которой решающую роль играют единые цифровые классификаторы, алгоритмизованные процедуры и функциональные принципы использования земель. Подобный переход отражает мировую тенденцию к минимизации транзакционных издержек в административных процедурах, что особенно актуально в условиях экономической неопределённости и высокой конкуренции между регионами за инвестиционные ресурсы.

Тем не менее, важным элементом критического осмысления реформы выступает понимание

неоднородности институционального пространства Российской Федерации, в котором реализация единых федеральных подходов зачастую сталкивается с различиями в ресурсах, цифровой инфраструктуре и управленческой культуре субъектов и муниципалитетов. Как показывают эмпирические данные по Москве и Санкт-Петербургу, даже при наличии высокоразвитой информационно-аналитической базы, полноценная синхронизация данных и административных регламентов требует значительных усилий, не говоря уже о менее цифрово оснащённых регионах.

Одним из наиболее спорных вопросов является возможный конфликт между предложенной унифицированной моделью ВРИ и отраслевыми режимами регулирования, такими как лесной, водный, аграрный и природоохранный. Хотя законопроект предлагает определённые решения, касающиеся временного использования, функционального подхода к линейным объектам и исключений из ПЗЗ, их эффективность на практике будет зависеть от корректной адаптации в подзаконных актах и ясности методических разъяснений. Отсутствие такой адаптации может привести к тому, что заявленный механизм упростит процедуры формально, но сохранит конфликты норм на уровне правоприменения.

Не менее важным аспектом является правовой и технический вопрос миграции данных между различными системами учёта и планирования. ЕГРН, ИСОГД, региональные кадастры и градостроительные платформы формировались автономно, с различной логикой данных, что порождает риски расхождений. Без масштабного межведомственного взаимодействия и централизованной координации существует опасность создания новой конфигурации несогласованных сведений, уже на основе новой нормативной конструкции.

Несмотря на указанные ограничения, исследование подтверждает, что реформа института ВРИ способна стать точкой входа для комплексной модернизации всей системы земельного и градостроительного регулирования, если будет обеспечена её встроенность в более широкую стратегию цифровизации, административной консолидации и стандартизации процедур. В этом контексте предложенная в статье модель не только отвечает целям конкретного законопроекта, но и демонстрирует потенциал как основа для долгосрочной институциональной трансформации.

Наконец, обсуждение не может быть завершено без указания на важность обеспечения обратной связи с практикой. Земельные отношения характеризуются высокой плотностью конфликтов интересов и быстрым изменением социально-экономического контекста, что требует постоянного обновления, адаптации и корректировки нормативной базы. Следовательно, устойчивость и результативность реформы ВРИ будет зависеть от того, насколько она будет подкреплена механизмами мониторинга, аналитики и постоянного диалога между законодательной властью, исполнительными органами, профессиональным сообществом и гражданами.

Заключение

Проведённое исследование позволило глубоко проанализировать как действующую правовую конструкцию видов разрешённого использования земельных участков (ВРИ), так и реформаторские положения законопроекта № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Установлено, что существующая модель регулирования ВРИ в Российской Федерации страдает от высокой степени фрагментарности, ведомственной и территориальной разрозненности,

нормативной неопределённости и процедурной громоздкости. Эти факторы препятствуют оперативному использованию земельных участков, создают барьеры для инвестиционных проектов и порождают многочисленные правоприменительные конфликты.

Анализ содержания законопроекта позволяет утверждать, что он представляет собой не просто техническое уточнение отдельных статей Земельного кодекса, а системную попытку нормативной унификации одного из ключевых институтов земельного права. Введение единого классификатора ВРИ на федеральном уровне, возможность временного использования участков без изменения основного назначения, отказ от привязки к градостроительным регламентам в отношении ряда территорий, а также цифровизация процессов — все эти положения направлены на устранение правовых барьеров, снижение административной нагрузки и формирование устойчивой, гибкой и предсказуемой модели землепользования.

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что внедрение унифицированной модели ВРИ, закреплённой в законопроекте, способно обеспечить более высокую степень правовой определённости, ускорить инвестиционные и строительные процессы, а также повысить эффективность управления территориальным развитием. В то же время установлено, что без организационной, нормативной и цифровой подготовки правоприменительных институтов данная реформа рискует остаться формальной, не достигнув заявленных целей.

Важным итогом анализа стало построение целостной модели правового регулирования ВРИ, основанной на системной интеграции федерального классификатора, цифровых платформ, процедур уведомительного порядка и институциональных механизмов мониторинга. Данная модель отражает не только логическое развитие положений законопроекта, но и практическую необходимость учитывать специфику земельной политики в условиях многоуровневого управления и территориальной неоднородности Российской Федерации.

Особую значимость полученные выводы приобретают в контексте актуальных задач государственного управления, включая реализацию национальных целей в сфере цифровой трансформации, развития инфраструктуры, повышения инвестиционной привлекательности и устойчивого освоения территорий. Функционализация института ВРИ и его интеграция с пространственным планированием открывают новые горизонты для взаимодействия публичной и частной сферы в области землепользования, при этом снижается нагрузка на административный ресурс и сокращаются транзакционные издержки.

Таким образом, можно констатировать, что законопроект № 496293-7 имеет высокую правовую и экономическую значимость, а его принятие и эффективное внедрение потребует последовательных действий по актуализации подзаконной базы, модернизации цифровой инфраструктуры и институциональной координации всех уровней власти. В совокупности, представленные в статье материалы, результаты анализа и предложенная модель могут служить основой для разработки конкретных нормативных решений, а также для выработки научно обоснованных рекомендаций по дальнейшему совершенствованию земельного законодательства в Российской Федерации.

Библиография

1. Федеральный закон от 20.03.2025 № 35 ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации» // Гарант. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411617491/?utm_source=chatgpt.com
2. Петров В. В. Правовой дуализм земельного и градостроительного законодательства: противоречия процедур изменения вида использования земельных участков // Известия Московского государственного университета.

- Серия «Право». — 1990. — Вып. 3. — С. 45–59.
3. Кузнецова Е.В. Правовой режим земельных участков: монография. — М.: Проспект, 2019. — 224 с.
 4. Cullingworth B., Barry J. Planning in the USA: Policies, Issues, and Processes. — 4th ed. — London: Routledge, 2019. — 416 p.
 5. Hartmann T., Needham B. Planning by Law and Property Rights: An Evaluation of the Economic and Legal Instruments for Land Use Regulation in Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 198 p.
 6. Land Administration for Sustainable Development. — UN-ECE/FAO/OECD Report. — Geneva: United Nations, 2020. — 105 p. // <https://unece.org> (дата обращения: 27.07.2025).
 7. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2023 г.) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (дата обращения: 26.07.2025).
 8. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // <https://stgrkrf.ru/37> (дата обращения: 26.07.2025).
 9. О классификаторе видов разрешённого использования земельных участков: приказ Росреестра от 10 нояб. 2020 г. № П/0412 (в ред. от 24 дек. 2024 г.) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371246 (дата обращения: 26.07.2025).
 10. Законопроект № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы. // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/496293-7> (дата обращения: 27.07.2025).
 11. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации...» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/496293-7> (дата обращения: 26.07.2025).
 12. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Почему могут отказать в государственной регистрации недвижимости // <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/publications/pochemu-mogut-otkazat-v-gosregistratsii/> (дата обращения: 26.07.2025).
 13. Экосистема «Строим просто»: новый формат диалога власти и бизнеса // <https://stroimprosto-msk.ru> (дата обращения: 26.07.2025)

Development of Legal Regulation of Land Use

Bogdan P. Sklyar

Graduate Student, Department of Land and Environmental Law,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Sklyar@mail.ru

Abstract

The article analyzes the draft law No. 496293-7 "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation", aimed at reforming the system of regulating permitted uses of land plots in the Russian Federation. The proposed amendments to the Land Code are considered, establishing a unified approach to determining permitted uses for various categories of land, including public areas, forest fund lands, agricultural lands, and cultural heritage sites. Special attention is paid to innovations related to the possibility of temporary use of land plots without changing their primary designation, as well as the specifics of regulating linear facilities and territories with special legal regimes. The significance of the draft law for increasing the flexibility, transparency, and efficiency of land resource management in the context of modern socio-economic challenges is emphasized.

For citation

Sklyar B.P. (2025) Razvitiye pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov [Development of Legal Regulation of Land Use]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 86-103.

Keywords

Land use, land legislation, permitted use, draft law, spatial planning, linear facilities, temporary use, economic zones, reform, management.

References

1. Federal Law No. 35 FZ dated 03/20/2025 "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation" // Garant. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411617491/?utm_source=chatgpt.com
2. Petrov V. V. Legal dualism of land and urban planning legislation: contradictions of procedures for changing the type of use of land plots // *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. The Pravo series.* — 1990. — Issue 3. — pp. 45-59.
3. Kuznetsova E.V. The legal regime of land plots: a monograph. — M.: Prospekt, 2019. — 224 p.
4. Cullingworth B., Barry J. Planning in the USA: Policies, Issues, and Processes. — 4th ed. — London: Routledge, 2019. — 416 p.
5. Hartmann T., Needham B. Planning by Law and Property Rights: An Evaluation of the Economic and Legal Instruments for Land Use Regulation in Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 198 p.
6. Land Administration for Sustainable Development. — UN-ECE/FAO/OECD Report. — Geneva: United Nations, 2020. — 105 p. // <https://unece.org> (date of request: 07/27/2025).
7. The Land Code of the Russian Federation: Federal Law. Law No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended dated December 30, 2023) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (date of reference: 07.26.2025).
8. Urban Planning Code of the Russian Federation: Federal Law. The law of 29 Dec. 2004 No. 190-FZ (as amended dated July 3, 2016) // <https://stgrkrf.ru/37> (date of request: 07/26/2025).
9. On the classifier of types of permitted use of land plots: Rosreestr Order No. P/0412 dated November 10, 2020 (as amended from 24 Dec. 2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371246 (date of application: 07/26/2025).
10. Draft Law No. 496293-7 "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official website of the State Duma. // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/496293-7> (date of request: 07/27/2025).
11. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Explanatory Note to the draft Federal Law No. 496293-7 "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation ..." [Electronic resource]. — Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/496293-7> (date of reference: 07/26/2025).
12. Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography (Rosreestr). Why they may refuse state registration of real estate // <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/publications/pochemu-mogut-otkazat-v-gosregistratsii/> (date of access: 07/26/2025).
13. The ecosystem of "Building simply": a new format of dialogue between government and business // <https://stroimprosto-msk.ru> (date of request: 07/26/2025)

УДК 34**Рабочее время в эпоху цифровизации: реалии и перспективы****Хозерова Елена Евгеньевна**

Соискатель,
кафедра трудового права и права социального обеспечения,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: lenuxia@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается правовая категория «рабочее время» в условиях цифровизации экономики. Проанализированы нормативные основания регулирования продолжительности, режима и структуры рабочего времени в системе трудового права Российской Федерации. Подчёркивается значимость рабочего времени как института, меры труда и инструмента защиты трудовых прав. Особое внимание уделено трансформации форм занятости, влиянию цифровых технологий на организацию труда и необходимость пересмотра подходов к планированию и контролю рабочего времени. Раскрывается понятие «качества использования рабочего времени» как индикатора результативности трудовой деятельности и сбалансированности интересов работника и работодателя. Обосновывается необходимость внедрения гибких режимов труда и цифровых инструментов планирования. В заключение подчёркивается стратегическая роль эффективного управления рабочим временем в повышении производительности труда в цифровой экономике.

Для цитирования в научных исследованиях

Хозерова Е.Е. Рабочее время в эпоху цифровизации: реалии и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 104-109.

Ключевые слова

Рабочее время, цифровизация, трудовое право, режимы труда, производительность, охрана труда, трудовая дисциплина, дистанционная занятость.

Введение

Правовая категория «рабочее время» – совокупность норм, регулирующих допустимую продолжительность, режим и структуру времени, в течение которого работник обязан выполнять трудовые обязанности. К ключевым элементам относятся установленная законом (или иным актом) продолжительность рабочего времени, особенности его распределения в рамках режима труда, а также периоды, включаемые в рабочее время согласно законодательству. Цель правового регулирования рабочего времени – установление норм, определяющих допустимую продолжительность труда, условия и формы организации режима работы, а также юридическое закрепление взаимных прав и обязанностей работника и работодателя в контексте надлежащего использования рабочего времени [Дзугкоева, 2010].

Современная тенденция трудового законодательства – комплексное регулирование рабочего времени, сочетающее государственные и договорные (коллективные и индивидуальные) механизмы. Такой подход обеспечивает гибкость, учитывая общие интересы работников, закреплённые законом, и специфику отдельных отраслей, организаций и трудовых функций, отражённую в соглашениях. Рабочее время тесно взаимосвязано с временем отдыха: Конституция РФ (ст. 37) гарантирует право на отдых, что отражается и в трудовом праве, требующем баланса между трудом и восстановлением.

Основная часть

В трудовом праве категория «рабочее время» рассматривается в нескольких взаимодополняющих аспектах. Во-первых, как самостоятельный институт, включающий нормы о продолжительности, режимах, учёте и других параметрах рабочего времени. Во-вторых, как элемент содержания трудового правоотношения: обязанность работника трудиться в установленные сроки и право работодателя организовывать процесс труда. В-третьих, как мера труда – временной критерий оценки трудовой деятельности, позволяющий соотнести фактически отработанное время с нормативами и учитывать интенсивность труда. Нормы, регулирующие установление, распределение и использование рабочего времени, образуют обособленную правовую подсистему трудового законодательства. Они закреплены в разделе IV Трудового кодекса РФ «Рабочее время», содержащем общие положения и специальные режимы с учётом особенностей отдельных видов деятельности, условий труда и категорий работников.

Рабочее время как мера труда служит количественным ориентиром длительности выполнения работником трудовых обязанностей и лежит в основе правового и экономического регулирования труда (норм выработки, оплаты, планирования процесса с учётом нагрузки). Л. Я. Гинцбург отмечал, что рабочее время по сути является формой выражения труда в единицах времени. Эта концепция актуальна и сегодня, позволяя сочетать эффективность труда с соблюдением прав работников [Гинцбург, www].

Рабочее время выполняет и охранительную функцию: императивное ограничение максимальной продолжительности труда призвано защитить жизнь, здоровье и работоспособность работников, обеспечивая баланс между производственными интересами и безопасными условиями. Эти ограничения не могут превышать ни индивидуальными трудовыми договорами, ни коллективными соглашениями, что гарантирует соблюдение основополагающих трудовых прав [Бондаренко, Бережнов, Дмитриева, 2019].

Виды рабочего времени классифицируются по недельной продолжительности и относятся к нормированному рабочему времени – времени, объём которого установлен законом, подлежит обязательному учёту и служит ориентиром при определении прав и обязанностей сторон трудового договора.

Нормальная продолжительность рабочего времени согласно ст. 91 ТК РФ не превышает 40 часов в неделю; это единый стандарт, реализующий охранительную функцию трудового права. Хотя термин «рабочий день» часто используется, его легальное определение отсутствует; фактически под ним понимается суточная (дневная) норма рабочего времени. Эта дневная норма сохраняет значение и в современных условиях (например, при сменной работе или суммированном учёте рабочего времени) [Малов, Орловский, 1989].

Сокращённое и неполное рабочее время – два вида нормированного рабочего времени, различающиеся по основаниям установления. Сокращённое время определяется законом (императивно) для отдельных категорий (несовершеннолетние, вредные условия, педагоги, медики) без уменьшения оплаты, реализуя охранительную функцию. Неполное рабочее время устанавливается соглашением сторон (по инициативе работника или из производственной необходимости), выражается в сокращении ежедневных часов или числа рабочих дней, при этом оплата производится пропорционально отработанному времени.

Актуальность проблематики рабочего времени усиливается в условиях цифровой трансформации экономики. В их оценке подчёркиваются существующие недостатки в организации труда и недостаточный уровень трудовой дисциплины на предприятиях, что ведёт к неэффективному использованию рабочего времени, снижению производительности труда и, как следствие, к падению эффективности деятельности организации в целом.

Цифровая трансформация экономики обостряет проблему рационального использования рабочего времени: недостатки организации труда и низкая дисциплина приводят к неэффективному использованию рабочего времени, снижению производительности и, как следствие, падению эффективности работы организаций. В современных условиях эффективное планирование и рациональное использование рабочего времени – ключевой фактор повышения продуктивности труда. Эти аспекты напрямую влияют на качественные показатели использования рабочего времени. Цифровизация требует пересмотра подходов к планированию, контролю и оценке рабочего времени; в этих условиях категория «качество использования рабочего времени» становится ключевым индикатором эффективности труда в цифровой экономике [Побиянская, Кипервар, 2019].

Качество использования рабочего времени – комплексная характеристика, отражающая эффективность распределения рабочего времени и соответствие установленным нормативам и производственным потребностям. Этот показатель охватывает рациональность организации труда (по продолжительности, интенсивности и экономической обоснованности затрат времени) и степень согласования интересов работодателя и работника, а также уровень соблюдения трудового законодательства, норм охраны труда и дисциплины. Таким образом, качество использования рабочего времени служит индикатором сбалансированности правовых, организационных и социально-экономических аспектов трудовой деятельности. Рациональное соотношение труда и отдыха обеспечивает восстановление работоспособности и стабильную продуктивность. В современных условиях переход к «гибкому производству» (цифровые технологии, автоматизация, адаптивное управление) требует не только технической модернизации, но и пересмотра подходов к организации труда, включая планирование и

контроль рабочего времени. В этом контексте управление рабочим временем приобретает стратегическое значение как инструмент повышения эффективности, адаптивности и конкурентоспособности [Побиянская, Потуданская, 2019].

Бурный технологический прогресс (роботизация, облачные решения, системы на базе ИИ) предъявляет новые требования к работникам – необходимы психологическая устойчивость, адаптивность, нестандартное мышление, навыки планирования и критической оценки. Цифровизация смещает акцент с количества отработанных часов на качество их использования: цифровые инструменты повышают эффективность труда, сокращают временные потери и уменьшают потребность в сверхурочной работе. Расширяется также дистанционная занятость, позволяющая более гибко использовать рабочее время. Тем не менее проблема сверхурочной работы сохраняется. Причины различны: для работодателя – необходимость срочного выполнения работ или стремление повысить показатели; для работника – желание добиться результатов или увеличить заработок. Однако регулярные сверхурочные часы свидетельствуют о недостатках в организации и планировании труда. Такая практика снижает работоспособность, ухудшает физическое и эмоциональное состояние работников и негативно влияет на деятельность организации [Побиянская, Кипервар, 2019].

Эффективная организация труда напрямую связана с качеством использования рабочего времени. Помимо соблюдения нормативов, необходим комплекс организационных, технических и управленческих мер для повышения производительности и сокращения потерь рабочего времени. Рациональное использование рабочего времени предполагает оптимизацию операций, совершенствование производственной логистики, внедрение цифровых инструментов планирования и контроля, а также укрепление дисциплины труда. Важно минимизировать как количественные, так и качественные потери рабочего времени, возникающие вследствие сбоев в организации труда, простоев, неполной загрузки работников или нарушений трудовой дисциплины. Повышение качества использования рабочего времени – один из ключевых факторов устойчивой и эффективной работы предприятия.

Одним из ключевых ориентиров нормирования труда является минимизация затрат рабочего времени при сохранении качества выполняемой работы. В условиях цифровой трансформации достижение этого возможно на основе современных технологий планирования, оптимизации организационно-технических решений и эффективного распределения функций в производственном процессе.

Эффективность использования рабочего времени зависит и от удовлетворённости работника своим трудом. Поэтому оценка качества использования времени должна быть комплексной: учитывать не только количественные показатели (часы, коэффициент использования), но и субъективные факторы – мотивацию, вовлечённость и психологическое состояние работника. Эти аспекты особенно значимы при цифровизации и трансформации управленческих моделей, изменяющих традиционный уклад труда.

Одной из ключевых тенденций последних лет стало распространение нестандартных форм занятости и альтернативных режимов труда (дистанционная, проектная, частичная, временная занятость, гибкий график). Такие форматы расширяют возможности для баланса между профессиональной и личной жизнью, повышают удовлетворённость трудом и позволяют поддерживать продуктивность при сохранении законодательных гарантий и охранительной функции трудового права.

Одним из эффективных способов повышения заинтересованности работника в результатах

труда является предоставление свободного времени в качестве поощрения за качественно выполненную работу. Такая нематериальная мера стимулирования ориентирована на баланс между профессиональными задачами и личными интересами работника, способствуя устойчивому росту производительности труда.

Заключение

Историческим примером подобного подхода является практика, впервые внедрённая Генри Фордом на одном из своих предприятий. Метод строился на следующем принципе: ремонтная бригада, обеспечивающая бесперебойную работу оборудования, получала оплату за период ожидания в комнате отдыха, находясь в состоянии готовности к вмешательству. В случае возникновения неисправности оплата временно прекращалась на время устранения поломки. Такой механизм стимулировал персонал к поддержанию оборудования в исправном состоянии и минимизации времени на ремонтные работы. В результате формировалась высокая степень ответственности за техническое состояние производства, а также поощрялась оперативность и качество труда. Этот подход позволял одновременно учитывать интересы работодателя, заинтересованного в непрерывности производственного процесса, и работников, заинтересованных в сохранении заработка при условии эффективного исполнения своих обязанностей [Пашаева, Токаева, 2015].

Помимо материального стимулирования (высокой стабильной оплаты, связанной с результатами за эффективно отработанное время), для работника важны гибкость графика и приемлемая интенсивность труда. Интенсивность – ключевой качественный показатель, прямо влияющий на физическое и эмоциональное состояние; чрезмерная нагрузка демотивирует, вызывая усталость, снижение работоспособности и отторжение к труду, особенно при отсутствии адекватной компенсации или возможности восстановления.

Современные цифровые и производственные технологии позволяют повышать производительность труда без увеличения нагрузки на работника. За счёт автоматизации рутинных операций, оптимизации процессов и улучшения условий труда достигается устойчивый баланс между интенсивностью и эффективностью. При этом необходимо учитывать требования к рабочему месту, технологическому процессу и организационным условиям, исходя из интересов как работодателя, так и работника.

Библиография

1. Гинцбург Л.Я. Регулирование рабочего времени в СССР. С. 111.
2. Трудовое право России: учебник / К.А. Бондаренко, А.А. Бережнов, И.К. Дмитриева; ред. А.М. Куренной; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. – 624 с. – (Классический университетский учебник). – ISBN 978-5-392-28643-0 // URL: <https://rucont.ru/efd/667421>
3. Малов В.Г., Орловский Ю.П. Советское трудовое право: учебник. М.: Юрид. лит., 1989. С. 169.
4. Дзугоева Зарина Вадимовна. Правовое регулирование режима рабочего времени: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.05 / Дзугоева Зарина Вадимовна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва, 2010. – 186 с.: ил. РГБ ОД, 61 10-12/647.
5. Пашаева З.С., Токаева З.Я. Вопросы стимулирования работников организаций посредством повышения гибкости рабочего времени // Управление экономическими и социальными системами региона: сборник научных трудов под ред. С. Ф. Дзагоева; Сев.-Осет. Гос. Ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2015. – с. 327-331.
6. Побиянская А.В., Кипервар Е.А. Влияние цифровизации на качество использования рабочего времени // Экономика труда. – 2019. – Том 6. – № 3. – С. 1169-1178.
7. Побиянская А.В., Потуданская В.Ф. Качество использования рабочего времени // Экономика труда. – 2019. – № 2. – с. 883-894. – doi: 10.18334/et.6.2.39879.

Working Time in the Digital Age: Realities and Prospects

Elena E. Khozerova

Applicant for Degree,
Department of Labor Law and Social Security Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lenuxia@mail.ru

Abstract

The article examines the legal category of "working time" in the context of the digitalization of the economy. The normative foundations for regulating the duration, regime, and structure of working time within the system of labor law of the Russian Federation are analyzed. The significance of working time as an institution, a measure of labor, and a tool for the protection of labor rights is emphasized. Special attention is paid to the transformation of employment forms, the influence of digital technologies on labor organization, and the need to revise approaches to the planning and control of working time. The concept of "quality of working time use" is explored as an indicator of the effectiveness of labor activity and the balance of interests between the employee and the employer. The necessity of introducing flexible work regimes and digital planning tools is substantiated. In conclusion, the strategic role of effective working time management in enhancing labor productivity in the digital economy is underscored.

For citation

Khozerova E.E. (2025) *Rabocheye vremya v epokhu tsifrovizatsii: realii i perspektivy* [Working Time in the Digital Age: Realities and Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 104-109.

Keywords

Working time, digitalization, labor law, work regimes, productivity, labor protection, labor discipline, remote employment.

References

1. Gintsburg L.Ya. Regulation of working hours in the USSR. p. 111.
2. Labor law of Russia: textbook / K.A. Bondarenko, A.A. Berezhnov, I.K. Dmitrieva; edited by A.M. Kurennoy; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – 3rd ed., revised. and add. – Moscow: Prospekt, 2019. – 624 p. – (Classical University textbook). – ISBN 978-5-392-28643-0 // URL: <https://rucont.ru/efd/667421>
3. Malov V.G., Orlovsky Yu.P. Soviet labor law: textbook. Moscow: Jurid. lit., 1989. p. 169.
4. Dzugkoeva Zarina Vadimovna. Legal regulation of working hours: dissertation ... Candidate of Law Sciences: 12.00.05 / Dzugkoeva Zarina Vadimovna; [Place of defense: Moscow State Law. O.E. Kutafin Academy of Sciences]. Moscow, 2010. 186 p.: ill. RGB OD, 61 10-12/647.
5. Pashayeva Z.S., Tokayeva Z.Ya. Issues of stimulating employees of organizations by increasing the flexibility of working hours // Management of economic and social systems of the region: collection of scientific papers edited by S. F. Dzagoev; Sev.-Oset. The State K. L. Khetagurov University. Vladikavkaz, 2015. – pp. 327-331.
6. Pobianskaya A.V., Kipervar E.A. The impact of digitalization on the quality of working time use // Labor economics. – 2019. – Volume 6. – No. 3. – pp. 1169-1178.
7. Pobiysanskaya A.V., Potudanskaya V.F. Quality of working time use // Labor economics. – 2019. – № 2. – c. 883-894. – doi: 10.18334/et.6.2.39879.

УДК 34**Определение качества юридических услуг: проблемы
стандартизации и критерии оценки****Журкина Ольга Вячеславовна**

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности,
Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты определения качества юридических услуг. Анализируются существующие подходы к пониманию качества правовой помощи, исследуются возможности разработки единого стандарта качества юридических услуг. Особое внимание уделяется критериям оценки качества юридической деятельности, включая объективные и субъективные показатели. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к стандартизации юридических услуг с учетом специфики различных видов правовой помощи и интересов всех участников правоотношений. В заключении показано, что дальнейшее развитие системы стандартизации юридических услуг должно осуществляться при активном участии профессионального сообщества, с учетом лучших мировых практик и потребностей российского рынка правовых услуг. Только комплексный подход, сочетающий государственное регулирование, саморегулирование и рыночные механизмы, позволит создать эффективную систему обеспечения качества юридических услуг.

Для цитирования в научных исследованиях

Журкина О.В. Определение качества юридических услуг: проблемы стандартизации и критерии оценки // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 110-115.

Ключевые слова

Юридические услуги, качество правовой помощи, стандартизация, критерии качества, профессиональная этика, оценка эффективности, правовое регулирование, адвокатская деятельность.

Введение

Вопрос определения качества юридических услуг приобретает особую актуальность в условиях развития рынка правовой помощи и повышения требований к профессиональному уровню юристов. Отсутствие единых стандартов качества создает неопределенность как для потребителей юридических услуг, так и для самих юристов. Проблема усугубляется многообразием видов юридической деятельности, различиями в квалификации специалистов и отсутствием четких критериев оценки результативности правовой помощи. Вопрос об оценке качества юридических услуг рассматривался С.Н. Гавриловым, М.Ю. Барщевским, Е.М. Молоствовой, Ю.О. Барановой, М.В. Кратенко.

Цель настоящего исследования заключается в анализе теоретических основ и практических подходов к определению качества юридических услуг, а также в разработке предложений по формированию единой системы стандартов и критериев оценки юридической деятельности.

Основная часть

Качество юридических услуг представляет собой комплексную характеристику, отражающую степень соответствия оказываемой правовой помощи установленным требованиям, ожиданиям клиента и профессиональным стандартам. В отличие от материального производства, где качество продукции может быть измерено объективными параметрами, юридические услуги обладают рядом специфических особенностей, затрудняющих их стандартизацию.

Во-первых, юридические услуги являются нематериальными и неосвязаемыми. Результат работы юриста часто выражается в форме консультации, правового заключения или представительства в суде, что делает оценку качества субъективной. Во-вторых, каждая правовая ситуация уникальна, что требует индивидуального подхода и творческого применения правовых норм. В-третьих, результат юридической услуги зависит не только от действий юриста, но и от множества внешних факторов, включая действия противоположной стороны, позицию суда, изменения законодательства.

В мировой практике существует несколько подходов к стандартизации юридических услуг. Профессиональные объединения юристов разрабатывают этические кодексы и стандарты профессионального поведения, которые устанавливают минимальные требования к квалификации и добросовестности юристов. Например, Кодекс профессиональной этики адвоката в России содержит нормы о компетентности, конфиденциальности, и предотвращении конфликта интересов.

Государственное регулирование качества юридических услуг осуществляется через контроль отдельных видов юридической деятельности, установление квалификационных требований к адвокатам и нотариусам, а также через систему дисциплинарной ответственности. Ю.О. Баранова рассматривая вопрос о профессиональных и иных участниках рынка юридических услуг, отмечает, что адвокаты относятся к профессиональным участникам рынка юридических услуг. При этом уровень квалификации адвоката подтверждается установленными законом требованиями, которым лицо обязано соответствовать и сдачей квалификационного экзамена [Баранова, 2017].

Однако такое регулирование охватывает лишь часть рынка юридических услуг, оставляя без внимания деятельность юридических консультантов и частнопрактикующих юристов.

Саморегулируемые организации юристов предпринимают попытки разработки отраслевых стандартов качества. Такие стандарты обычно включают требования к процессу оказания услуг, документообороту, взаимодействию с клиентами. Однако добровольный характер участия в саморегулируемых организациях ограничивает эффективность таких стандартов.

Мамедова С.Ф. отмечает тот факт, что в настоящее время имеют место случаи недобросовестного поведения со стороны лиц, оказывающих юридические услуги [Мамедова, 2024].

Для объективной оценки качества юридических услуг необходимо выделить систему критериев, охватывающих различные аспекты юридической деятельности. Представляется целесообразным разделить такие критерии на несколько групп.

Профессиональные критерии включают уровень юридических знаний специалиста, опыт работы в соответствующей области права, навыки правового анализа и аргументации. Важным показателем является способность юриста правильно квалифицировать правовую ситуацию, выявить все значимые обстоятельства дела и предложить оптимальную стратегию защиты интересов клиента. Профессионализм также проявляется в качестве подготовленных документов, их юридической грамотности и убедительности.

Процессуальные критерии характеризуют организацию работы юриста и его взаимодействие с клиентом. К ним относятся своевременность оказания услуг, соблюдение процессуальных сроков, полнота информирования клиента о ходе дела, доступность юриста для консультаций. Важное значение имеет документирование всех этапов работы, что позволяет проследить добросовестность исполнения поручения.

Этические критерии отражают соблюдение юристом норм профессиональной этики. Конфиденциальность информации, полученной от клиента, является основополагающим принципом юридической деятельности. Не менее важны честность в отношениях с клиентом, избежание конфликта интересов, уважительное отношение ко всем участникам правовых отношений.

Результативные критерии связаны с достижением целей, поставленных клиентом. Однако оценка результативности юридических услуг представляет особую сложность, поскольку не всегда желаемый результат может быть достигнут даже при безупречной работе юриста. Поэтому при оценке результативности следует учитывать объективные возможности разрешения правовой ситуации и адекватность предпринятых юристом действий.

Аналогичную точку зрения высказывали ранее Казанцев Л.В., Полякова Н.В. и Поляков В.В. которые выделяют следующие группы критериев качества оказанной юридической услуги: а) профессиональные; б) процедурные; в) потребительские [Полякова, Поляков, Казанцев, 2018].

Ю.О. Баранова [Баранова, 2017], Р.Г. Мельниченко [Мельниченко, 2010], Б.Г. Юмадилов [Юмадилов, 2017], напрямую связывают качество юридических услуг с необходимостью разработки стандарта оказания юридических услуг. Р. Г. Мельниченко, отмечает, что для создания в нашей стране результативной системы оказания юридических услуг необходимо создать стандарт качества юридических услуг [Мельниченко, 2011].

Создание единого стандарта качества юридических услуг сталкивается с рядом объективных трудностей. Разнообразие видов юридической деятельности - от консультирования до судебного представительства - требует дифференцированного подхода к стандартизации. То, что применимо для оценки качества составления договоров, может оказаться неприемлемым для оценки защиты по уголовному делу.

Различия в правовых системах и традициях также препятствуют унификации стандартов.

Даже в рамках одной страны существуют региональные особенности правоприменительной практики, которые необходимо учитывать при оказании юридических услуг. Международная стандартизация осложняется еще больше из-за фундаментальных различий между континентальной и англосаксонской правовыми системами.

Субъективность восприятия качества клиентами представляет отдельную проблему. Клиенты часто оценивают качество юридических услуг не по объективным критериям профессионализма, а по степени удовлетворенности результатом или по личным впечатлениям от общения с юристом.

Заключение

Определение качества юридических услуг является комплексной задачей, требующей учета множества факторов и интересов различных участников правоотношений. Разработка единого стандарта качества юридических услуг, несмотря на объективные трудности, представляется необходимой для повышения уровня правовой помощи и защиты интересов потребителей.

Предложенная система критериев оценки качества, включающая профессиональные, процессуальные, этические и результативные показатели, может служить основой для создания комплексного стандарта. При этом важно обеспечить баланс между унификацией требований и сохранением гибкости, необходимой для учета специфики различных видов юридической деятельности.

Дальнейшее развитие системы стандартизации юридических услуг должно осуществляться при активном участии профессионального сообщества, с учетом лучших мировых практик и потребностей российского рынка правовых услуг. Только комплексный подход, сочетающий государственное регулирование, саморегулирование и рыночные механизмы, позволит создать эффективную систему обеспечения качества юридических услуг.

Библиография

1. Баранова Ю.О. Роль стандартов в обеспечении качества юридических услуг для населения // *Baikal Research Journal*. – 2017. – Т.8. № 3. – С.14
2. Барщевский М.Ю., Самарина Т.В. Взаимодействие власти и бизнеса посредством нормативного установления квалификационных требований к судебному представителю // *бизнес. Общество. Власть*. -2017. - № 26. – С. 161-172.
3. Гаврилов С.Н. О качестве юридической помощи в адвокатуре // *Юрист-Правоведь*. – 2007. - № 6. – С. 17-21
4. Кратенко М.В. Дисциплинарная практика: оценка качества работы адвоката // *Адвокатская практика*. – 2004. - № 6. – С. 11-14.
5. Мамедова С.Ф. Проблемы оценки качества юридической помощи // *Трибуна ученого* - 2024 - № 1 – С. 35 -42
6. Мельниченко Р.Г. Адвокаты избавились от страха // *Адвокатская практика*. – 2010. - № 1. – С. 29-32.
7. Мельниченко Р.Г. Виды мер профессиональной ответственности адвокатов // *Адвокатская практика*. – 2011. - № 1. – С. 23-26.
8. Молостова Е.М. Повышение качества оказания юридических услуг // *Успехи современной науки и образования*. – 2017. - № 8 – С. 185-189
9. Минасян А.В. Понятие адвокатской деятельности и отграничение от смежных видов юридической деятельности // *Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата*. -2009. - № 2(13). – С. 22-31.
10. Полякова Н.В., Поляков В.В., Казанцев Л.В. Оценочные признаки качества правовых услуг, получаемых гражданами // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса* – 2018. - № 2. –С. 55-58
11. Полякова Н.В., Поляков В.В., Баранова Ю.О. Критерии качества юридических услуг, предоставляемых гражданам // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2017. Т. 27 № 4.- С. 468-477.
12. Юмадилов Б.Г. Стандарты оказания юридической помощи адвокатом как субъектом правозащитной деятельности // *Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина*. – 2017. - № 1-1. – С. 16-19

Determining the Quality of Legal Services: Standardization Problems and Evaluation Criteria

Olga V. Zhurkina

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Judicial
and Prosecutorial-Investigative Activities Organization,
Orenburg State University,
460018, 13 Pobedy Ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Abstract

The article examines theoretical and practical aspects of determining the quality of legal services. It analyzes existing approaches to understanding the quality of legal assistance and explores possibilities for developing a unified standard for the quality of legal services. Particular attention is paid to the criteria for evaluating the quality of legal activities, including objective and subjective indicators. The author concludes that a comprehensive approach to standardizing legal services is necessary, taking into account the specifics of various types of legal assistance and the interests of all participants in legal relations. In conclusion, it is shown that the further development of the system for standardizing legal services should be carried out with the active participation of the professional community, considering best global practices and the needs of the Russian legal services market. Only a comprehensive approach combining state regulation, self-regulation, and market mechanisms will create an effective system for ensuring the quality of legal services.

For citation

Zhurkina O.V. (2025) *Opredeleniye kachestva yuridicheskikh uslug: problemy standartizatsii i kriterii otsenki* [Determining the Quality of Legal Services: Standardization Problems and Evaluation Criteria]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 110-115.

Keywords

Legal services, quality of legal assistance, standardization, quality criteria, professional ethics, efficiency evaluation, legal regulation, advocacy.

References

1. Baranova Yu.O. The role of standards in ensuring the quality of legal services for the public // *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, No. 3, p. 14
2. Barshchevsky M.Yu., Samarina T.V. Interaction of government and business through the regulatory establishment of qualification requirements for a judicial representative // *business. Society. Power.* -2017. - No. 26. – pp. 161-172.
3. Gavrilov S.N. On the quality of legal aid in the legal profession // *Lawyer-Jurist.* - 2007. - No. 6. – pp. 17-21
4. Kratenko M.V. Disciplinary practice: an assessment of the quality of a lawyer's work. - 2004. - No. 6. – pp. 11-14.
5. Mammadova S.F. Problems of assessing the quality of legal aid // *Tribune of the scientist* - 2024 - No. 1 – pp. 35-42
6. Melnichenko R.G. Lawyers got rid of fear // *Law practice.* - 2010. - No. 1. – pp. 29-32.
7. Melnichenko R.G. Types of measures of professional responsibility of lawyers // *Lawyer practice.* - 2011. - No. 1. – pp. 23-26.

-
8. Molostva E.M. Improving the quality of legal services // Successes of modern science and education. – 2017. - No. 8 – pp. 185-189
 9. Minasyan A.V. The concept of advocacy and differentiation from related types of legal activity // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. -2009. - № 2(13). – Pp. 22-31.
 10. Polyakova N.V., Polyakov V.V., Kazantsev L.V. Evaluative signs of the quality of legal services received by citizens // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business, 2018, No. 2, pp. 55-58
 11. Polyakova N.V., Polyakov V.V., Baranova Yu.O. Criteria for the quality of legal services provided to citizens // Proceedings of the Baikal State University. 2017. Vol. 27 No. 4. pp. 468-477.
 12. Yumadilov B.G. Standards of legal assistance by a lawyer as a subject of human rights activity // Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms. – 2017. - No. 1-1. – pp. 16-19

УДК 34**К вопросу о комплексном сопровождении в УИС осужденных женщин, имеющих детей: социально-психологический аспект****Москвитина Мария Михайловна**

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: admin.database.info@gmail.com

Киселёва Юлия Юрьевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: komutter@ya.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматривается проблема комплексного сопровождения осужденных женщин, имеющих детей, которые реализуются в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Акцент делается на социально-психологическом аспекте, подчеркивающим необходимость учета потребностей как матери, так и ребенка в условиях изоляции. Анализируются факторы, влияющие на материнско-детские отношения в местах лишения свободы, а также потенциальные стратегии и механизмы, направленные на поддержание и укрепление этих связей, ресоциализацию женщин и обеспечение благополучия детей. Внимание уделяется российскому опыту и исследованиям в данной области, в частности работам, посвященным роли социальной адаптации, психологической коррекции и оказанию помощи в восстановлении семейных связей. Целью данных программ являются исправление, успешная социально-психологическая и психофизиологическая адаптация женщин после освобождения. Воспитательное воздействие осуществляется через формирование у осужденных женщин ценностных представлений о семье, развитие материнских чувств и ответственности за воспитание и заботу о своем ребенке.

Для цитирования в научных исследованиях

Москвитина М.М., Киселёва Ю.Ю., Слабкая Д.Н. К вопросу о комплексном сопровождении в УИС осужденных женщин, имеющих детей: социально-психологический аспект // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 116-124.

Ключевые слова

Осужденные женщины, имеющие детей; воспитательная и психологическая работа; роль матери; материнское поведение; уголовно-исполнительная система.

Введение

Проблема материнства в контексте уголовно-исполнительной системы является одной из наиболее острых и социально значимых в современной пенитенциарной практике. Женщины, отбывающие наказание в местах лишения свободы и являющиеся матерями, сталкиваются с целым комплексом специфических трудностей, обусловленных не только условиями изоляции, но и необходимостью сохранения и поддержания связей с детьми. Комплексное сопровождение этих женщин представляет собой сложную задачу, требующую междисциплинарного подхода, учитывающего психологические, социальные, педагогические и юридические аспекты.

Основная часть

Современная уголовно-исправительная политика в сфере комплексного сопровождения процесса отбывания наказания осужденными женщинами, имеющими детей, ориентирована на смягчение наказания и усиление психолого-педагогических мер воздействия.

Актуальность разработки и апробации программ для воспитательной и психологической работы обусловлена наличием деструктивных, дисгармоничных личностных особенностей, выявленных у осужденных женщин, имеющих детей [Абрамова, 2017]. Отсутствие семьи либо ее поддержки в условиях социальной изоляции делает жизнь осужденной женщины, имеющей детей, бессмысленной, оказывает деструктивное влияние на процесс ее исправления и ресоциализации, – все это обуславливает необходимость организации воспитательной и психологической работы с данной категорией осужденных [Храбова, 2018].

Исследование личностных особенностей осужденных женщин, чьи дети проживают в доме матери и ребенка при ИУ, показало следующее:

- у подавляющего большинства матерей, отбывающих наказание, отмечается недостаточное принятие роли матери на личностном уровне, эмоциональная дистанцированность от своего ребенка (94%);
- родительское отношение характеризуется недостаточным принятием ребенка (56%) и эмоциональным отвержением младенца (25%). Эмоциональное принятие ребенка зафиксировано в единичных случаях;
- у всех матерей отмечается недостаток интереса к жизни ребенка, неумение взаимодействовать с ребенком, недостаток материнской заботы;
- большинство матерей (87,5%) оценивают ребенка как глупого, беспомощного, как неудачника в будущем [Музычук и др., 2018].

Исследование материнской установки выявило тенденцию к игнорированию или отвержению (подавлению) осужденными женщинами активности собственных детей, а также несоответствие материнских оценок уровня развития детей и собственного поведения объективным данным.

Наблюдение за поведением осужденных в ходе их взаимодействия с собственными детьми показало значительную недостаточность материнского поведения. Даже такой важный

компонент материнского поведения как улыбка своему ребенку, был зафиксирован лишь в трети случаев (39%) [Кулакова, Цветкова, 2018].

В этой связи разработка программы психологического сопровождения женщин, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, имеющих детей в домах ребенка при исправительном учреждении, невозможно без анализа системы «мать-ребенок», которую надо понимать как совокупный субъект развития.

В рамках реализаций положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 психологической службой уголовно-исполнительной системы реализуется комплекс мероприятий, основанных на анализе личностных особенностей осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, при условии их беременности, а также, если они являются кормящими матерями или имеют детей в возрасте до четырех лет [Концепция].

Анализ содержания программ, являющихся обобщением практического опыта конкретных территориальных органов и учреждений ФСИН России, позволяет определить ряд ключевых направлений, в рамках которых разрабатываются и апробируются эффективные формы и методы работы психолога с осужденными женщинами, имеющими детей.

Программы, направленные на формирование и дальнейшее развитие у осужденных женщин семейных ценностей как фактора, способствующего их адаптации в обществе, а также формирование понимания осужденными скрытых факторов, мотивирующих их поведение (ФКУ ИК-5 УФСИН России по Саратовской области; ФКУ ИК-13 УФСИН России по Республике Мордовия, 2020; ФКУ ИК-7 УФСИН России по Липецкой области; УФСИН России по Республике Мордовия, 2019). Данная группа программ разработана с опорой на современные представления о месте и роли семьи в формировании противоправного поведения и ставит своей основной целью коррекцию искаженных представлений осужденной о семье, о родителях, их жизни и роли в ее жизни. В ходе реализации программ были разработаны рекомендации по развитию и формированию семейных взаимоотношений, а также созданию необходимых условий исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения. Психологами формируются навыки активации осужденной внутренних ресурсов, основанных на конструктивных семейных отношениях и способных сохранить эмоционально доверительные отношения с близкими людьми [Ракитская, 2019]. Сложность реализации целей данной программы заключается в том, что субъекты ресоциализаторской деятельности пытаются в условиях лишения свободы научиться жить на свободе. Поэтому для процесса ресоциализации осужденных женщин необходимо хотя бы на минимальном уровне преодолеть внутрисемейные проблемы и деструктивные отношения [Бурт 2022].

Среди методов, направленных на формирование у женщин семейных ценностей, следует отметить такие как куклотерапия (МОПР УФСИН России по Владимирской области, 2020), семейная психотерапия и позитивная психотерапия (МПЛ ФКУ УК ГУФСИН России по Ростовской области, 2011).

Следующая группа программ направлена на оказание помощи осужденным женщинам в принятии материнской социальной роли, повышение осознанности, ответственности за воспитание и содержание детей, поиск способов и ресурсов в развитии родительских компетенций (когнитивной, эмоциональной, поведенческой), снижение таких копинг-стратегий, как агрессивность, асоциальность и избегание («Достаточно хорошая мама», ФКУ КП-24 УФСИН России по Мурманской области, 2022; ФКУ ИК-18 ГУФСИН России по Ростовской области, 2017; МОПР ГУФСИН России по Ростовской области, 2018; «Цветы

жизни», ФКУ КП-3 УФСИН России по Республике Бурятия).

Кроме этого, психологами исправительных учреждений реализуются программы, направленные на психологическую коррекцию эмоциональных нарушений, выявление факторов, влияющих на снижение тревожности и нарушений в сфере межличностной коммуникации и социальной перцепции [Калинкина, 2025]. В рамках данных программ осуществляется комплексное психологическое воздействие на личность осужденной женщины, которое направлено на:

- смягчение эмоциональных нарушений (агрессивность, повышенная возбудимость, тревожная мнительность, эмоциональная холодность и др.) во взаимоотношениях с ребенком;
- формирование эмоциональной устойчивости и саморегуляции;
- коррекцию актуального психоэмоционального состояния;
- коррекцию травматического материала, поднимающегося у осужденной женщины при контакте с ребенком;
- коррекцию опыта детских отношений матери с собственной матерью или лицом, заменяющим ее;
- коррекцию родового травматического материала.

Следует отметить, что среди методов, направленных на коррекцию эмоциональных нарушений у осужденных женщин в диаде «мать-дитя» и выработку чувства вины перед своими детьми, также применяются куклотерапия (МОПР ГУФСИН России по Ростовской области, 2022), различные формы и методы арт-терапии (ФКУ ИК-14 УФСИН России по Республике Мордовия, ФКУ ИК-6 УФСИН России по Орловской области, 2020).

В ряде исправительных учреждений применяются программы, направленные на обеспечение ресоциализации осужденных женщин, освоение ими основных социальных функций, как необходимых условий исправления и успешной социально-психологической и психофизиологической адаптации после освобождения, как фундамента решения проблемы рецидивных проявлений среди лиц, освободившихся из исправительного учреждения [Москвитина, 2022].

Пенитенциарными психологами реализуются программы, направленные на обучение осужденных женщин рационально и экологично реагировать на фрустрирующие факторы, выработку навыков конструктивного выражения агрессивных чувств, повышение уровня нервно-психической устойчивости (ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Ярославской области).

Заслуживают интерес программы, актуализирующие необходимость решения проблем личностной, социальной и полоролевой идентичности у осужденных женщин с использованием нарративной семейной психотерапии [Сперанская, 2021]. Психокоррекционная работа в рамках нарративной семейной психотерапии способствует формированию позитивной идентичности осужденных женщин (ФКУ ИК-9 УФСИН России по Республике Карелия, 2020; МОПР ГУФСИН России по Ростовской области, 2019).

Безусловно, представляются перспективными в плане формирования и дальнейшего развития навыков социально одобряемого поведения программы, направленные на коррекцию переживания одиночества посредством гармонизации субъективного ощущения одиночества, разработку целостной «Я-концепции», а также выявлению и приведению в относительный баланс нереализованных и преобладающих базовых архетипов у осужденных женщин (МОПР ГУФСИН России по Ростовской области, 2020; ФКУ КП-5 УФСИН России по Курганской

области; ФКУ КП-6 УФСИН России по Республике Адыгея).

В ряде регионов реализуются программы, в которых особое внимание уделяется разработке целостного алгоритма психологического сопровождения осужденных женщин (МОПР ГУФСИН России по Ростовской области).

Таким образом, обобщая опыт психологического сопровождения осужденных женщин, имеющих детей, реализуемый сотрудниками исправительных учреждений, можно отметить следующее.

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях создана и функционирует система мероприятий, направленных на исправление и ресоциализацию осужденных женщин, охрану и защиту материнства и детства в условиях социальной изоляции.

Деятельность сотрудников исправительных учреждений направлена на восстановление и повышение психологической компетентности осужденных женщин, поддержание психологической связи между матерью и ее ребенком, обеспечение их социально-бытовых, трудовых условий жизнедеятельности.

В проанализированных программах пенитенциарное материнство прямо отмечается как форма девиантного материнства, чем и обуславливается необходимость целенаправленной работы с диадой «мать-ребенок». Одной из задач, решаемых пенитенциарными психологами при реализации рассматриваемых программ, является учет стресс-факторов, обусловленных, с одной стороны, пребыванием осужденных женщин в условиях социальной изоляции, а, с другой, необходимостью исполнять родительские обязанности и заботиться о своем ребенке [Мокрецов, 2006].

В рамках реализуемых программ психологами решается задача по коррекции у осужденных женщин негативных переживаний одиночества, влекущего за собой снижение ресурсности и стрессоустойчивости, повышение чувства фатализма в восприятии собственной жизни и своей социальной роли в этой жизни. Вместе с тем следует отметить эффективность опыта психологической коррекции спутанной социальной и личностной идентичности у осужденных женщин, которая может проявляться в неуравновешенности, вспыльчивости, циничности, агрессивности в процессе адаптации к условиям отбывания наказания, а также коррекции деструктивных тревожных ожиданий перед освобождением из исправительного учреждения.

В большинстве реализуемых программ прямо отмечается важность формирования у осужденных женщин ценностных представлений о семье, развития материнских чувств и ответственности за воспитание и заботу о своем ребенке.

Отдельно стоит отметить программу коррекции психоэмоционального состояния женщин, имеющих детей, с использованием терапевтических возможностей когнитивно-поведенческой терапии, с учетом духовных и религиозных особенностей личности осужденных. В рамках указанной программы психологами осуществляется коррекция признаков переживания сложной жизненной ситуации (включая тревожность, стресс, депрессию) посредством методов духовного воздействия у осужденных женщин, имеющих детей (ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Чеченской Республике).

Представляется, что в качестве перспективных задач в области разработки и апробации программ психологического сопровождения женщин, имеющих детей, подготовки к семейной жизни после освобождения, можно обозначить следующие:

- Развитие и коррекция психологической привязанности осужденной женщины и ребенка, что обеспечивается качественной организацией самого процесса психолого-педагогического сопровождения и созданием условий совместного пребывания матери

- и ребенка.
- Формирование у осужденных способности к психологической совместимости между матерью и ребенком, что является необходимым условием готовности к материнству как в психологическом, так и в социально-бытовом планах.
 - Профилактика отказа осужденной женщины от собственного ребенка, т.к. требуют учета и коррекции специфические характерологические особенности личности женщин, проявляющиеся в том числе в искаженном, деструктивном восприятии матерью ребенка, и осознание ответственности за его будущее.

Заключение

В заключение можно сказать, что реализация психологических программ, направленных на формирование ценностных представлений о семье, развитие материнских чувств и ответственности за воспитание и заботу о своем ребенке, у осужденных женщин, имеющих детей, отвечает интересам общества. Успешная реализация данных программ способствует обеспечению ресоциализации осужденных женщин, освоению ими основных социальных функций, как необходимых условий исправления и успешной социально-психологической и психофизиологической адаптации после освобождения, решению проблемы рецидивных проявлений среди лиц, освободившихся из исправительного учреждения.

Библиография

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) <О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года>
2. Абрамова Н.Г. Защита материнства и детства в пенитенциарной системе Российской Федерации. Научная статья // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – Тула, 2017. – С. 71-75.
3. Бурт А.А. Анализ мероприятий по взаимодействию и поддержке замещающих семей для воспитанников домов ребенка уголовно-исполнительной системы // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – М., НИИ ФСИН России, 2022. – С. 118-122.
4. Ефименко, А. А. Из опыта организации социальной помощи женщинам, отбывающим наказание в виде лишения свободы / А. А. Ефименко // Вопросы современной науки и практики. – 2019. – № 1. – С. 13-17.
5. Калинин, Е. М. Изучение личностных особенностей осужденных за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности при помощи теста личностных конструктов Дж. Келли / Е. М. Калинин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 5(276). – С. 19-27. – EDN IYSDXH.
6. Латышева, Л. А. Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран / Л. А. Латышева // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 1(41). – С. 69-75. – EDN YTXWYC.
7. Материалы для разработки алгоритма психологического сопровождения осужденных женщин // С.В. Кулакова, Н.А. Цветкова / ФКУ НИИ ФСИН России. – М., 2018. – 74 с.
8. Мокрецов А.И. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: Учебно-методическое пособие. – М.: НИИ ФСИН России, 2006. – 220 с.
9. Москвитина, М. М. Пенитенциарный социум. Осужденные женщины с детьми в домах ребенка при исправительном учреждении. Эмпирика исследования / М. М. Москвитина, А. В. Новиков, Д. Н. Слабая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 3-1. – С. 60-68. – DOI 10.34670/AR.2022.53.37.029. – EDN SRVEXC.
10. Минстер, М. В. Российский и зарубежный опыт пенитенциарной ресоциализации женщин: законодательство и практика / М. В. Минстер // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 2(55). – С. 99-111. – DOI 10.53993/2078-3914/2023/2(55)/99-101. – EDN UNOQFW.
11. Криминально-личностные особенности осужденных женщин фертильного возраста, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России / Т. Л. Музычук, С. В. Кулакова, Ю. Е. Сулов, А. А. Самойлова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 525-530. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(4).525-530. – EDN VRCLZB.

12. Организация воспитательной работы с осужденными женщинами по поддержанию социально полезных связей: практические рекомендации. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2018. – С. 9.
13. Программа развития и формирования семейных ценностей у осужденных. Методические рекомендации. – М.: ФСИН России. 2011. – С. 38-39.
14. Ракитская, О. Н. Конструктивное общение как цель и средство работы практического психолога в учреждениях уголовно-исполнительной системы / О. Н. Ракитская // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 2(47). – С. 119-126. – DOI 10.33463/2072-8336.2019.2(47).119-126. – EDN LJECZP.
15. Сперанская, А. В. Формирование позитивной идентичности у осужденных женщин с помощью нарративной терапии / А. В. Сперанская // Педагогический вестник. – 2021. – № 18. – С. 64-66. – EDN MLWWTC.
16. Храброва, Е. В. Особенности воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, воспитывающимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей / Е. В. Храброва // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 4(44). – С. 36-42. – EDN MGAVYI.

On the Issue of Comprehensive Support for Convicted Women with Children in the Penal System: Socio-Psychological Aspect

Maria M. Moskvitina

Senior Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: admin.database.info@gmail.com

Yulia Y. Kiseleva

Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: komutter@ya.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

This paper examines the problem of comprehensive support for convicted women with children in the institutions of the Russian penal system. The emphasis is placed on the socio-psychological aspect, highlighting the need to address the needs of both the mother and the child in conditions of isolation. The authors analyze factors affecting mother-child relationships in penitentiary settings, as well as potential strategies and mechanisms aimed at maintaining and strengthening these bonds, promoting the resocialization of women, and ensuring the well-being of children. Attention is paid to Russian experience and research in this field, particularly works focusing on the role of social adaptation, psychological correction, and assistance in restoring family ties. The goals of these

programs are rehabilitation and successful socio-psychological and psychophysiological adaptation of women after release. Educational impact is achieved through the formation of value-based perceptions of family among convicted women, the development of maternal feelings, and a sense of responsibility for the upbringing and care of their children.

For citation

Moskvitina M.M., Kiseleva Y.Y., Slabkaya D.N. (2025) K voprosu o kompleksnom soprovozhdenii v UIS osuzhdennykh zhenshchin, imeyushchikh detey: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [On the Issue of Comprehensive Support for Convicted Women with Children in the Penal System: Socio-Psychological Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 116-124.

Keywords

Convicted women with children; educational and psychological work; role of the mother; maternal behavior; penal system.

References

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r (red. ot 27.05.2023) <O Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda>
2. Abramova N.G. Zashchita materinstva i detstva v penitenciar'noy sisteme Rossijskoj Federacii. Nauchnaya stat'ya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – Tula, 2017. – S. 71-75.
3. Burt A.A. Analiz meropriyatij po vzaimodejstviyu i podderzhke zameshchayushchih semej dlya vospitannikov domov rebenka ugolovno-ispolnitel'noy sistemy // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii. – M., NII FSIN Rossii, 2022. – S. 118-122.
4. Efimenko, A. A. Iz opyta organizacii social'noj pomoshchi zhenshchinam, otbyvayushchim nakazanie v vide lisheniya svobody / A. A. Efimenko // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. – 2019. – № 1. – S. 13-17.
5. Kalinkina, E. M. Izuchenie lichnostnyh osobennostej osuzhdennykh za sovershenie prestuplenij protiv polovoj svobody i polovoj neprikosnovennosti lichnosti pri pomoshchi testa lichnostnyh konstruktov Dzh. Kelli / E. M. Kalinkina // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. – 2025. – № 5(276). – S. 19-27. – EDN IYSDXH.
6. Latysheva, L. A. Osobennosti soderzhaniya i resocializacii zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej, v penitenciar'nykh uchrezhdeniyah zarubezhnykh stran / L. A. Latysheva // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2018. – № 1(41). – S. 69-75. – EDN YTXWYC.
7. Materialy dlya razrabotki algoritma psihologicheskogo soprovozhdeniya osuzhdennykh zhenshchin // S.V. Kulakova, N.A. Cvetkova / FKU NII FSIN Rossii. – M., 2018. – 74 s.
8. Mokrecov A.I. Lichnost' osuzhden'nogo: social'naya i psihologicheskaya rabota s razlichnymi kategoriyami lic, otbyvayushchih nakazanie: Uchebno-metodicheskoe posobie. – M.: NII FSIN Rossii, 2006. – 220 s.
9. Moskvitina, M. M. Penitenciar'nyj socium. Osuzhden'nye zhenshchiny s det'mi v domah rebenka pri ispravitel'nom uchrezhdenii. Empirika issledovaniya / M. M. Moskvitina, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2022. – T. 11, № 3-1. – S. 60-68. – DOI 10.34670/AR.2022.53.37.029. – EDN SRVEXC.
10. Minster, M. V. Rossijskij i zarubezhnyj opyt penitenciar'noj resocializacii zhenshchin: zakonodatel'stvo i praktika / M. V. Minster // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2023. – № 2(55). – S. 99-111. – DOI 10.53993/2078-3914/2023/2(55)/99-101. – EDN UNOQFW.
11. Kriminal'no-lichnostnye osobennosti osuzhdennykh zhenshchin fertil'nogo vozrasta, soderzhashchih v penitenciar'nykh uchrezhdeniyah Rossii / T. L. Muzychuk, S. V. Kulakova, Yu. E. Suslov, A. A. Samojlova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2018. – T. 12, № 4. – S. 525-530. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(4).525-530. – EDN VRCLZB.
12. Organizaciya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi zhenshchinami po podderzhaniyu social'no poleznykh svyazej: prakticheskie rekomendacii. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2018. – S. 9.
13. Programma razvitiya i formirovaniya semejnykh cennostej u osuzhdennykh. Metodicheskie rekomendacii. – M.: FSIN Rossii. 2011. – S. 38-39.
14. Rakitskaya, O. N. Konstruktivnoe obshchenie kak cel' i sredstvo raboty prakticheskogo psihologa v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noy sistemy / O. N. Rakitskaya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2019. – № 2(47). – S.

119-126. – DOI 10.33463/2072-8336.2019.2(47).119-126. – EDN LJECZP.

15. Speranskaya, A. V. Formirovanie pozitivnoj identichnosti u osuzhdennykh zhenshchin s pomoshch'yu narrativnoj terapii / A. V. Speranskaya // Pedagogicheskij vestnik. – 2021. – № 18. – S. 64-66. – EDN MLWWTC.
16. Hrabrova, E. V. Osobennosti vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi zhenshchinami, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody, po podderzhaniyu social'no poleznykh svyazej s ih det'mi, vospityvayushchimisya v centrakh pomoshchi detyam, ostavshimsya bez popecheniya roditel' / E. V. Hrabrova // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2018. – № 4(44). – S. 36-42. – EDN MGAVYI.

УДК 34**Системные ограничения реформирования пенитенциарной системы Италии****Новиков Алексей Валерьевич**

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется системный кризис итальянской пенитенциарной системы, сохраняющийся на протяжении трех последних десятилетий. Исследуются ключевые проблемы, такие как переполненность учреждений, противоречивые квалификационные требования к персоналу и разрыв между целями реформ и их практической реализацией. Особое внимание уделяется трансформации роли сотрудников пенитенциарной системы, а также социальным барьерам, препятствующим этим изменениям. Выявляются системные вызовы, такие как недостаточное финансирование, устаревшая инфраструктура, организационное сопротивление и социокультурные факторы. Представленный материал предлагает комплексный анализ взаимосвязанных проблем пенитенциарной системы Италии и определяет условия для потенциальных преобразований.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Системные ограничения реформирования пенитенциарной системы Италии // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 125-132.

Ключевые слова

Пенитенциарная система, институциональный кризис, реабилитация заключенных, организационная культура, профессиональная идентичность, социальная реинтеграция.

Введение

На протяжении последних трех десятилетий пенитенциарная система Италии сталкивается с глубоким системным кризисом, центральным элементом которого является переполненность учреждений. Указанная проблема оказывает негативное воздействие на условия содержания заключенных и профессиональную деятельность сотрудников пенитенциарной системы, создавая ограничения решения проблемы институциональной дисфункции. Законодательные реформы, начатые в 1990-х годах, провозгласили радикальную трансформацию роли сотрудников пенитенциарной системы – от традиционных функций охраны и контроля к активному участию в реабилитационных процессах. Однако реализация этих изменений столкнулась с комплексом взаимосвязанных проблем организационного, культурного и структурного характера.

Современные сотрудники пенитенциарной системы оказались в ситуации, когда с одной стороны, от них ожидают применения «*potere morbido*» - «мягкой силы» (с итальянского) развития доверительных отношений с заключенными и содействия их ресоциализации, а с другой – сохраняется традиционная ответственность за обеспечение порядка и безопасности. Этот внутренний конфликт профессиональной идентичности усугубляется недостаточной подготовкой персонала, отсутствием единообразных должностных инструкций. Эмоциональное выгорание и хронический стресс становятся распространенными среди сотрудников пенитенциарных учреждений [Березенцева, 2014].

Основная часть

Введение в 2013 году концепций «динамической безопасности» и «режима открытых камер» согласно мнению разработчиков должно было способствовать гуманизации тюремной среды [www]. Фактически же эти нововведения воспринимаются сотрудниками пенитенциарной системы как угроза практикам поддержания правопорядка и соблюдения режима секретности. Увеличение времени пребывания заключенных вне камер, необходимость постоянного непосредственного взаимодействия с ними и сокращение социальной дистанции создают дополнительные ограничения в условиях сохраняющейся переполненности учреждений [<https://cdn.penalreform.org/>].

Важнейшим аспектом кризиса является разрыв между декларируемыми целями реформ и их практической реализацией. Сотрудники пенитенциарной системы, находящиеся на передовой линии пенитенциарной системы, часто рассматривают реабилитационные инициативы как фактически нереализуемые. Низкий социальный статус профессии, отсутствие общественного признания в общественном дискурсе дополнительно подрывают мотивацию персонала к участию в системных преобразованиях.

Особую остроту проблеме придает демографический состав заключенных Италии. Практика показывает, что значительная доля иностранных граждан, лиц с психическими расстройствами и представителей маргинализированных социальных групп создает дополнительные барьеры для реализации реабилитационных программ. Языковые и культурные различия, отсутствие ресурсов и недостаточная подготовка персонала для работы с особыми категориями осужденных существенно снижают эффективность реализуемых программ [Corda, 2016].

Отметим, что в Итальянской республике 109 пенитенциарных учреждений [https://www.giustizia.it/giustizia/it/mg_2_3_2.page], многие из которых были построены десятилетия назад, их инфраструктура не соответствует современным стандартам и потребностям реабилитационной работы. Системное недофинансирование, устаревшее оборудование и недостаток пространства для проведения программ социальной и психологической адаптации существенно ограничивают возможности преобразований. Психологический аспект кризиса проявляется в глубоком ценностном конфликте, переживаемом сотрудниками пенитенциарной системы. С одной стороны, они испытывают профессиональную потребность в поддержании порядка и контроля, что требует определенной дистанции и авторитета. С другой – от них ожидают эмпатии, эмоциональной вовлеченности и индивидуального подхода к каждому осужденному [Caputo, 2018]. Этот внутренний конфликт усугубляется отсутствием критериев успеха и противоречивыми сигналами от руководства.

Организационная культура пенитенциарных учреждений, исторически сложившаяся на основании парадигмы контроля и безопасности, не позволяет реализовать изменения. Формальные нормы и практики, сложившиеся за предыдущие десятилетия, часто противоречат целям реформ [Ciuffoletti, 2022].

Экономические аспекты кризиса проявляются в недофинансировании системы, недостатке кадровых ресурсов и низкой заработной плате персонала. Высокая текучесть кадров, недостаток профессиональной подготовки и ограниченные возможности карьерного роста препятствуют формированию стабильного профессионального сообщества, способного к преобразованиям.

Политический контекст реформ характеризуется противоречиями между международными обязательствами Италии в области прав человека и внутренними политическими реалиями [Коломийцева, 2022]. Решения Европейского суда по правам человека, требующие улучшения условий содержания, часто реализуются без учета системных особенностей национальной пенитенциарной системы. Социальное измерение кризиса связано с общественными представлениями о назначении наказания и роли тюремной системы. Технологическое отставание тюремной системы, недостаток современных средств коммуникации и образовательных ресурсов ограничивают возможности реабилитационной работы.

Профессиональная подготовка персонала не соответствует изменяющимся требованиям к должности. Традиционные программы обучения сосредоточены, в первую очередь, на аспектах безопасности и юридических вопросах, уделяя недостаточное внимание психологическим, коммуникативным и социальным навыкам, необходимым для реабилитационной работы.

Этнокультурное разнообразие заключенных представляет дополнительные вызовы для персонала, требующие межкультурных компетенций и специальных подходов к работе с мигрантами и представителями различных культурных групп. Отсутствие систематической подготовки в этой области приводит к недопониманию и неэффективному взаимодействию.

Психическое здоровье как заключенных, так и персонала становится системной проблемой в условиях хронического стресса и эмоциональных перегрузок. Доступ к психологической помощи ограничен, а стигматизация, связанная с обращением за такой помощью, препятствует своевременному купированию профессиональной деструкции [Новиков, 2011].

Гендерный аспект кризиса пенитенциарной системы Италии проявляется в особенностях работы с женщинами-осужденными и необходимости учета их специфических потребностей.

Традиционно организационная культура пенитенциарных учреждений зачастую игнорирует гендерную специфику, что снижает эффективность реабилитационных программ.

Возрастное разнообразие заключенных – от несовершеннолетних до пожилых людей – требует дифференцированных подходов и специальных программ, которые зачастую отсутствуют или реализуются формально. Отсутствие возрастно-ориентированных методик работы снижает потенциал ресоциализации.

Локационное неравенство в доступности реабилитационных программ между различными регионами Италии приводит к дифференциации условий содержания заключенных, что приводит к тому, что в разных учреждениях имеются существенно различные возможности для участия в образовательных, трудовых, психологических и социальных программах. Сравнительно высокие затраты, по среднему уровню в ЕС на одного заключенного в то же время показывают низкие показатели успешной реинтеграции. Информационная закрытость системы и ограниченный доступ независимых наблюдателей препятствуют объективной оценке ситуации и своевременному выявлению проблем. Межведомственное взаимодействие между пенитенциарными учреждениями, социальными службами, образовательными учреждениями и работодателями остается недостаточно развитым, что приводит к недостаточной эффективности процесса реинтеграции освобождающихся заключенных.

Инновационный потенциал системы ограничен процедурами, недостатком финансирования и сопротивлением изменениям со стороны персонала пенитенциарных учреждений. Пилотные проекты и экспериментальные программы фактически не масштабируются и не получают институциональную поддержку. Международный опыт и лучшие практики других стран зачастую игнорируются или адаптируются формально, без учета национальной специфики и реальных возможностей уголовно-исполнительной системы.

Гражданское общество и неправительственные организации имеют ограниченный доступ к учреждениям и ограниченное влияние на политику и практики, что снижает потенциал общественного контроля и инноваций. Научные исследования пенитенциарной системы зачастую не учитывают потребностей и редко приводят к изменениям. Валеологические аспекты условий содержания – качество воздуха, освещения, питания – оказывают непосредственное влияние на психическое и физическое здоровье как заключенных, так и персонала, но зачастую не учитываются в реформах [Новиков, 2017].

Правовое сознание и юридическая грамотность заключенных создают новые вызовы для персонала, требующие более сложных подходов к взаимодействию и объяснению процедур и решений. Цифровизация процессов и внедрение электронных систем управления зачастую наталкивается на технические проблемы, недостаток компетенций и сопротивление персонала, привыкшего к бумажным носителям и традиционным процедурам.

Культурные и образовательные программы в учреждениях носят эпизодический характер и редко интегрированы в общую систему реабилитации. Их воздействие остается ограниченным и плохо измеряемым наукометрическими методиками.

Подготовка к освобождению и постпенитенциарное сопровождение остаются наиболее слабыми звеньями системы, что приводит к высокому уровню рецидивизма и сводит на нет усилия, предпринятые в течение периода заключения [Моди, 2013]. Восприятие времени в условиях заключения создает дополнительные психологические трудности как для заключенных, так и для персонала. Физическое и эмоциональное воздействие в учреждениях

остаётся серьёзной проблемой, часто скрытой от внешнего наблюдения. Механизмы предотвращения и реагирования недостаточно эффективны.

Духовные и религиозные потребности осуждённых Италии удовлетворяются неравномерно и зачастую зависят от конкретного учреждения и доступных ресурсов. Семейные связи и поддержка извне признаются важными факторами успешной реинтеграции, но практики поддержания таких связей остаются ограниченными. Профессиональное обучение и трудовая занятость в учреждениях Италии носят формальный характер и слабо связаны с реальными потребностями рынка труда.

Экономические модели самофинансирования учреждений через тюремный труд сталкиваются с этическими и практическими трудностями в условиях современной экономики. Измерение эффективности работы персонала и учреждений в целом остаётся примитивным и сосредоточено на количественных показателях безопасности, игнорируя качественные аспекты реабилитации.

Корпоративная культура и профессиональная солидарность персонала зачастую служат механизмом сопротивления изменениям, а не ресурсом преобразований.

Заключение

Итальянская пенитенциарная система оказалась в глубоком системном кризисе, корни которого пронизывают все уровни ее организации. Три десятилетия непрерывных реформ не смогли преодолеть фундаментальное противоречие между декларируемыми целями гуманизации и реальными условиями функционирования тюремных учреждений. Переполненность пенитенциарных учреждений остаётся ключевым фактором, снижающим перспективы реабилитации осуждённых, так и профессиональную идентичность персонала.

Попытка трансформировать роль сотрудников пенитенциарной системы из правохранителей в агентов ресоциализации осуждённых столкнулась с непреодолимыми препятствиями системного характера. Двойственность профессиональных требований – сочетание «мягкой силы» с необходимостью поддержания безопасности – создала внутренний конфликт, усугубляемый недостаточной подготовкой и неясными критериями успеха. Вместо становления новой профессиональной идентичности произошло нарастание эмоционального выгорания, цинизма и профессиональной дезориентации.

Внедрение концепций «динамической безопасности» и «режима открытых камер», при всей их теоретической обоснованности, на практике воспринимается как угроза сложившимся практикам работы и профессиональному авторитету персонала. Разрыв между целями реформ и повседневной реальностью тюремной жизни превращает многие инновации в формальные процедуры.

Стремление к реформам оказывается неустойчивой координатой, зависимой от электоральных циклов и медийного внимания. При этом международные обязательства Италии выполняются формально, без учета системных особенностей национальной пенитенциарной системы. Общественные настроения, ориентированные на справедливое усиление тяжести наказаний, создают дополнительное давление на персонал, и приносят ущерб реабилитационным практикам.

Перспективы выхода из кризиса требуют признания его системного характера и отказа от

фрагментарных решений. Необходима комплексная стратегия, учитывающая взаимосвязь существующей инфраструктуры, компетентной подготовки, организационно-профессиональной культуры и управленческих подходов. Видится, что ключевым условием становится преодоление разрыва между формальными предписаниями и реальными практиками, между декларируемыми целями и доступными ресурсами. Трансформация пенитенциарной системы невозможна без глубокого переосмысления роли сотрудников пенитенциарной системы, предоставления им перспектив профессионального развития и адекватной поддержки в реализации двойственной миссии – обеспечения безопасности и содействия ресоциализации осужденных.

Библиография

1. Березенцева, Е. А. Профессиональный стресс как источник профессионального выгорания / Е. А. Березенцева // Управление образованием: теория и практика. – 2014. – № 4(16). – С. 162-170. – EDN TBHKDT.
2. Борсученко, С. А. Особенности назначения и исполнения наказаний по законодательству Италии / С. А. Борсученко // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 2(24). – С. 24-28. – EDN YUABXB.
3. Интернет-источник: Справочник по обеспечению динамической безопасности и сбору оперативной информации в пенитенциарных учреждениях Управления ООН: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/20-02035_Handbook_on_Dynamic_Security_-_RU.pdf
4. Интернет-источник: Краткий обзор. Глобальные мировые тренды в тюремной системе. <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2020/04/Global-Prison-Trends-2020-RUSSIAN.pdf>
5. Игнатова, М. А. Меры безопасности и социальная опасность лица по уголовному законодательству Италии / М. А. Игнатова, Н. А. Селезнева // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2016. – № 4. – С. 208-217. – EDN XDSCFX.
6. Коломейцева Л.А. Современная Италия: возвращение постправового дискурса в политическое пространство // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 6А. С. 119-126. DOI: 10.34670/AR.2023.52.40.011
7. Моды, Б. Итальянский опыт социальной реабилитации заключенных / Б. Моды // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2013. – № 9(136). – С. 55-56. – EDN SETUQR.
8. Морохова, О. А. Зарубежный опыт развития программ для осужденных как реализация принципа реабилитации / О. А. Морохова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 5(204). – С. 66-74. – EDN PXYRTE.
9. Новиков, В. В. Отдельные вопросы коммуникаций и нервно-психической неустойчивости сотрудников, непосредственно работающих с осужденными / В. В. Новиков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 8(111). – С. 30-32. – EDN OHFCDV.
10. Новиков, А. В. Уголовные наказания в итальянской Республике: экспертный обзор и выводы / А. В. Новиков, Д. Н. Слабая // Организация и правовое регулирование исполнения наказания в виде принудительных работ: теория и практика : Материалы круглого стола с международным участием, Москва, 29 сентября – 03 2017 года / ФКУ НИИ ФСИН России. – Москва: нииит, 2017. – С. 132-145. – EDN YEAJSK.
11. Palumbo R. Reforming penitentiary health. The transition from ‘cure’ to ‘care’ in Italian prisons // International Journal of Healthcare Management. – 2015. – Т. 8. – №. 4. – С. 232-243.
12. Caputo G., Ciuffoletti S. Journey to Italy: The European and UN monitoring of Italian penal and prison policies // Crime, Law and Social Change. – 2018. – Т. 70. – №. 1. – С. 19-35.
13. Ciuffoletti S., de Albuquerque P. P. The Conduct of Prison Reforms: An assessment of the effectiveness of domestic remedies in Italy // The Evolving Protection of Prisoners’ Rights in Europe. – Routledge, 2022. – С. 111-129.
14. Corda A. Sentencing and penal policies in Italy, 1985–2015: The tale of a troubled country // Crime and Justice. – 2016. – Т. 45. – №. 1. – С. 107-173.
15. Melossi D. Genesis of the Prison in Italy // The Prison and the Factory (40th Anniversary Edition) Origins of the Penitentiary System. – London : Palgrave Macmillan UK, 2018. – С. 97-143.
16. Lupária L. et al. The Italian criminal procedure thirty years after the great reform // Roma Tre Law Review. – 2019. – Т. 2019. – №. 1. – С. 24-71.
17. Melossi D., Pavarini M. The prison and the factory: Origins of the penitentiary system. – Springer, 2018.

Systemic Constraints on Reforming the Italian Penitentiary System

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Law, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The article analyzes the systemic crisis of the Italian penitentiary system, which has persisted over the last three decades. Key issues such as prison overcrowding, contradictory qualification requirements for personnel, and the gap between reform goals and their practical implementation are examined. Special attention is paid to the transformation of the role of penitentiary staff, as well as social barriers hindering these changes. Systemic challenges, including insufficient funding, outdated infrastructure, organizational resistance, and socio-cultural factors, are identified. The presented material offers a comprehensive analysis of the interconnected problems of the Italian penitentiary system and outlines conditions for potential transformations.

For citation

Novikov A.V. (2025) Sistemnyye ogranicheniya reformirovaniya penitentsiarnoy sistemy Italii [Systemic Constraints on Reforming the Italian Penitentiary System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 125-132.

Keywords

Penitentiary system, institutional crisis, prisoner rehabilitation, organizational culture, professional identity, social reintegration.

References

1. Berezenceva, E. A. Professional'nyj stress kak istochnik professional'nogo vygoraniya / E. A. Berezenceva // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. – 2014. – № 4(16). – S. 162-170. – EDN TBHKDT.
2. Borsuchenko, S. A. Osobennosti naznacheniya i ispolneniya nakazaniy po zakonodatel'stvu Italii / S. A. Borsuchenko // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 2(24). – S. 24-28. – EDN YUABXB.
3. Internet-istochnik: Spravochnik po obespecheniyu dinamicheskoy bezopasnosti i sboru operativnoj informacii v penitentsiarnyh uchrezhdeniyah Upravleniya OON: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/20-02035_Handbook_on_Dynamic_Security_-_RU.pdf
4. Internet-istochnik: Kratkiy obzor. Global'nye mirovye trendy v tyuremnoj sisteme. <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2020/04/Global-Prison-Trends-2020-RUSSIAN.pdf>
5. Ignatova, M. A. Mery bezopasnosti i social'naya opasnost' lica po ugovolnomu zakonodatel'stvu Italii / M. A. Ignatova, N. A. Selezneva // Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA. – 2016. – № 4. – S. 208-217. – EDN XDSCFX.
6. Kolomejceva L.A. Sovremennaya Italiya: vozvrashchenie postpravogo diskursa v politicheskoe prostranstvo // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2022. Tom 11. № 6A. S. 119-126. DOI: 10.34670/AR.2023.52.40.011
7. Modi, B. Ital'yanskij opyt social'noj reabilitacii zaklyuchennykh / B. Modi // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy.

-
- 2013. – № 9(136). – S. 55-56. – EDN SETUQR.
8. Morohova, O. A. Zarubezhnyy opyt razvitiya programm dlya osuzhdennykh kak realizaciya principa reabilitacii / O. A. Morohova // *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*. – 2019. – № 5(204). – S. 66-74. – EDN PXYRTE.
9. Novikov, V. V. Otdel'nye voprosy kommunikacij i nervno-psihicheskoy neustojchivosti sotrudnikov, neposredstvenno rabotayushchih s osuzhdennymi / V. V. Novikov // *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*. – 2011. – № 8(111). – S. 30-32. – EDN OHFCDV.
10. Novikov, A. V. Ugolovnye nakazaniya v ital'yanskoj Respublike: ekspertnyj obzor i vyvody / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // *Organizaciya i pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'nyh rabot: teoriya i praktika : Materialy kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 29 sentyabrya – 03 2017 goda / FKU NII FSIN Rossii*. – Moskva: niii, 2017. – S. 132-145. – EDN YEAJSK.
11. Palumbo R. Reforming penitentiary health. The transition from 'cure' to 'care' in Italian prisons // *International Journal of Healthcare Management*. – 2015. – T. 8. – №. 4. – S. 232-243.
12. Caputo G., Ciuffoletti S. Journey to Italy: The European and UN monitoring of Italian penal and prison policies // *Crime, Law and Social Change*. – 2018. – T. 70. – №. 1. – S. 19-35.
13. Ciuffoletti S., de Albuquerque P. P. The Conduct of Prison Reforms: An assessment of the effectiveness of domestic remedies in Italy // *The Evolving Protection of Prisoners' Rights in Europe*. – Routledge, 2022. – S. 111-129.
14. Corda A. Sentencing and penal policies in Italy, 1985–2015: The tale of a troubled country // *Crime and Justice*. – 2016. – T. 45. – №. 1. – S. 107-173.
15. Melossi D. Genesis of the Prison in Italy // *The Prison and the Factory (40th Anniversary Edition) Origins of the Penitentiary System*. – London : Palgrave Macmillan UK, 2018. – S. 97-143.
16. Lupária L. et al. The Italian criminal procedure thirty years after the great reform // *Roma Tre Law Review*. – 2019. – T. 2019. – №. 1. – S. 24-71.
17. Melossi D., Pavarini M. *The prison and the factory: Origins of the penitentiary system*. – Springer, 2018.
-

УДК 343**Мотивы и цель преступлений, совершаемых серийными убийцами****Филиппова Елена Олеговна**

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: elena56-75@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, связанные с мотивами и целями преступлений, совершаемых серийными убийцами. Мотивы определяют потребности человека, тем самым указывая направленность мотивов. Зачастую убийцы руководствуются не одним мотивом, а несколькими.

В результате данные мотивы взаимодействуют между собой, они могут усиливать или ослаблять друг друга, что влияет на поведение личности. Если мотивы вступают между собой в противоречия, то это может негативно повлиять на поведение человека и выразиться в аморальных и противоправных действиях. В заключении показано, что мотивы и цель преступления отражают субъективную сторону преступления, а именно психическое отношения лица к совершаемому им правонарушению. Таким образом, говоря о мотивах и целях, следует понять психологию поведения лица.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппова Е.О. Мотивы и цель преступлений, совершаемых серийными убийцами // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 133-140.

Ключевые слова

Преступления, серийные убийцы, мотив, цель, личность, преступник, жертва, умысел.

Введение

За преступной деятельностью любого преступника кроются те или иные мотивы. Мотивация преступника – это то, что побуждает человека к совершению тех или иных преступлений.

Серийный убийца – это единственный в своем роде и уникальный тип преступников. Однако даже за его преступностью стоят мотивы. Мотивация серийного убийцы не играет большой роли в реализации его умысла, но все же присутствует.

Так что же движет серийными убийцами? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Обычно люди не уделяют внимание психологическим аспектам, хотя в них и может скрываться ответ на данный вопрос. Разумеется, все понимают, что такое жестокое поведение серийных убийц – это следствие чего-то. Однако, что именно кроется за их жестокостью?

Основная часть

Детские травмы, обиды, комплексы личности, самоутверждение, неудачно сложившийся личный опыт, патологии, отклонения психики, невменяемость и т.д. – все это может оказать влияние на психику человека и его подсознание. Не факт, что человек, имеющий детские травмы или неудачный личный опыт обязательно станет серийным убийцей, но в случае совокупности таких факторов, вероятность этого имеет место быть. Более того, толчком для пробуждения «преступной страсти» лица является наличие обстоятельств, оказывающих негативное влияние на подсознание человека. Такие обстоятельства могут быть различными, вплоть от физической травмы головы до сильного эмоционального возбуждения.

Зачастую факторы, способствующие феномену серийного убийцы, находятся в «спящем» состоянии, и только в силу каких-либо потрясений они могут «начать работать». Чаще всего – это физическая травма: сотрясение мозга, черепно-мозговая травма, сильный ушиб и т.д.

Поскольку серийный убийца – это отличный от иных типов убийц, то и мотивы его тоже будут отличаться. Так, например, мы знаем, что к совершению преступления побуждают различные мотивы: обида, ревность, месть, корысть и т.д. В случае с серийными убийцами мотивация их совершенно другая. Среди них мы можем выделить три основных: 1) самоутверждение; 2) замещение; 3) самооправдание [Меднов, 2017, 19].

Среди названных мотивов лидером является самоутверждение. Зачастую серийные убийцы совершают преступления, чтобы самоутвердиться за счет страданий своих жертв. Имея власть над жизнью другого человека, серийный убийца растягивает момент пыток, поскольку получает от этого большую дозу удовольствия. Серийный убийца наслаждается от осознания того, что он полностью контролирует ситуацию и исход ее зависит только от него самого. То есть в момент истязания жертвы серийный убийца ощущает всю полноту и значимость своей личности. Совершая эпизоды, серийный убийца для себя воображает личность, которая обладает большой силой. Ввиду этого интерес к совершению новых эпизодов становится все больше. Кроме того, заставляя жертву страдать, убийца компенсирует всю ту боль, которую ему доставляли его обидчики ранее. Более того, серийные убийцы, действующие по такому мотиву хотя и скрывают тщательно улики и пытаются делать все осторожно, но глубоко в подсознании хотят быть раскрытыми, чтобы их признали, ими восхищались и боялись. Самоутверждаясь, серийный убийца начинает чувствовать себя в безопасности, сам лично создает для себя зону комфорта именно в психологическом аспекте. Мотив самоутверждения включает в себя три уровня: социальный, социально-психологический и индивидуальный.

Социальный уровень зачастую предполагает завоевание престижа и авторитета в обществе, то есть личность стремится к такому положению, чтобы ее признавали в рамках профессиональной или общественной деятельности. Другими словами, действия серийного убийцы направлены на достижение признания в обществе. Кроме того, личность может стремиться к завоеванию авторитета не в обществе в целом, а лишь в конкретной группе. Это свойственно подросткам и молодежи. Зачастую это связано с желанием личности попасть в данную группу, освоиться там и получить некий статус в рамках нее. Все это составляет утверждение на социально-психологическом уровне.

Мотив самоутверждения предполагает утверждение на индивидуальном уровне. Человек за счет каких-то действий преодолевает свои страхи, совершает какие-то противоправные или аморальные поступки, в результате которых ему кажется, что он наделен силами. Тем самым в понимании этого человека его самооценка становится выше, уровень самоуважения повышается, а чувство собственного достоинства выходит на новый уровень. В результате этого, человеку нравятся эти новые ощущения, и он не хочет с ними расставаться и возвращаться к прежнему положению. Именно поэтому человек решает, что для сохранения этого нового статуса необходимо вершить противозаконные действия.

Самоутверждаясь, человек считает себя самостоятельным, обладающим независимостью в обществе, теперь он занимает выгодное положение в обществе или отдельной группе. В таком случае серийный убийца видит ситуацию в новом свете, поскольку за счет самоутверждения были раздвинуты рамки психологического бытия. Теперь он источник изменений в окружающей действительности, и самостоятельно создает для себя безопасные условия в обществе.

Изначально у любого преступника в момент совершения преступления есть конкретная цель. Однако в ситуации, когда цель в результате каких-то обстоятельств становится недостижимой у серийных убийц происходит процесс замены этой цели на более доступную. В этом и заключается мотив замещения.

Ранее нами было сказано, что серийный убийца, совершая эпизод, избавляется от накопленного эмоционального состояния. Однако это отражает и мотив замещения. Заменяя цель преступления на более достижимую, серийный убийца также снимает нервно-психическое напряжение.

Замещение действий может происходить иными способами. Во-первых, преступник, поссорившись с одним человеком, может аккумулировать свою агрессию не только против него, но и близких этому человеку людей, его семье, друзьям и т.д. То есть побуждение к совершению преступления возникает не только в отношении человека, в результате действий которого возникла данная ситуация, но и тех, кто близок данному человеку.

Во-вторых, эмоциональный перенос. Зачастую серийный убийца ощущает на себе психологическое доминирование своей матери, в результате чего психика преступника побуждает к совершению эпизода, дабы избавиться от такого психического состояния. В таких ситуациях, серийный убийца будет совершать преступления путем сексуального насилия, где будет принимать на себя роль доминирующего мужчины. Само собой, в результате одного эпизода серийный убийца не сможет избавиться от накопленного психического давления, что в дальнейшем будет побуждать его к совершению новых подобных эпизодов. Однако, совершив несколько таких эпизодов, серийный убийца не сможет окончательно избавиться от такого состояния и будет совершать серию таких преступлений вплоть до его задержания.

В-третьих, агрессия в результате замещения может быть направлена против неодушевленных вещей или иных лиц, которые оказались поблизости совершенно случайно. В

таком случае жестокости, беспощадности и насилия не избежать. Такие случаи являются наиболее опасными, поскольку в результате эмоциональных вспышек страдают не в чем неповинные люди. Преступления этих лиц настолько чудовищные, что воспоминания живут о них столетиями.

В-четвертых, замещающие действия могут распространяться и на самого себя. Такое явление получило название «автоагрессия». Это те ситуации, когда в процессе эмоциональной вспышки, чтобы высвободить накопленную энергию, человек доставляет страдания самому себе, причиняя различного рода увечья. Это происходит в результате того, что поблизости нет никого, на ком можно было бы выместить свою агрессию, тогда человек идет на «крайние» меры, истязая самого себя, и причиняет себе боль.

Таким образом, мотив замещения можно проследить в результате действий многих серийных убийц. Более универсальным мотивом совершения преступления в среде серийных убийц является мотив самооправдания. Отрицание вины, а в дальнейшем отсутствие сожаления к совершенному – в этом и заключается мотив самооправдания. Редко встречаются серийные убийцы, которые бы искренне сожалели о своих поступках. Зачастую все серийные убийцы оправдывают себя какими-либо обстоятельствами и сводят свою вину к минимальному.

Возникает вопрос, почему серийные убийцы не признают свою вину, не понимают очевидности содеянного ими? Возможно, ответ на этот вопрос кроется в психическом состоянии человека, а именно механизм психологической защиты. Данный механизм размывает границы нравственно-правового контроля при реализации преступного умысла. В результате этого происходит самооправдание и освобождение себя от вины за совершенные преступления.

Механизм самозащиты играет большую роль в процессе поведения серийного убийцы. В результате данного механизма создается почва для совершения преступлений, дается толчок к их реализации, а в дальнейшем преступники оправдывают свою преступную деятельность, находя множество причин, в которые преступник искренне верит. Изучив мотивы серийных убийц, Холмс разбил их на четыре категории, согласно которой две из них ориентированы на сам процесс совершения преступления, а две зациклены на совершении действий.

Согласно этой теории, мир серийных убийц включает следующие типы:

Гедонисты. Это те серийные убийцы, которые совершают эпизоды из желания острых ощущений, веселья и удовольствия. Их потенциальными жертвами являются чаще всего случайные люди, сам эпизод совершается резко и не содержит сексуального насилия. Примером такого типа серийных убийц является Карл Уоттс, численность жертв которого составляет примерно от 13 до 100.

Однако среди гедонистов встречаются и те, которые получают сексуальное удовлетворение за счет причинения насилия. Ярким примером является Елена Лобачева, которая хаотично наносила множество ножевых ранений своим жертвам и «получала от этого удовольствие, сравнимое с сексуальным» [Карасева, 2016, 312]. Кроме того, среди гедонистов есть и те, которые убивали ради выгоды. К таким относятся «корыстные убийцы» и «черные вдовы».

Охотники за властью. К данному типу относятся серийные убийцы, которые жаждут контроля и преобладания. Зачастую это психопаты, но не психически нездоровые люди. Таким серийным убийцам характерны четкое планирование. Им льстит идея контроля и доминирования над другими. Для них обязательно преобладать над своей жертвой, чувствовать над ней власть. Чаще всего такие серийные убийцы совершают свои эпизоды путем изнасилования, ведь именно в таких правонарушениях проявляется как можно больше власти над жертвой. К данному типу серийных убийц также относятся сиделки и медицинские работники, специально убивающие своих пациентов, которых побуждает желание

контролировать жизнь и смерть людей.

Такие люди выглядят воспитанными, спокойными, обладают обаянием и харизмой. В целом такие серийные убийцы создают впечатление добропорядочного человека.

Эти два типа серийных убийц в момент своей преступной деятельности нацелены на сам процесс, то есть растягивают процесс совершения убийства, доставляя как можно больше страданий своим жертвам. К серийным убийцам, нацеленным на сами действия, относятся остальные два типа серийных убийц, а именно: «визионеры» и «миссионеры». В этом случае убийцы ориентированы на сам акт.

Миссионеры. Та группа серийных убийц, которые убеждены в том, что, совершая преступные эпизоды, выполняют предназначенную им миссию. Как правило всех их жертв можно объединить. Чаще всего «охотятся» такие серийные убийцы на проституток, евреев, людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, бездомных, лиц, относящихся к негроидной расе. «По мнению таких убийц, представители подобных социальных групп нежелательны и недостойны жизни» [Карасева, 2016, 315].

Серийные убийцы данного типа зачастую выбирают определенную группу людей – наркоманов, проституток, гомосексуалистов и сосредотачиваются на их истреблении. Убийцы искренне верят в то, что их жертвы заслуживают смерти.

Визионеры. Это как правило люди с психическими отклонениями, которые совершают свои преступные эпизоды в результате «видений» или голосов в голове. Убийцы считают, что данные голоса принадлежат Богу или дьяволу. Более того, они верят в то, что, убивая сейчас, после смерти им это воздастся, их отблагодарят высшие силы. В целом данный тип серийных убийц – это те люди, которые страдают психическими заболеваниями.

Серийные убийцы, ориентированные на действие, и серийные убийцы, ориентированные на процесс, отличаются лишь в том, что вторые разделяют любовь к мукам и страданиям других, чаще всего они медлят для того, чтобы процесс длился подольше, что доставляет им огромную массу сексуального удовольствия, первый же тип нацелен лишь на причинении смерти другим людям.

Убийцы, ориентированные на процесс, – это лица, которые отличаются жестокостью. Для них в совершении эпизода главным являются истязания жертвы. Они наслаждаются процессом. К такому виду серийных убийц относятся, на первый взгляд, адекватные люди, они вполне осознают, что они делают, осознают общественно-опасные последствия, совершают эти действия по своей воле. Сам процесс для них является процессом снятия напряжения.

В случае убийц, ориентированных на действие, они, напротив, не осознают общественно-опасных последствий своих действий. Более того, они полагают, что от этого мир станет лучше, что они являются «благодетелями». Если убийцы, ориентированные на процесс, сами выбирают убивать, то убийцы, нацеленные на действие, уверены в том, что это некая «миссия», которую на них возлагают высшие силы. Зачастую этот вид убийц – люди с явными психическими отклонениями, которые верят в свою уникальность и считают себя избранными. Мы полагаем, что большинство убийц, относящихся к данному виду, являются невменяемыми.

Многие считают, что серийные убийства – это немотивированные преступления, поскольку мотивы обычного убийства нельзя отнести к деятельности серийных убийц. Само собой, в серийных эпизодах не имеет место быть мотивы обиды, мести, ревности и т.п. Однако, случай серийных убийц куда сложнее, чем мы думаем. Кроме того, немотивированных убийств не бывает. К преступной деятельности человека обязательно что-то побуждает. Поэтому серийные убийцы также имеют свои мотивы, однако они не всегда очевидны простому обывателю. Более того, если мотивы – это просто мысленное побуждение к совершению преступного акта, то цель

серийного убийства – это более сложный аспект данного вопроса.

По нашему мнению, мотивы серийных убийц – это лишь повод к совершению эпизода, а более того к достижению цели серийного убийства. Мы полагаем, что в психологическом аспекте цель является главным в момент совершения преступного эпизода, а мотивы лишь средство достижения цели.

Большинство серийных убийц – это те преступники, которые наслаждаются самим моментом совершения преступления. И для того, чтобы их «наслаждение» длилось, как можно дольше, они растягивают акт совершения убийства путем медленных пыток. Более того, эти убийцы получают удовольствие от самого процесса доставления боли и страданий своей жертве. Тогда можно задаться вопросом, если удовлетворение доставляет само истязание над жертвой, зачем серийные убийцы совершают акт убийства? На этот вопрос нельзя ответить очевидно, возможно в какой-то момент убийца, насладившись процессом пыток, теряет интерес к жертве.

Таким образом, для подобного типа серийных убийц объективная сторона заключается как минимум в двух действиях: истязание жертвы и само убийство. И истязание доставляет куда больше эмоционального и сексуального удовлетворения, чем процесс убийства. Более того большинство серийных убийц снимают процесс истязания над жертвой и спустя какое-то время пересматривают, что также приносит им удовлетворение. Кроме того, некоторым серийным убийцам характерно оставлять себе какую-либо вещь своей жертвы подобно «коллекционеру». Однако «на память» серийный убийца может оставлять не только какие-то предметы, принадлежащие жертве, но и многое другое, что как-то связано с его жертвой.

К таким предметам «коллекции» можно отнести следующее:

- 1) фотографии, сделанные серийным убийцей;
- 2) часть тела погибшей жертвы;
- 3) драгоценности жертв;
- 4) нижнее белье жертв.

И список трофеев может быть очень обширным. Однако суть заключается в том, что для некоторых серийных убийц важным является не столько момент убийства, сколько процесс пыток. И для того, чтобы эти эпизоды как можно дольше оставались в памяти, и как можно дольше приносили удовольствие, серийные убийцы записывают или фотографируют процесс, а также оставляют вещи своих жертв.

Для других же серийных убийц главное это действие, то есть само убийство жертвы. В таком случае убийца не растягивает убийство, все происходит довольно быстро. Ведь главное удовлетворение он получает в результате акта убийства. Такое удовольствие сравнимо с сексуальным, т.е. человек получает сексуальное удовлетворение от преступного акта. Зачастую убийству предшествуют изнасилование или насильственные действия сексуального характера. В таком случае, убийца получает удовлетворение от процесса насилия над жертвой, чаще всего жертвой таких преступлений являются женщины и дети, реже – мужчины.

Таким образом, вся преступная деятельность серийных убийц направлена на удовлетворение желаний и потребностей убийцы. И мотивы не играют значительной роли в совершении серии убийств, а являются лишь поводом, которым они руководствуются в моменте совершения преступной деятельности.

Заключение

Из курса уголовного права мы знаем, что мотивы и цель преступления отражают субъективную сторону преступления, а именно психическое отношения лица к совершаемому

им правонарушению. Таким образом, говоря о мотивах и целях, следует понять психологию поведения лица.

Говоря о психологии поведения, мы подразумеваем начало формирования личности, а это всегда самый ранний период – детские годы. Как раз детский период и может объяснять некоторые аспекты поведения серийного убийцы в зрелом возрасте.

Детство – это тот период, когда формируется сознание человека, его модель поведения и личность в целом. Однако кроме сознания человека, следует сказать и о подсознании. Невольно все аспекты жизни, как негативные, так и позитивные откладываются в подсознании человека, что не всегда влияет на психику человека приемлемым способом. Так, например, все психологические травмы, нанесенные человеку в детстве, так или иначе занимают место в подсознании, а затем в зрелом возрасте имеют возможность «выйти наружу». Зачастую эти травмы и формируют некоторые мотивы серийных убийц. Например, перечисленные нами основные мотивы – самоутверждения, замещения, самооправдания, природу которых и можно объяснить путем детских психотравм.

Библиография

1. Антонян Ю. М. Психическая зависимость и преступное поведение //Общество и право. – 2024. – №. 1 (87). – С. 8-15.
2. Бузмакова Е. С. Криминологическая характеристика серийного убийцы //Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – №. 9-1. – С. 108-113.
3. Вакуленко Н. А. Актуальные криминологические характеристики личности серийного убийцы как значимые составляющие его портрета //Юрист-Правовед. – 2023. – №. 1 (104). – С. 67-73.
4. Иликбаева Е., Яблукская А. Серийные преступления в системе преступлений против личности //Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2021. – №. 62-2. – С. 14-17.
5. Карасева, Е. А. Психологические особенности формирования личности серийного убийцы / Е. А. Карасева // Science Time. – 2016. – № 12 (36). – С. 312 – 316.
6. Логунова О. А. Применение знаний о личности и поведении серийных сексуальных убийц в правоохранительной деятельности (обзор зарубежного и отечественного опыта) //Психолого-педагогические исследования. – 2011. – Т. 3. – №. 1.
7. Меднов, М. Р. Мотивы серийных убийц при совершении преступлений, проблемы и перспективы развития / М. Р. Меднов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 2(16). – С. 19-21.
8. Осташенко О. Д. Психологический анализ личности серийного убийцы //Организация работы с молодежью. – 2020. – №. 6. – С. 5-5.
9. Поборцев Е. И. Современный взгляд на криминологический портрет серийного убийцы //«Эпомен» Еромен. – 2022. – С. 150.
10. Попов, А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ) : конспект лекций / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 124 с.

Motives and Purpose of Crimes Committed by Serial Killers

Elena O. Filippova

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Orenburg State University,
460018, 13 Pobedy Ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: elena56-75@mail.ru

Abstract

The article examines issues related to the motives and purposes of crimes committed by serial killers. Motives define a person's needs, thereby indicating the direction of these motives. Often, killers are driven not by one motive but by several. As a result, these motives interact with each other; they can strengthen or weaken one another, which influences the individual's behavior. If motives come into conflict with each other, this can negatively affect a person's behavior and manifest in immoral and unlawful actions. In conclusion, it is shown that the motives and purpose of a crime reflect the subjective side of the offense, namely the mental attitude of the individual to the committed violation. Thus, when discussing motives and purposes, it is necessary to understand the psychology of the individual's behavior.

For citation

Filippova E.O. (2025) Motivy i tsel' prestupleniy, sovershayemykh serial'nymi ubiytsami [Motives and Purpose of Crimes Committed by Serial Killers]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 133-140.

Keywords

Crimes, serial killers, motive, purpose, personality, criminal, victim, intent.

References

1. Antonyan Yu. M. Mental dependence and criminal behavior //Society and law. – 2024. – №. 1 (87). – Pp. 8-15.
2. Buzmakova E. S. Criminological characteristics of a serial killer //Issues of Russian and international law. 2020. Vol. 10. No. 9-1. pp. 108-113.
3. Vakulenko N. A. Actual criminological characteristics of the personality of a serial killer as significant components of his portrait //A lawyer is a jurist. – 2023. – №. 1 (104). – Pp. 67-73.
4. Ilikbaeva E., Yablukovskaya A. Serial crimes in the system of crimes against the person //Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2021. – №. 62-2. – Pp. 14-17.
5. Karaseva, E. A. Psychological features of the personality formation of a serial killer / E. A. Karaseva // Science Time. – 2016 No. 12 (36). pp. 312-316.
6. Logunova O. A. Application of knowledge about the personality and behavior of serial sexual killers in law enforcement (review of foreign and domestic experience) //Psychological and pedagogical research. – 2011. – Vol. 3. – No. 1.
7. Mednov, M. R. Motives of serial killers in committing crimes, problems and prospects of development / M. R. Mednov // Domestic jurisprudence. – 2017. – № 2(16). – Pp. 19-21.
8. Ostashchenko O. D. Psychological analysis of the personality of a serial killer //Organization of work with youth. – 2020. – №. 6. – Pp. 5-5.
9. Pobortsev E. I. A modern view on the criminological portrait of a serial killer // "Epomen" Epomen. – 2022. – p. 150.
10. Popov, A. N. Guilt in crimes against life (Articles 105, 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation) : lecture notes / A. N. Popov. — St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. 124 p.

УДК 34**Системные условия применения силы с летальным исходом
сотрудниками правоохранительной системы США****Смирнов Олег Аркадьевич**

Кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра прикладной математики и информатики,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В исследовании анализируются системные детерминанты применения силы с летальным исходом сотрудниками правоохранительных органов США. На основе статистических данных за 2022-2023 годы (1096 и 1213 летальных инцидентов соответственно) доказывается, что проблема представляет собой не случайные происшествия, а глубокий системный кризис, обусловленный комплексом исторических, институциональных, социокультурных и психологических факторов. Выявляются ключевые аспекты кризиса: историческая ориентация правоохранительных институтов на функции контроля, этнические диспропорции, влияние имплицитных когнитивных предубеждений, географическая концентрация инцидентов в малых городах со слабым надзором, субъективность интерпретации угрозы и неадекватность подготовки для работы с лицами в психиатрическом кризисе. Предлагается многоуровневый подход к решению проблемы, включающий обеспечение радикальной прозрачности через создание национальных реестров, фундаментальную реформу подготовки с акцентом на деэскалацию, внедрение систем раннего выявления проблемных сотрудников и трансформацию организационной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В. Системные условия применения силы с летальным исходом сотрудниками правоохранительной системы США // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 141-146.

Ключевые слова

Правоохранительные органы, применение силы, летальный исход, полицейская деятельность, системный кризис, этнические диспропорции, реформа полиции, сравнительно-правовые исследования.

Введение

В 2022 году полицией США было совершено 1096 инцидентов применения силы с летальным исходом, а в 2023 году - 1213 [National Use-of-Force Data Collection, [www...](#)]. При этом за последнее время данные при незначительной вариации остаются на данном уровне.

Проблема применения силы сотрудниками правоохранения США представляет собой комплексный системный кризис, детерминированный совокупностью исторических, институциональных и социокультурных факторов. Данное явление не поддается редукции к единой причине, а возникает на пересечении структурного неравенства, особенностей профессиональной культуры, дефицита подготовки и глубинных психологических механизмов [Police Foundation, 1977].

Эмпирические данные свидетельствуют о значительном диссонансе между США и другими развитыми странами по показателям летальности в результате вмешательства полиции, что актуализирует необходимость изучения специфики американского контекста. Кризис носит не случайный, а системный характер, отражая укорененные структурные проблемы, требующие многоуровневого анализа и комплексных решений [Garrett, Slobogin, 2020].

Основное содержание

Исторический анализ выявляет определяющее влияние генезиса правоохранительных институтов на современное состояние проблемы. По мнению ряда экспертов, формирование полицейских структур в южных штатах США изначально было ориентировано на функции контроля, и в меньшей степени служения обществу. В северных штатах институциональное развитие следовало модели лондонской полиции, но также акцентировало поддержание порядка в условиях урбанизации, этнической гетерогенности и социальных конфликтов. Таким образом, изначальная миссия правоохранительных органов сводилась к контрольным функциям, что предопределило современные институциональные дисфункции.

Этническая принадлежность остается центральным фактором в дискурсе о применении силы. Вопреки упрощенным медийным нарративам, эмпирические исследования демонстрируют сложный характер взаимосвязи. Первичное решение об обнажении оружия не всегда обнаруживает однозначную предвзятость при учете контекстных переменных — типа инцидента, поведения гражданина и оперативного опыта офицера. Ключевыми на данном этапе являются ситуационные факторы: наличие оружия, активное сопротивление или попытка бегства [Oramas Mora, Terrill, Foster, 2023].

Качественные изменения наблюдаются на стадии принятия решения о производстве выстрела и определении его количества, где проявляются устойчивые статистические диспропорции, указывающие на автономное влияние этнического фактора, не сводимое исключительно к внешним обстоятельствам. Это свидетельствует о работе имплицитных когнитивных механизмов, влияющих на оценку угрозы в условиях стресса.

Психологические аспекты принятия решений в условиях угрозы требуют отдельного

рассмотрения. В состоянии повышенной стрессовой нагрузки человеческий мозг переходит к автоматизированной обработке информации, опираясь на когнитивные шаблоны и стереотипные ассоциации. Исследования в области социальной психологии подтверждают склонность индивидов к более быстрому распознаванию потенциальной опасности в представителях социальных групп, ассоциируемых с угрозой.

Так, статистические исследования показывают что для офицеров, работающих в условиях высокой криминальной активности, такие ассоциации становятся особенно выраженными. Профессиональная деформация в сочетании с хроническим стрессом формирует основу для имплицитной предвзятости, проявляющейся на микроуровне принятия решений. Данный феномен не обязательно связан с осознанными дискриминационными установками, но отражает влияние усвоенных стереотипов и специфического профессионального опыта.

Географическое распределение проблемы указывает на ее системный характер. Наиболее выраженные диспропорции наблюдаются не в крупных городских агломерациях, находящихся под усиленным общественным и федеральным контролем, а в малых городах и сельских муниципалитетах с малочисленными полицейскими управлениями, ограниченными ресурсами и слабыми системами внутреннего надзора. Относительная изоляция от медийного внимания и общественного контроля способствует сохранению локальных практик и неформальных норм, которые в более крупных юрисдикциях уже подвергаются ревизии. Это подтверждает, что проблема укоренена в структурных и культурных особенностях правоохранительной системы, а не является следствием единичных нарушений.

Фундаментальным аспектом кризиса остается субъективность интерпретации угрозы. Рапорты офицеров, выступающие основным источником данных для последующего анализа, представляют собой не объективную фиксацию событий, а ретроспективные описания, опосредованные профессиональным опытом, личными установками и имплицитными предубеждениями. Скрытая предвзятость — автоматические ассоциации между определенными социальными группами и повышенной опасностью — способна существенно исказить восприятие, приводя к интерпретации действий как более враждебных, чем они есть в действительности. Этот механизм особенно опасен в условиях острого дефицита времени, когда решение принимается в доли секунды, и может приводить к трагическим ошибкам, когда безобидный предмет воспринимается как оружие, а защитный жест — как атака.

Отдельную проблему представляет неадекватность стандартной полицейской подготовки для взаимодействия с лицами, переживающими острые психиатрические эпизоды. Традиционный подход, ориентированный на нейтрализацию угрозы, оказывается контрпродуктивным при столкновении с симптомами психических расстройств, которые могут интерпретироваться как умышленное неповиновение или агрессия. Альтернативные модели реагирования, такие как мобильные кризисные бригады с участием психиатров и социальных работников, демонстрируют эффективность в снижении числа инцидентов с применением силы и смещении акцента с задержания на оказание помощи.

Экономический аспект проблемы проявляется в бюджетных ограничениях полицейских управлений США, которые непосредственно влияют на качество подготовки и ресурсообеспечение. Недофинансирование ведет к формализации тренировок по деэскалации и работе с уязвимыми группами, а также затрудняет привлечение и удержание квалифицированных кадров. Возникает циклическая причинно-следственная связь, где сокращение финансирования приводит к снижению качества подготовки, что в свою очередь становится причиной инцидентов с применением силы, увеличения судебных издержек и

компенсации и приводит к дальнейшему сокращению бюджетов на обучение и оборудование. Значительное количество исследователей указывает, что данный структурный фактор редко учитывается в публичных дискуссиях, но вносит существенный вклад в воспроизводство проблемы.

По мнению авторов, решение кризиса применение силы с летальным исходом в США требует комплексного подхода. Первоочередным условием является обеспечение радикальной прозрачности и подотчетности через создание единых национальных реестров применения силы, доступных для анализа и общественного контроля. Во-вторых, необходима фундаментальная реформа профессиональной подготовки с акцентом на коммуникативные навыки, кризисное вмешательство, распознавание психических расстройств и методы деэскалации. Тренировки должны моделировать неоднозначные и высокострессовые ситуации, формируя поведенческие, а не силовые модели реагирования.

В-третьих, требуется внедрение систем раннего выявления сотрудников, неоднократно вовлеченных в инциденты с применением силы, с последующим вмешательством — дополнительным обучением, психологической диагностикой и временным переводом на должности, не связанные с патрулированием. Необходима трансформация организационной культуры правоохранительных органов — переход от парадигмы контроля к модели служения обществу, от конфронтации к кооперации [Terrill, Paoline III, 2017].

Заключение

Технологический прогресс предлагает дополнительные инструменты для реформ: нательные камеры, системы анализа видеоданных, алгоритмы раннего предупреждения. Международный опыт таких стран как Великобритания и Канада демонстрирует альтернативные модели организации полицейской деятельности, ориентированные на минимальном применении силы. Роль гражданского общества и местных инициатив остается критически важной для построения доверия между полицией и сообществами.

Проблема применения силы является симптомом системного кризиса правоохранительной системы. Ее решение лежит в последовательной трансформации подготовки, культуры, систем управления и подотчетности деятельности правоохранительных органов. При этом целью реформ должно быть создание профессионального, подотчетного и пользующегося доверием института, способного эффективно противостоять реальным угрозам, обеспечивая безопасность и справедливость для всех граждан.

Библиография

1. Edwards F., Lee H., Esposito M. Risk of being killed by police use of force in the United States by age, race–ethnicity, and sex //Proceedings of the national academy of sciences. – 2019. – Т. 116. – №. 34. – С. 16793-16798.
2. Fyfe J. J. Police use of deadly force: Research and reform //Justice quarterly. – 1988. – Т. 5. – №. 2. – С. 165-205.
3. Fyfe J. J. Too many missing cases: Holes in our knowledge about police use of force //Justice Research and Policy. – 2002. – Т. 4. – №. 1-2. – С. 87-102.
4. Garrett B., Slobogin C. The law on police use of force in the United States //German Law Journal. – 2020. – Т. 21. – №. 8. – С. 1526-1540.
5. Johnson R. R. Dispelling the myths surrounding police use of lethal force //Raleigh, NC: Dolan Consulting Group. – 2016.
6. National Use-of-Force Data Collection <https://www.fbi.gov/how-we-can-help-you/more-fbi-services-and-information/ucr/use-of-force>
7. Oramas Mora D., Terrill W., Foster J. A decade of police use of deadly force research (2011–2020) //Homicide Studies.

- 2023. – T. 27. – №. 1. – C. 6-33.
8. Police Foundation (US), Milton C. Police use of deadly force. – Washington, DC : Police Foundation, 1977. – C. 45-46.
9. Terrill W., Paoline III E. A. Examining less lethal force policy and the force continuum: Results from a national use-of-force study //Police Quarterly. – 2013. – T. 16. – №. 1. – C. 38-65.
10. Terrill W., Paoline III E. A. Police use of less lethal force: does administrative policy matter? //Justice quarterly. – 2017. – T. 34. – №. 2. – C. 193-216.

Systemic Conditions of Lethal Force by US Law Enforcement Officers

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Department of Applied Mathematics and Informatics,
Russian State University named after A.N. Kosygin,
115035, 52/45 Sadovnicheskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Legal Sciences, Professor;
Chief Research Fellow,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The study analyzes the systemic determinants of lethal force used by US law enforcement officers. Based on statistical data for 2022-2023 (1,096 and 1,213 lethal incidents respectively), it is argued that the problem represents not random occurrences but a profound systemic crisis driven by a complex of historical, institutional, socio-cultural, and psychological factors. Key aspects of the crisis are identified: the historical orientation of law enforcement institutions toward control functions, ethnic disparities, the influence of implicit cognitive biases, geographic concentration of incidents in small towns with weak oversight, subjectivity in threat interpretation, and inadequate training for handling individuals in psychiatric crises. A multi-level approach to addressing the problem is proposed, including ensuring radical transparency through the creation of national registries, fundamental training reform with an emphasis on de-escalation, implementing early warning systems for problematic officers, and transforming organizational culture.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V. (2025) Sistemnoye usloviya primeneniya sily s letal'nym iskhodom sotrudnikami pravookhranitel'noy sistemy SShA [Systemic Conditions of Lethal Force by US Law Enforcement Officers]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 141-146.

Keywords

Law enforcement, use of force, lethal outcome, policing, systemic crisis, ethnic disparities, police reform, comparative legal studies.

References

1. Edwards F., Lee H., Esposito M. Risk of being killed by police use of force in the United States by age, race–ethnicity, and sex //Proceedings of the national academy of sciences. – 2019. – T. 116. – №. 34. – C. 16793-16798.
2. Fyfe J. J. Police use of deadly force: Research and reform //Justice quarterly. – 1988. – T. 5. – №. 2. – C. 165-205.
3. Fyfe J. J. Too many missing cases: Holes in our knowledge about police use of force //Justice Research and Policy. – 2002. – T. 4. – №. 1-2. – C. 87-102.
4. Garrett B., Slobogin C. The law on police use of force in the United States //German Law Journal. – 2020. – T. 21. – №. 8. – C. 1526-1540.
5. Johnson R. R. Dispelling the myths surrounding police use of lethal force //Raleigh, NC: Dolan Consulting Group. – 2016.
6. National Use-of-Force Data Collection <https://www.fbi.gov/how-we-can-help-you/more-fbi-services-and-information/ucr/use-of-force>
7. Oramas Mora D., Terrill W., Foster J. A decade of police use of deadly force research (2011–2020) //Homicide Studies. – 2023. – T. 27. – №. 1. – C. 6-33.
8. Police Foundation (US), Milton C. Police use of deadly force. – Washington, DC : Police Foundation, 1977. – C. 45-46.
9. Terrill W., Paoline III E. A. Examining less lethal force policy and the force continuum: Results from a national use-of-force study //Police Quarterly. – 2013. – T. 16. – №. 1. – C. 38-65.
10. Terrill W., Paoline III E. A. Police use of less lethal force: does administrative policy matter? //Justice quarterly. – 2017. – T. 34. – №. 2. – C. 193-216.

УДК 34**Туристическая миграция и риски для национальной безопасности: правовой анализ и международный опыт реагирования****Баклажанов Игорь Анатольевич**

Аспирант,
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2;
e-mail: ibaklzhkov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию туристической миграции как правового явления, способного создавать скрытые угрозы для национальной безопасности в условиях глобальной мобильности. Акцент сделан на правовую неопределенность, возникающую при трансформации заявленной цели пребывания без предусмотренных процедур. Особое внимание уделено анализу визовой политики государств АСЕАН (на примере Индонезии, Таиланда, Малайзии и Вьетнама), демонстрирующих растущий курс на визовый протекционизм в ответ на приток нерегламентированных мигрантов, включая граждан Российской Федерации. Рассмотрен опыт Европейского союза, где создан механизм легальной трансформации миграционного статуса. Предлагается разработка многостороннего соглашения, включающего правовые основания для смены цели пребывания, критерии фиктивного туризма и порядок обмена визовой информацией. Подчеркивается необходимость нормативного признания туристической миграции, усиления цифрового мониторинга и формирования единых подходов в рамках международного сотрудничества.

Для цитирования в научных исследованиях

Баклажанов И.А. Туристическая миграция и риски для национальной безопасности: правовой анализ и международный опыт реагирования // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 147-154.

Ключевые слова

Туристическая миграция, национальная безопасность, миграционное право, визовый режим, международное сотрудничество.

Введение

В условиях глобализации и роста трансграничной мобильности внимание международного сообщества привлекают формы миграции, выходящие за рамки классических категорий. Одной из них является туристическая миграция – добровольное перемещение по туристической визе с последующим изменением цели пребывания, чаще всего в сторону трудовой или иной долгосрочной интеграции. Несмотря на легальность въезда, такая практика нарушает визовые режимы, затрудняет контроль и создает риски для национальной безопасности.

Особенно остро эта проблема стоит в странах с высоким турпотоком и уязвимой визовой политикой. В России туристический режим нередко используется для обхода иммиграционных ограничений, что приводит к росту теневой занятости и подрыву доверия к туристическим визам. При этом на международном и национальном уровнях туристическая миграция остается нормативно неурегулированной.

Статья направлена на исследование туристической миграции как правового явления, выявление связанных с ней угроз и анализ международных механизмов реагирования на трансформацию визового статуса. Научная новизна состоит в рассмотрении туристической миграции как фактора безопасности и объекта международного права, а также в обосновании необходимости ее нормативного признания. Исследование опирается на формально-юридический метод и системный подход.

Понятие туристической миграции и риски для национальной безопасности

Туристическая миграция – это форма трансграничной мобильности, при которой лицо въезжает на законных основаниях (по визе или безвизово) с заявленной целью краткосрочного пребывания. Однако на практике цель визита нередко меняется – на трудовую, образовательную или семейную, что влечет правовые последствия, не предусмотренные изначальной визовой категорией. Основная проблема заключается в отсутствии четкой процедуры смены миграционного намерения. При изменении обстоятельств, например при трудоустройстве, мигрант формально сохраняет легальный статус, но фактически нарушает режим. Это создает правовую коллизию и неопределенность, поскольку действующее законодательство не предоставляет достаточной процедурной защиты. В таких условиях юридическая судьба туристического мигранта становится неустойчивой, подверженной дискреционным решениям государственных органов [Тарасов, 2025, 45].

Туристическая миграция объединяет черты добровольного въезда, правомерного пересечения границы и последующего социально-экономического вовлечения. В отличие от других форм миграции, она не предусматривает оснований для долгосрочного пребывания, но способна перерасти в него, что затрудняет правовую квалификацию. Мигранты могут как изначально скрывать истинные цели въезда, так и менять намерения уже после прибытия – из-за предложений о работе, брака или иных обстоятельств. Иногда пребывание продолжается после истечения визы без легализации, что ведет к утрате законного статуса. Общей проблемой остается отсутствие механизмов фиксации изменения правового положения.

Такое положение дел порождает риски – от правовых до оперативных. Невозможность отследить трансформацию миграционного поведения ослабляет контроль и нарушает баланс между открытостью и безопасностью.

Одним из ключевых рисков туристической миграции является нарушение визового режима и подрыв доверия к институту туристической визы. Использование краткосрочного туристического статуса в обход иммиграционных требований приводит к снижению эффективности миграционного контроля, усложняет работу консульских и пограничных органов, а также порождает фиктивные основания для пребывания. Отсутствие обязательной процедуры трансформации визового статуса не позволяет вовремя отследить смену миграционного намерения, в результате чего лицо, остающееся в стране, сохраняет формальный статус туриста, но фактически вовлекается в неформальную трудовую или иную деятельность [Андриченко, 2019, 45].

Особую опасность представляет экономический компонент данного явления. Туристическая миграция способствует росту теневой занятости, снижению уровня легальной налоговой базы, вытеснению граждан с местных рынков труда, особенно в низкоквалифицированных секторах. Формирующийся слой лиц с неопределенным правовым положением ограниченно поддается государственному регулированию и может стать объектом эксплуатации, что дополнительно усиливает напряженность в социальной среде [Дутов, 2022, 91]. В долгосрочной перспективе это ведет к формированию маргинализированных групп, интеграция которых в правовое пространство требует значительных усилий и ресурсов государства [Хабриева, 2019, 122].

Международно-правовой опыт регулирования

Современное международное право характеризуется несистемностью в вопросе регулирования туристической миграции. Основное внимание на универсальном уровне уделяется вынужденной миграции, перемещению трудящихся-мигрантов и вопросам защиты прав человека в контексте перемещения лиц. В результате туристическая миграция – как форма легального въезда с последующим изменением цели пребывания – остается вне прямого нормативного охвата.

Так, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года (вступила в силу в 2003 году) регулирует исключительно тех лиц, которые выезжают с изначальной целью осуществления оплачиваемой деятельности. Туристические мигранты, меняющие свой правовой статус уже после въезда, не подпадают под ее действие. Конвенция о статусе беженцев 1951 года и Протокол к ней 1967 года также не применимы, поскольку речь не идет о защите от преследования или вынужденном перемещении.

Ряд международных организаций – в первую очередь Всемирная туристская организация (ЮНВТО), Международная организация по миграции (МОМ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – затрагивают тематику туристической мобильности в рамках общих документов [Шевченко, 2024, 65]. Например, в Международном кодексе по защите туристов (UNWTO International Code for the Protection of Tourists, принят в 2022 году) содержатся нормы, касающиеся прав туристов в условиях кризисов, но не рассматривается проблема фиктивного туризма или смены цели пребывания. Документы МОМ преимущественно касаются управления миграцией в рамках устойчивого развития [Бубнов, 2024, 33], однако также не охватывают явление туристической миграции как трансформирующейся категории.

В пространстве ЕАЭС и СНГ вопросы туристической миграции слабо формализованы. Регулирование осуществляется преимущественно в рамках административного и визового

взаимодействия, без унификации правовых позиций по изменению миграционного намерения. Как отмечает А. Ю. Ястребова, стоит выделить такие виды добровольной миграции, требующие специального международно-правового регулирования, как воссоединение семей, научные и образовательные передвижения и возвращение соотечественников на историческую родину» [Ястребова, 2018, 32]. Эта характеристика в полной мере применима и к туристической миграции, которая в условиях нормативной аморфности и отсутствия координации между государствами может становиться инструментом косвенного давления, распространения серых схем перемещения, а в ряде случаев – каналом угроз национальной безопасности.

Визовая политика как инструмент управления туристической миграцией

Современные государства все чаще рассматривают визовую политику не только как средство регулирования трансграничных перемещений, но и как инструмент обеспечения внутренней стабильности, защиты рынка труда и сохранения социальной среды. Туристическая миграция, сопряженная с изменением заявленной цели пребывания, оказалась в центре внимания органов государственного управления в ряде государств Юго-Восточной Азии. Практика последних лет, в частности с 2022 года, демонстрирует усиливающийся курс на визовый протекционизм, что проявляется в ограничениях, направленных на предотвращение фиктивного туризма и сдерживание роста нерегулируемых диаспор.

Особое внимание к проблеме наблюдается в странах АСЕАН, где значительная часть экономики зависит от въездного туризма. Наиболее показательной стала ситуация в Индонезии, прежде всего на острове Бали. С 2022 года в ответ на резкий рост числа граждан Российской Федерации, остающихся в стране сверх установленного срока и занимающихся трудовой деятельностью без разрешения, власти начали последовательно ужесточать визовый контроль. В 2023 году губернатор Бали публично предложил приостановить безвизовый режим для россиян и украинцев, а уже в 2024 году было введено правило, согласно которому иностранцы, пребывающие более 60 дней и получающие доход, обязаны оформить разрешение на работу [Индонезия может приостановить безвиз для россиян: власти Бали обеспокоены ростом нарушений визового режима, 2022, [www](#)]. Также значительно возросло количество депортаций за нарушение миграционного законодательства и случаи запрета на въезд.

Похожая тенденция прослеживается в Таиланде, традиционно придерживавшемся либерального визового режима. После 2022 года, несмотря на формальное продление срока безвизового пребывания для граждан РФ до 90 дней, усилились проверки целей въезда, особенно в отношении удаленных работников и релокантов [В Таиланде ужесточают контроль за русскими туристами. Нарушители депортируются, 2022, [www](#)]. Миграционные органы Пхукета и Паттайи зафиксировали многочисленные случаи трудовой деятельности без разрешений, что привело к сотням депортаций. Кроме того, в крупных туристических центрах усилилось сотрудничество между миграционной полицией, налоговыми и социальными службами. Аналогичные меры в виде ограничений на продление виз и пристального внимания к фактическому поведению иностранцев были предприняты в Малайзии и Вьетнаме [ASEAN Migration Policy Frameworks, 2023, [www](#)].

Подобные действия имеют правовую основу в действующем миграционном законодательстве этих стран, но по своей сути представляют собой реакцию на рост неформальных диаспор, не вписывающихся в рамки заявленного туристического пребывания.

Визовая политика выступает здесь не просто как пограничная процедура, а как средство защиты интересов государства: рекреационных ресурсов, занятости местного населения, общественного порядка. Туристическая миграция при этом трактуется не в контексте гуманитарных прав, а как объект контроля и фильтрации.

На фоне подобной политики стран АСЕАН особенно выделяется визовая практика Европейского союза. В рамках Шенгенской зоны действует унифицированный Визовый кодекс ЕС (Регламент № 810/2009/ЕС [Визовый кодекс Европейского союза, 2009, www]), который позволяет не только выдачу краткосрочной визы с единой процедурой оценки, но и предусматривает институты продления, аннулирования и замены виз, а также возможность изменения цели пребывания без обязательного выезда. Важным элементом является согласованная процедура перехода от краткосрочного туристического статуса к долгосрочному пребыванию (например, по основанию обучения, заключения брака, трудовой занятости). Такая трансформация возможна при подаче соответствующего ходатайства в органы того государства, в котором иностранец фактически находится, при условии соблюдения временных и процессуальных критериев.

ЕС демонстрирует эффективный пример интеграционного подхода, в котором визовая политика выступает как часть системы миграционного права, сопряженного с системой прав человека, цифровым контролем (Visa Information System – VIS) и межведомственным обменом информацией. Это позволяет ограничить злоупотребления, минимизировать теневые схемы трансформации статуса и обеспечить прозрачность перемещения лиц.

В отличие от ЕС, региональные объединения в Азии, включая АСЕАН, пока не выработали единых подходов к трансформации визового статуса. Сотрудничество в области миграции ограничивается в основном вопросами упрощения визового режима для граждан стран-членов. Отсутствие согласованных позиций по трансформации статуса туриста в мигранта, равно как и унифицированных правил регулирования долгосрочного пребывания, делает регион уязвимым к проблемам правовой неопределенности и злоупотреблениям.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным сформулировать инициативу по разработке многостороннего соглашения между странами с высоким турпотокom (в том числе в рамках СНГ или ЕАЭС), включающего:

- согласованное определение туристической миграции;
- правовые основания и процедуры трансформации визового статуса;
- условия допустимости смены цели пребывания без выезда;
- обмен визовой информацией;
- общие критерии борьбы с фиктивным туризмом.

Подобное соглашение может быть оформлено в виде модельного акта или soft law-документа под эгидой международной организации (например, ЮНВТО), с учетом лучшего опыта ЕС и практики стран АСЕАН. Это создаст правовую основу для легализации миграционного поведения и одновременно укрепит контроль над миграционными процессами в интересах национальной безопасности.

На международном уровне приоритетной задачей становится выработка согласованного определения туристической миграции, отличающего ее от краткосрочного туризма и традиционных форм миграции. Для этого целесообразно принятие модельного soft law-документа, например, Рекомендаций ЮНВТО, с указанием признаков смены цели пребывания, критериев фиктивности и условий допустимой трансформации статуса без выезда. Актуальной представляется и разработка многостороннего соглашения, устанавливающего порядок обмена

визовой информацией и принципы переходного визового режима – с возможностью переоформления статуса при наличии уважительных оснований (работа, брак, обучение) и механизмами контроля.

Для национальных правопорядков, включая Российскую Федерацию, важно нормативно закрепить право на изменение цели пребывания без выезда, что обеспечит правовую определенность и снизит число нарушений. Также необходима цифровизация миграционного мониторинга и интеграция ведомственных баз данных.

Заключение

Туристическая миграция представляет собой трансформирующуюся форму международной мобильности, находящуюся за пределами традиционных миграционных режимов и сопряженную с множеством скрытых рисков для государства. Отсутствие в международном и национальном праве механизмов реагирования на изменение цели пребывания создает правовой вакуум, способствующий злоупотреблениям, росту теневой занятости и ослаблению миграционного контроля.

Выработка согласованной нормативной позиции, включающей как дефиницию туристической миграции, так и процедуры правомерной трансформации миграционного статуса, становится условием обеспечения правопорядка и сохранения баланса между свободой перемещения и защитой национальной безопасности. Туристическая миграция требует комплексного и системного подхода, основанного на правовых инструментах превенции, прозрачности и межгосударственного сотрудничества.

Библиография

1. ASEAN Migration Policy Frameworks: State of Play and Opportunities for Harmonisation. – International Organization for Migration. 2023. URL: <https://www.iom.int/> (дата обращения: 11.06.2025).
2. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М.: Норма, 2019. 392 с.
3. Бубнов А.В. Кластерное развитие российского туризма: правовые и экономико-управленческие аспекты. М.: Русайнс, 2024. 202 с.
4. В Таиланде ужесточают контроль за русскими туристами. Нарушители депортируются. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/11/15/72811898/> (дата обращения: 11.06.2025).
5. Визовый кодекс Европейского союза: Регламент (ЕС) № 810/2009 Европейского парламента и Совета от 13 июля 2009 г. об учреждении Визового кодекса Сообщества // Официальный журнал Европейского союза. 2009. L 243. С. 1–58.
6. Дутов П.О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции. М.: Юнити-Дана, 2022. 176 с.
7. Индонезия может приостановить безвиз для россиян: власти Бали обеспокоены ростом нарушений визового режима. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2024/65e6e0e69a7947cc841fbc9a> (дата обращения: 11.06.2025).
8. Конвенция о статусе беженцев (заключена в Женеве 28 июля 1951 г.) и Протокол, касающийся статуса беженцев (Нью-Йорк, 31 января 1967 г.) // Сборник международных договоров СССР и РФ. Вып. XLVII. М., 1993. С. 67–89.
9. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 24.02.2025).
10. Международный кодекс защиты туристов (принят резолюцией ГА ООН № CE/116/3(b) от 21 декабря 2021 г.) // Всемирная туристская организация. Мадрид, 2021. URL: [<http://www.unwto.org/>] (дата обращения: 24.02.2025).
11. Тарасов О.И. Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 42–47.
12. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения, 2019. 400 с.
13. Шевченко О.А. Актуальные проблемы правового регулирования внутреннего и въездного туризма. М.:

Перспектив, 2024. 112 с.

14. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 580 с.

Tourist Migration and National Security Risks: Legal Analysis and International Response Experience

Igor A. Baklazhanov

Graduate Student,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119021, 53/2 Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ibaklzhkov@mail.ru

Abstract

The article examines tourist migration as a legal phenomenon capable of creating hidden threats to national security in the context of global mobility. The focus is on the legal uncertainty arising from the transformation of the declared purpose of stay without following established procedures. Special attention is paid to the analysis of the visa policies of ASEAN states (using Indonesia, Thailand, Malaysia, and Vietnam as examples), which demonstrate a growing trend towards visa protectionism in response to the influx of unregulated migrants, including citizens of the Russian Federation. The experience of the European Union, where a mechanism for the legal transformation of migration status has been created, is considered. The development of a multilateral agreement is proposed, including legal grounds for changing the purpose of stay, criteria for fictitious tourism, and procedures for exchanging visa information. The necessity of legally recognizing tourist migration, enhancing digital monitoring, and forming unified approaches within international cooperation is emphasized.

For citation

Baklazhanov I.A. (2025) Turisticheskaya migratsiya i riski dlya natsional'noy bezopasnosti: pravovoy analiz i mezhdunarodnyy opyt reagirovaniya [Tourist Migration and National Security Risks: Legal Analysis and International Response Experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 147-154.

Keywords

Tourist migration, national security, migration law, visa regime, international cooperation.

References

1. International Organization for Migration (2023) ASEAN Migration Policy Frameworks: State of Play and Opportunities for Harmonisation. Available at: <https://www.iom.int/> (Accessed: 11.06.2025).
2. Andrichenko L.V. (2019) Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneniya [Migration Legislation of the Russian Federation: Development Trends and Law Enforcement Practice]. Moscow: Norma. 392 p.
3. Bubnov A.V. (2024) Klasternoe razvitie rossiiskogo turizma: pravovye i ekonomiko-upravlencheskie aspekty [Cluster-Based Development of Russian Tourism: Legal and Economic-Administrative Aspects]. Moscow: Rusains. 202 p.

4. Fontanka.ru (2023) V Tailande uzhe sto chayut kontrol' za russkimi turistami. Narushiteli deportiruyutsya [Thailand Tightens Control Over Russian Tourists. Violators Deported]. Available at: <https://www.fontanka.ru/2023/11/15/72811898/> (Accessed: 11.06.2025).
5. European Union (2009) Visa Code: Regulation (EC) No 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 Establishing a Community Code on Visas. Official Journal of the European Union. L 243, pp. 1–58.
6. Dutov P.O. (2022) Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie vneshnei trudovoi migratsii [Constitutional and Legal Regulation of External Labor Migration]. Moscow: Yuniti-Dana. 176 p.
7. RBC.ru (2024) Indoneziya mozhет priostanovit' bezviz dlya rossiyan: vlasti Bali obespokoeny rostom narushenii vizovogo rezhima [Indonesia May Suspend Visa-Free Regime for Russians: Bali Authorities Concerned About Increasing Visa Violations]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2024/65e6e0e69a7947cc841fbc9a> (Accessed: 11.06.2025).
8. United Nations (1951/1967) Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva, 28 July 1951) and Protocol Relating to the Status of Refugees (New York, 31 January 1967). Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR i RF, Vol. XLVII. Moscow, 1993, pp. 67–89.
9. United Nations (1990) International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (Accessed: 24.02.2025).
10. United Nations World Tourism Organization (2021) International Code for the Protection of Tourists. Resolution No. CE/116/3(b), 21 December 2021. Madrid: UNWTO. Available at: <http://www.unwto.org/> (Accessed: 24.02.2025).
11. Tarasov O.I. (2025) Sud'ba kak kategoriya yuridicheskogo znaniya: filosofsko-pravovye interpretatsii [Fate as a Category of Legal Knowledge: Philosophical and Legal Interpretations]. Yuridicheskaya nauka, no. 4, pp. 42–47.
12. Khabrieva T.Ya. (2019) Migratsionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Migration Law: A Comparative Legal Study]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law. 400 p.
13. Shevchenko O.A. (2024) Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya vnutrennego i v'ezdnogo turizma [Current Issues of Legal Regulation of Domestic and Inbound Tourism]. Moscow: Prospekt. 112 p.
14. Yastrebova A.Yu. (2018) Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy regulirovaniya migratsii: doktrinal'nye podkhody i opyt Rossiiskoi Federatsii [International Legal Mechanisms for Regulating Migration: Doctrinal Approaches and the Experience of the Russian Federation]. Doctoral thesis. Moscow. 580 p.

УДК 341.64**Рекомендательный характер консультативных заключений ООН****Орлова Юлия Михайловна**

Кандидат юридических наук, доцент,
Юридический факультет,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: youlia_@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается юрисдикция Международного суда ООН по вынесению консультативных заключений. За последние несколько десятилетий наблюдается рост числа консультативных заключений, которые затрагивают не процедурные аспекты, а политические интересы государств. Консультативные заключения чаще поступают по запросу Генеральной Ассамблеи ООН и, как показывает практика, они направлены на оказание помощи другим органам ООН при осуществлении ими своей деятельности. Консультативные заключения представляют собой «мягкую» силу и полезный инструмент для малых государств, так как могут добавить авторитетный голос Международного Суда в межгосударственный переговорный процесс. Вместе с тем, далеко не все участниками международных отношений относятся к этой процедуре позитивно. Самое главное возражение государств основано как правило на отсутствии согласия на судебную юрисдикцию Международного Суда. Также существенным недостатком процедуры является установление и оценка фактов при неучастии стороны в разбирательстве, чтобы окончательное консультативное заключение считалось авторитетным.

Для цитирования в научных исследованиях

Орлова Ю.М. Рекомендательный характер консультативных заключений ООН // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 155-163.

Ключевые слова

Международный суд ООН, консультативные заключения, «мягкая» сила, преимущества и недостатки консультативной процедуры.

Введение

За последние 30 лет в ходе консультативных разбирательств в Международном суде ООН рассматривались достаточно серьезные с политической точки зрения вопросы международного права, включая независимость Косово (2010) и применение ядерного оружия (1996). Он также рассматривал вопросы, которые напрямую затрагивают государственные интересы, такие как законность израильского барьера на Западном берегу реки Иордан (2004), о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия (2019), о правовых последствиях политики и практик Израиля на оккупированной палестинской территории (2024). На сегодняшний день готовится еще одно консультативное заключение об обязательствах государств в отношении изменения климата (слушания состоялись с 2-13 декабря 2024 года, заключение появится в 2025 г.).

Основное содержание

Консультативное заключение – это судебное заключение, которое служит руководством для физических или юридических лиц по вопросам права. Консультативные процедуры в национальных юрисдикциях являются своеобразным диалогом между судебной и исполнительной или законодательной ветвями власти. Как правило, национальные консультативные заключения (если они предусмотрены национальным законодательством) принимаются Верховным судом государства и не имеют обязательной силы, если только это прямо не предусмотрено конкретным правовым актом. Та же идея лежит в основе консультативной юрисдикции Международного суда: она используется, когда политическому органу требуется авторитетная юридическая консультация перед принятием решения. В соответствии со ст. 96 Устава ООН и ст. 65 Статута МС ООН, «Международный суд принимает запросы на консультативные заключения от Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН и специализированных учреждений ООН в рамках своей компетенции» [Устав, 1945, [www](#)]. «Консультативные заключения Международного суда направлены на оказание помощи другим органам ООН при осуществлении ими своей деятельности» [Заключение, 2010, [www](#)]. А по мнению А.С. Смбатян «консультативные заключения представляют собой авторитетное выражение мнения главного судебного органа ООН по конкретному вопросу международного права» [Смбатян, 9, 99].

Следует отметить, что по общему правилу консультативные заключения Международного суда ООН формально не являются обязательными для государств. Вместе с тем, в консультативных заключениях он осуществляет свои полномочия по определению объема прав и обязанностей государств и определяет порядок поведения государств. Таким образом, Международный суд может влиять на процесс международных переговоров. Например, в консультативном заключении по делу Чагоса в 2019 году Международный суд пришел к выводу, что продолжающееся управление архипелагом со стороны Великобритании является нарушением норм международного права, поскольку он был неправомерно отделен от территории Маврикия, что делает его деколонизацию незавершенной. Отчасти следуя выводам заключения Международного суда ООН, в 2022 году Великобритания вступила в переговоры с Маврикием об осуществлении суверенитета над архипелагом Чагос.

Предметом некоторых консультативных заключений Международного суда являются

серьезные политические интересы, которые непосредственно касаются суверенитета государств, а также правомерности их действий. Как правило, такие дела рассматриваются в Международном суде в рамках межгосударственных разбирательств, в ходе которых заявитель и государство-ответчик передают свой спор в Международный суд (или другой международный суд или трибунал), и уже суд выступает в качестве третьей стороны в качестве арбитра с целью мирного урегулирования спора. В подобных ситуациях государства передают свои споры в Суд только при добровольном согласии о рассмотрении спора Судом. Этого требования нет при осуществлении Судом консультативной юрисдикции, так как они не являются формой судебного обращения государств - «заявителей» против других государств-«ответчиков» [Заключение МС, 1965, www].

Несмотря на то, что Статут Международного суда наделил суд компетенцией по вынесению консультативных заключений, он вместе с тем ограничивает его компетенцию рассмотрением юридических вопросов по запросу компетентного органа, дабы защитить государственный суверенитет от вынесения решения без согласия государства (например, в ситуации оспариваемого суверенитета над архипелагом Чагос).

Вместе с тем, Международный суд никогда не отклонял просьбу о вынесении консультативного заключения на том основании, что она включает в себя спор, а не юридический вопрос. «Понятие «спора» обязательно влечет за собой вопрос о юридических правах и обязанностях, в отличие от юридического вопроса, который является широким понятием и может охватывать «споры» [d'Argent, 2019, 1798]. В консультативном заключении 1996 года (о законности угрозы ядерным оружием) США утверждало, что это заключение содержит рекомендации по вопросу, который во многих отношениях является политическим и может подорвать авторитет и эффективность Международного Суда. Тем не менее, Международный Суд посчитал, что «когда вопрос сформулирован с точки зрения права и поднимает проблемы международного права, он по самой своей природе может вынести консультативное заключение» [Заключение, 1996, www]. В связи с этим Суд постановил, «что, хотя и не существует обычного или договорного международного права, которое разрешало бы или запрещало применение ядерного оружия, угроза ядерным оружием или его применение в целом противоречат принципам и нормам международного гуманитарного права» [Заключение, 1996, www]. Однако судьи сочли, что «они не могут сделать вывод о том, будет ли угроза ядерным оружием или его применение правомерными или незаконными в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, когда на карту поставлено само существование государства» [Chan, Khaw, 2024, 179]. В заключении также Суд подчеркнул, что государства обязаны действовать добросовестно и эффективно использовать переговоры, ведущие к ядерному разоружению.

Существование спора между государствами становится еще более очевидным в ситуациях, связанных с территориальным суверенитетом государства и правом на самоопределение. В таких случаях отсутствие согласия государства играет центральную роль в юридических аргументах государств - «ответчиков» (например, в заключении Чагос). Генеральная Ассамблея ООН обратилась в Международный суд с просьбой дать рекомендации о том, была ли деколонизация Маврикия законно завершена после того, как ему была предоставлена независимость в 1968 году. Международная комиссия юристов установила, что «отделение архипелага Чагос не было основано на свободном и подлинном волеизъявлении соответствующего народа...поэтому его деколонизация не была законно завершена. Таким

образом, продолжающееся управление архипелагом со стороны Великобритании было признано нарушением международного права» [Заключение, 1965, [www](#)]. И Великобритания, и США утверждали, что, Международный суд не должен отвечать на вопрос ГА ООН, так как государство не может быть принуждено передавать свои споры на судебное урегулирование. В этой связи вспонился прецедент о статусе Восточной Карелии 1923 г., когда Постоянная палата международного правосудия сочла невозможным вынести консультативное заключение, так как вопрос был связан с существующим спором между Финляндией и Россией в отношении российской провинции Восточная Карелия, расположенной вблизи их общей границы [ППМП, 1923, [www](#)], а «в то время Россия не была членом Лиги Наций и не была связана Статутом ППМП и судебный орган уточнил, что «Россия не является членом Лиги, ситуация регулируется ст. 17 Устава Лиги («В случае спора между двумя государствами, из которых лишь одно является Членом Лиги или из которых ни одно не входит в нее, государство или государства, посторонние Лиге, приглашаются подчиниться обязательствам, лежащим на ее Членах, в целях урегулирования спора»)» [Толстых, 2021, 19]. В 1975 году Международный суд ООН разъяснил, что в деле о Восточной Карелии ППМП отклонил ходатайство в первую очередь из-за отсутствия достаточных вещественных доказательств в результате неучастия России в судебном разбирательстве. В связи с этим обстоятельством «Суд не смог прийти к судебному заключению по спорным фактическим вопросам, определение которых необходимо для вынесения заключения в условиях, совместимых с его судебным характером» [Заключение, 1975, [www](#)].

Вместе с тем, после вынесения консультативного заключения, Великобритания прямо его не отвергла, но подтвердила свою позицию о том, что вернет суверенитет над архипелагом Маврикию, «как только он больше не будет необходим для оборонительных целей» [Stoeger, 2023, 294]. Однако, как отмечалось выше, через три года после вынесения заключения по делу Чагоса Великобритания начала официальные переговоры с Маврикием. А 3 октября 2024 года между Великобританией и Маврикием достигнуто итоговое политическое соглашение о передаче архипелага Чагос в состав Маврикия.

В ходе консультативного разбирательства о законности израильского барьера на Западном берегу реки Иордан Израиль также утверждал, что он не давал согласия на вынесение судебного решения о законности строительства заградительного сооружения на Западном берегу. Тем не менее, Международный Суд подтвердил, что согласие государства не требуется в ходе консультативного разбирательства. Заключение носит рекомендательный характер и не имеет обязательной силы. Таким образом, как следствие, «ни одно государство, будь то член ООН или нет, не может препятствовать вынесению консультативного заключения, которое ООН считает необходимым, с тем чтобы получить представление о том, какой действия необходимо предпринять. Заключение Суда выносится не государствам, а органу, который имеет право его запрашивать» [Заключение, 2004, [www](#)].

Международный суд ООН, толкуя формулировку ст. 65 Статута Суда о том, что «Суд может давать консультативные заключения», выработал позицию, «согласно которой он обладает необходимой дискрецией при решении вопроса о принятии к рассмотрению запроса либо отказа с целью защиты целостности судебной функции Суда как главного судебного органа ООН» [Батырь, 2020, 137]. Тем не менее, Международный суд до настоящего времени ни разу не отказывал в Консультативном заключении из-за отсутствия согласия со стороны государств, чьи интересы поставлены на карту. Следовательно, представляется, что до тех пор, пока спор носит

многосторонний характер и ООН вовлечена в решение данного вопроса, Международный Суд, с большой вероятностью будет отвергать любые претензии государств - «ответчиков» о том, что они не давали согласия на разрешение конкретного спора.

Практические преимущества консультативной процедуры

Исторически сложилось, что государства неохотно используют судебные процедуры при разрешении своих споров, так как их передача на рассмотрение третьей стороны является рискованной и длительной процедурой. Судебное разбирательство также может рассматриваться как недружественное действие со стороны государства-заявителя и может повлиять на его отношения с государством-ответчиком.

В рамках традиционного судебного разбирательства, в отличие от консультативных заключений, позиции государств-заявителей более очевидны и понятны. Подавляющее большинство запросов на получение консультативных заключений подается Генеральной Ассамблеей ООН в форме резолюций, для которых требуется простое большинство государств. Таким образом, государства выступают не в одиночку, а как блок большинства против государства - «ответчика». Консультативное заключение – это конструктивный и неконфронтационный путь. Более того, Международный суд напрямую не дает оценку политическим мотивам государств. Можно также утверждать, что обращение к консультативным процедурам сопряжено с меньшим риском политических издержек, поскольку в консультативном заключении нет победителей или проигравших.

Консультативные процедуры более доступны, так как основным требованием является лоббирование вопроса в Генеральной Ассамблее ООН. Они не требуют согласия государства и выносятся в течение двух лет после обращения в ГА ООН. Международный суд заслушивает государство, имеющее право доступа к Суду. Это обязательство распространяется и на другие государства и международные организации, которые могут предоставить информацию по рассматриваемому вопросу. Таким образом, государства и международные организации пользуются многими процессуальными правами, которыми они пользовались бы в ходе судебного разбирательства (представление аргументов, возможность одного участника ответить другому и т.п.) Консультативные разбирательства влекут за собой меньшие финансовые затраты по сравнению с судебными разбирательствами. В отличие от традиционного межгосударственного судебного разбирательства, в консультативном разбирательстве основное досье со всеми необходимыми фактическими и юридическими аргументами передается в Международный суд Генеральным секретарем ООН в соответствии с правилом ст.104 Статута Международного суда. Бремя доказывания, в отличие от судебного разбирательства, не ложится на участника-заявителя.

Следовательно, консультативные разбирательства могут рассматриваться как «мягкая» судебная сила, так как государства-«заявители» и международные организации пользуются своими основными правами в качестве сторон в судебном процессе. Таким образом, они получают выгоду от подобных судебных разбирательств по аналогии с традиционными межгосударственными судебными разбирательствами. В то же время консультативные разбирательства влекут за собой меньшие финансовые издержки. Также можно предположить, что консультативные заключения представляют собой «мягкую» судебную силу из-за их необязательного эффекта. Однако отсутствие обязательной силы компенсируется тем фактом,

что заключения представляют собой авторитетное заявление Международного суда в рамках международного права. Суд в последующем может ссылаться на свои консультативные заключения при вынесении решений в межгосударственных спорах, тем самым демонстрируя, что они являются прецедентом. В рамках внутрисудебного диалога консультативные заключения принимаются во внимание и учитываются иными национальными или международными судебными учреждениями. Международный трибунал по морскому праву в деле между Мальдивами и Маврикием отклонил два возражения первого субъекта, которые основывались на существовании спора между Маврикием и Великобританией по поводу суверенитета над островами Чагос. По мнению Трибунала, Консультативное заключение по делу Чагоса разрешило спор в пользу Маврикия [Lanzoni, 2022, 298].

С 1948 по 2024 год Международный суд вынес всего 30 консультативных заключений и более 100 постановлений в судебных разбирательствах. Из 30 заключений, опубликованных Международным судом, около 20 относятся к процедурным вопросам деятельности органов ООН. Предмет некоторых из этих заключений, возможно, косвенно имел значение для некоторых государств, например, о толковании договоров между международными организациями и государствами, однако ни один из этих случаев не затронул вопросов государственного суверенитета и не оказал серьезного влияния на систему международных отношений.

За первые 40 лет своей работы Международный суд ООН вынес всего три заключения, которые касались государственных интересов и политически спорных вопросов (два заключения о независимости Намибии от Южной Африки, и одно, связанное с деколонизацией Западной Сахары). Однако, начиная с середины 90-х годов, наблюдается значительный рост такого рода консультативных заключений. Международный суд ООН уже вынес 5 заключений по вопросам, которые серьезно и непосредственно затрагивают интересы государства и/или территориальный суверенитет, и одно находится в завершающей стадии. Все запросы были поданы Генеральной Ассамблеей ООН. Таким образом, наблюдается тенденция к более широкому использованию консультативных заключений по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам, влияющим на систему международных отношений, которые обычно не рассматриваются судебным органом, поскольку отсутствие согласия государства на юрисдикцию служит процессуальным барьером. По сути Международный суд ООН разрешает конкретные юридические споры между спорящими сторонами. Судьи формально независимы и не представляют государства. Они применяют ранее существовавшие правила и процедуры к возникающим спорам и имеют право авторитетно заявлять о нарушениях норм международного права, а также могут предлагать варианты устранения правонарушений и предотвращения их повторения. По меткому замечанию одного из ex-судей Международного Суда применительно к консультативному разбирательству, «политические дебаты переместились из ООН во Дворец мира в Гааге» [Bennouna, 2013, 96].

Вместе с тем, подобный перенос политических дебатов в Международный суд ООН воспринимается позитивно далеко не всеми участниками международных отношений. Самое главное возражения государств основано как правило на отсутствии согласия на судебную юрисдикцию Международного Суда. Например, в контексте рассмотрения запроса об изменении климата, присутствовал тезис, что государства могут не желать идти на дальнейшие компромиссы на переговорах по Рамочной конвенции ООН об изменении климата, так как запрос может быть расценен как попытка обойти переговоры. Еще одним существенным

недостатком процедуры является установление и оценка фактов при неучастии стороны в разбирательстве, чтобы окончательное консультативное заключение считалось авторитетным.

Заключение

В заключении следует отметить, что на наш взгляд, консультативные заключения в качестве «мягкой» силы являются особенно важным инструментом для малых государств и международных организаций, поскольку они обладают потенциалом для уравнивания неотъемлемого неравенства сил между сильными и более слабыми государствами в процессе международных переговоров, добавляя в дебаты авторитетный голос Международного суда. Подобный инструмент может быть законно использован только в отношении споров, которые затрагивают интересы мирового сообщества, таких как катастрофические последствия изменения климата или ядерного оружия, или же когда речь идет о принципе самоопределения или нарушениях прав человека и гуманитарного права. Тем не менее, категорическое неучастие государств - «ответчиков» может, к сожалению, подорвать легитимность консультативных заключений Международного Суда ООН.

Библиография

1. Батырь В.А. Правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. (обзор консультативного заключения Международного Суда ООН от 25 февраля 2019 г. и Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 17 мая 2019 г.) // Вестник Университета им.О.Е.Кутафина (МГЮА). 12 (76) 2020.
2. Консультативное заключение 22/07/2010 о соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права / www.refworld.org/sites/default/files/legacy-pdf/ru/2010-7/538d921a0.pdf
3. Консультативное заключение 25/02/2019 о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия <https://legal.un.org/icsummaries/documents/russian/232.pdf>
4. Консультативное заключение 19/07/1996 относительно законности угрозы ядерного оружия или его применения. <https://m.bigenc.ru/vault/9f15f4f75dfc882209749d976d84d618.pdf>
5. Консультативное заключение 9/07/2004 о правовых последствиях строительства стены. www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/
6. Консультативное заключение 16/10/1975 по делу Западной Сахары worldcourts.com/icj/eng/decisions/1975.10.16_western_sahara.htm
7. ППМП, Статус Восточной Карелии, консультативное заключение, 1923 г. Series B: Collection of Advisory Opinions (1923–1930). URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij-series-b>
8. Сибатян А.С. Консультативная юрисдикция Международного Суда ООН // Современное право. – 2009. - №2. С.99.
9. Толстых В.Л. Участие России в деятельности институтов международного правосудия и позиция отечественной судебной доктрины // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. DOI: https://doi.org/10.34076/2219.6838_2021_3_15.
10. Устав ООН 1945 г./www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
11. d'Argent, Pierre, 'Article 65', in Andreas Zimmermann, and others (eds), The Statute of the International Court of Justice: A Commentary, 3rd Edition, Oxford Commentaries on International Law (2019; online edn, Oxford Academic), <https://doi.org/10.1093/law/9780198814894.003.0081>, accessed 29 Apr. 2025
12. Bennouna, Mohamed. 2013. "The Advisory Function of the International Court of Justice in the Light of Recent Developments." In THE GLOBAL COMMUNITY YEARBOOK OF INTERNATIONAL LAW AND JURISPRUDENCE: Global Trends: Law, Policy & Justice Essays in Honour of Professor Giuliana Ziccardi Capaldo, edited by M. Cherif Bassiouni, Gomula Joanna, Paolo Mengozzi, John G. Merrills, Rafael Nieto Navia, Anna Oriolo, William Schabas, and Anna Vigorito, 95–100. Oxford University Press.
13. Series B: Collection of Advisory Opinions (1923–1930). Текст: электронный // International Court of Justice: official website. 2017–2020. URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij-series-b>
14. K. Chan and J. Khaw, "Not All Those Who Wander (Over the Horizon) Are Lost: The Applicability of Existing Paradigms of International Law to Cyberspace and the Interpretation of Customary International Law," 2024 16th International Conference on Cyber Conflict: Over the Horizon (CyCon), Tallinn, Estonia, 2024.

15. Lanzoni, Niccolò. 2022. "The Authority of ICJ Advisory Opinions as Precedents: The Mauritius/Maldives Case." *The Italian Review of International and Comparative Law* 2 (2): 296–322.
16. Sthoeger, Eran. 2023. "How Do States React to Advisory Opinions? Rejections, Implementation, and What Lies in Between." *AJIL Unbound* 117: 292-297.
17. www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-uk-and-mauritius-3-october-2024.

Advisory Nature of UN Advisory Opinions

Yuliya M. Orlova

PhD in Law, Associate Professor,
Faculty of Law,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603950, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: youlia_@mail.ru

Abstract

The article examines the jurisdiction of the UN International Court of Justice in issuing advisory opinions. Over recent decades, there has been an increase in the number of advisory opinions addressing not procedural aspects but the political interests of states. Advisory opinions are most often requested by the UN General Assembly and, as practice shows, aim to assist other UN bodies in carrying out their activities. Advisory opinions represent a form of "soft" power and a useful tool for small states, as they can add the authoritative voice of the International Court of Justice to interstate negotiation processes. However, not all participants in international relations view this procedure positively. The primary objection from states is typically based on the lack of consent to the judicial jurisdiction of the International Court of Justice. Another significant drawback of the procedure is the establishment and assessment of facts without the participation of the concerned party, which is essential for the final advisory opinion to be considered authoritative.

For citation

Orlova Yu.M. (2025) Rekomendatel'nyy kharakter konsul'tativnykh zaklyucheniy OON [Advisory Nature of UN Advisory Opinions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 155-163.

Keywords

International Court of Justice, advisory opinions, "soft" power, advantages and disadvantages of the advisory procedure.

References

1. Batyr V.A. Pravovye posledstviya tsevdutshf arhipelaga Chagos ot Mavrikiya v 1965 g. (obzor konsultativnogo zaklucheniya Mejdunarodnogo Suda OON ot 25/02/2019 i Resolutsii Generalnoy Assamblei OON ot 17/05/2019) // *Vestnik Universiteta im.O.E.Kutafina (MGYuA)*. 12 (76) 2020.
2. Konsultativnoe zakluchenie 22/07/2010 o sootvetstvie odnostoronnego provozglasheniya nezavisimosti Kosovo normam mejdunarodnogo prava / www.refworld.org/sites/default/files/legacy-pdf/ru/2010-7/538d921a0.pdf
3. Konsultativnoe zakluchenie 25/02/2019 o pravovykh posledstviakh otdeleniya arhipelaga o Chagos ot Mavrikiya v 1965 g. <https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/232.pdf>.

4. Konsultativnoe zakluchenie 19/07/1996 otnositelno zakonnosti ugrozy iadernogo orujia ili ego primeneniya / <https://m.bigenc.ru/vault/9f15f4f75dfc882209749d976d84d618.pdf>
5. Konsultativnoe zakluchenie 9/07/2004 o pravovyh posledstviakh stroitelstva steny / www.un.org/unispal/document/auto-insert-178825/
6. Konsultativnoe zakluchenie 16/10/1975 po delu Zapadnoy Sahary / worldcourts.com/icj/eng/decisions/1975.10.16_western_sahara.htm
7. PPMP, Status Vostochnoy Karelii, Konsultativnoe zakluchenie, 1923 r. Series B: Collection of Advisory Opinions (1923–1930). Текст: электронный // International Court of Justice. Official website. 2017–2020. URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij-series-b>
8. Smbtian A.S. Konsultativnaia yurisdiksiia Mejdunarodnogo suda OON // *Sovremennoe parvo.* – 2009. - №2. С.99.
9. Tolstyh V.L. Uchastie Rossii v deiatelnosti institutov mejdunarodnogo pravosudia i positsiia otechestvennoy sudebnoi doktriny // *Elektronnoe prilojenie k Rossiiskomu yuridicheskomu jurnalu* 2021. № 3. DOI: https://doi.org/10.34076/2219.6838_2021_3_15.
10. Ustav OON 1945 г. / www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
11. d'Argent, Pierre, 'Article 65', in Andreas Zimmermann, and others (eds), *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary*, 3rd Edition, Oxford Commentaries on International Law (2019; online edn, Oxford Academic), <https://doi.org/10.1093/law/9780198814894.003.0081>, accessed 29 Apr. 2025
12. Bennouna, Mohamed. 2013. "The Advisory Function of the International Court of Justice in the Light of Recent Developments." In *THE GLOBAL COMMUNITY YEARBOOK OF INTERNATIONAL LAW AND JURISPRUDENCE: Global Trends: Law, Policy & Justice Essays in Honour of Professor Giuliana Ziccardi Capaldo*, edited by M. Cherif Bassiouni, Gomula Joanna, Paolo Mengozzi, John G. Merrills, Rafael Nieto Navia, Anna Oriolo, William Schabas, and Anna Vigorito, 95–100. Oxford University Press.
13. Series B: Collection of Advisory Opinions (1923–1930). Текст: электронный // International Court of Justice: official website. 2017–2020. URL: <https://www.icj-cij.org/en/pcij-series-b>
14. K. Chan and J. Khaw, "Not All Those Who Wander (Over the Horizon) Are Lost: The Applicability of Existing Paradigms of International Law to Cyberspace and the Interpretation of Customary International Law," *2024 16th International Conference on Cyber Conflict: Over the Horizon (CyCon)*, Tallinn, Estonia, 2024.
15. Lanzoni, Niccolò. 2022. "The Authority of ICJ Advisory Opinions as Precedents: The Mauritius/Maldives Case." *The Italian Review of International and Comparative Law* 2 (2): 296–322.
16. Sthoeger, Eran. 2023. "How Do States React to Advisory Opinions? Rejections, Implementation, and What Lies in Between." *AJIL Unbound* 117: 292–297.
17. www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-uk-and-mauritius-3-october-2024.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

